

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** —

д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский

государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — док-

тор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н.,

проф., Институт российской истории РАН; **Каширина Т.В.**

— д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России

(г. Москва); **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкар-

ский государственный университет; **Михайловский Ф.А.**

— д.и.н., проф., Московский городской педагогический уни-

верситет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена

(Италия); **Панкратов С.А.** — д.пол.н., проф., Волгоградский

государственный университет; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н.,

д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идео-

логии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2018. — № 2. — 162 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T.V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F.A. Mikhailovskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S.A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

S.S. Sulakshin – Doctor of Political Science, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2018. – № 2. – 162 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2018.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2018.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Гонзалез Д.А., Волобуев О.В. Н.А. РОЖКОВ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ И ГАЗЕТА “ИРКУТСКОЕ СЛОВО” (МАЙ 1910 – ЯНВАРЬ 1912 ГГ.)	6
Зинуров Р.Н. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АРМЕНИИ	25
Тетерин П.В. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕМЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА	40

Всеобщая история

Филянов Н.А. БОРЬБА ВОКРУГ ИТАЛИЙСКОГО ВОПРОСА В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 125–124 ГГ. ДО Н.Э.	51
Чикризова О.С., Сошникова Е.О. РОЛЬ ФРАНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.	61
Свидерский А.А. ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РФ Б.Н. ЕЛЬЦИНА В СОЗДАНИИ И ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	75
Комаров А.Н., Оразбаева Ж.А. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ	83

Отечественная история

Лучинский Н.Д. ТШИНЕЦКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ В ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН.	89
Иванова А.А. КАТЕГОРИЯ «ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ» КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ И.П. ПНИНА	97
Ермаков А.М. МОСКОВСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	106
Щербакова О.М. В.И. ГРИНЕВЕЦКИЙ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В 1918 ГОДУ (К СТОЛЕТИЮ НАПИСАНИЯ КНИГИ «ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ»)	115
Горлов В.Н. РЕЧЬ Н.С. ХРУЩЁВА НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТРОИТЕЛЕЙ В ДЕКАБРЕ 1954 Г. КАК ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ШАГОВ В НАПРАВЛЕНИИ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	126
Шайхаев Т.И. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 1990-1991 ГГ.	132

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Мартынов Е.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: МИРОВОЙ ОПЫТ	143
Ревазова М.И. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ	152

CONTENTS

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

- J. Gonzalez, O. Volobuev.** N.A. ROZHKOV IN SIBERIAN EXILE AND THE NEWSPAPER "IRKUTSKOE SLOVO" (MAY 1910 – JANUARY 1912) 7
- R. Zinurov.** STATE AND PERSPECTIVES OF THE ARMENIAN-TURKISH RELATIONS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF ARMENIA 25
- P. Teterin.** HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS OF THE "COLD WAR" THEME IN MODERN TEXTBOOKS ON THE HISTORY OF FATHERLAND 40

General History

- N. Filyanov.** STRUGGLE AROUND THE ITALIAN QUESTION IN THE ROMAN REPUBLIC IN 125–124 BC 51
- O. Chikrizova, E. Soshnikova.** THE ROLE OF FRANCE IN FORMING THE STATE BOUNDARIES IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA IN THE EARLY XXTH CENTURY 61
- A. Sviderskiy.** THE PERSONALITY OF B. YELTSIN, THE FIRST PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION, IN CREATING AND FORMING THE RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS 75
- A. Komarov, Z. Orazbayeva.** INTEGRATION PROCESSES IN NORTH AMERICA AND THE FORMER SOVIET UNION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT 83

Native History

- N. Luchinsky.** TRZCINIEC CULTURAL CIRCLE AND THE PROBLEM OF THE ETNOGENESIS OF THE SLAVS 89
- A. Ivanova.** THE CATEGORY OF SERFS "MOVABLE PROPERTY" IN I. PNIN'S SOCIAL PROGRAM 97
- A. Ermakov.** MOSCOW GOVERNORS AND GOVERNOR-GENERALS: PROBLEMS OF INTERRELATIONSHIPS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES 106
- O. Shcherbakova.** V.I. GRINEVETSKY ABOUT THE WAYS OF DEVELOPING THE COUNTRY IN 1918 (ON THE OCCASION OF THE CENTENARY OF THE BOOK «POST-WAR PERSPECTIVES OF RUSSIAN INDUSTRY») 115
- V. Gorlov.** N.S. KHRUSHCHEV'S SPEECH AT THE ALL-UNION CONFERENCE OF BUILDERS IN DECEMBER 1954 AS ONE OF THE FIRST STEPS IN THE DIRECTION OF DE-STALINIZATION OF SOVIET SOCIETY 126
- T. Shaykhaev.** POLITICAL SITUATION OF 1990–1991 IN THE CHECHEN REPUBLIC 'THE WAY TO THE CHECHEN REVOLUTION' 132

SECTION II POLITOLOGY

- E. Martynov.** POLITICAL FUNCTIONS OF SOCIAL ADVERTISING: WORLD EXPERIENCE 143
- M. Revazova.** POLITICAL-LEGAL MEANS OF ENSURING THE RIGHTS AND INTERESTS OF COMPATRIOTS 152

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 070(470+57) “1910/1912”(092) Рожков

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-6-24

Н.А. РОЖКОВ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ И ГАЗЕТА “ИРКУТСКОЕ СЛОВО” (МАЙ 1910 – ЯНВАРЬ 1912 ГГ.)

Гонзалез Д.А.¹, Волобуев О.В.²

¹ Исторический научный центр Рожкова

А/Я 240, Оак Флатс, Новый Южный Уэльс, 2529, Австралия

² Московский государственный областной университет

105005 Москва, Радио ул., 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещается идейная эволюция и публицистическая деятельность историка и социал-демократа Н.А.Рожкова в Сибири с мая 1910 по январь 1912 г. и его влияние на политических ссыльных и демократических читателей газеты «Иркутское слово». В фокусе статьи переход Рожкова от радикального революционизма к социал-демократическому реформизму, основанному на возможности мирного преобразования “хищнического капитализма” в “культурный капитализм”. Показано, что царская система наказания ссылкой осужденных по политическим статьям не только не смогла искоренить серьезную оппозицию власти, но не смогла даже приостановить деятельность влиятельных революционных и оппозиционных групп.

Ключевые слова: Н.А. Рожков, политические ссыльные, пути развития России, “культурный капитализм”, легальная рабочая партия, “Иркутское слово”, социальные реформы, кооперация.

N.A. ROZHKOVA IN SIBERIAN EXILE AND THE NEWSPAPER "IRKUTSKOE SLOVO" (MAY 1910 – JANUARY 1912)

J. Gonzalez¹, O. Volobuev²

¹ The Rozhkov Historical Research Centre

PO Box 240, Oak Flats, New South Wales 2529, Australia

² Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. This article highlights the ideological evolution and publicistic work of the historian and social democrat N.A. Rozhkov in Siberia from May 1910 to January 1912 and his influence on political exiles and democratic readers of the newspaper "Irkutskoe slovo". The article's focus is the transition of Rozhkov from radical revolutionism to social democratic reformism based on the possibility of the peaceful transformation of "predatory capitalism" to "civilized capitalism". It is shown that the Tsarist system of punishment by exile of those convicted for political reasons not only could not eradicate serious opposition to authority but could not even stop the work of influential revolutionary and oppositionary groups.

Key words: N.A. Rozhkov, political exiles, paths of Russia's development, "civilized capitalism", legal workers' party, "Word of Irkutsk", social reforms, cooperation.

Начало сибирской ссылки

Пребывание видного и популярного доцента Московского университета и одного из заметных социал-демократических публицистов и лекторов Н.А. Рожкова (1868–1927) в сибирской ссылке не осталось без внимания исследователей. Значительный вклад в изучение этого периода истории политической ссылки социал-демократов, в том числе Рожкова, внесли сибирские ученые. Среди написанного ими в освещении сибирских страниц биографии Рожкова прежде всего следует отметить диссертацию Т.А. Борисовой [3] и работы Л.П. Сосновской, А.А. Иванова [26; 8]. В этой статье научный анализ также опирается на большую работу, сделанную такими исследователями за пределами России, как С. Бадкок и Д. Безр [29; 30].

Для нас начальный период его ссылки, являющийся предметом ана-

лиза в данной статье, представляет особый интерес, поскольку именно Сибирь оказалась важной вехой в политической биографии Рожкова. В Сибирь Рожков попал как большевистский публицист, занимавшийся революционной пропагандой. После падения монархии в феврале 1917 г. он возвращается в Европейскую Россию сначала как внефракционный социал-демократ, а позже, но в том же 1917 г., – уже как деятель меньшевистского толка. Постараемся проследить узловые моменты идейного перерождения историка, его перехода от радикализма к умеренному социал-демократизму, тот перелом в его воззрениях, который приходится на 1911 г.

После ареста в апреле 1908 г. Николай Александрович Рожков провел более двух лет в Бутырской тюрьме в Москве, прежде чем был приговорен к ссылке. Он прибыл в Александровскую

транзитную тюрьму Иркутской губернии 24 мая 1910 г. Охранное отделение имело информацию о Рожкове еще с его студенческих дней в Московском университете в конце 1880-х гг. Оно располагало сведениями о том, что Рожков принимал участие в Московском вооруженном восстании; организовывал и вел антиправительственную пропаганду; был членом ЦК РСДРП с 1907 г.; являлся известным публицистом и редактором таких газет, как «Светоч»¹, которая была органом московских социал-демократов. Он поддерживал программу и тактику РСДРП; тесно сотрудничал с социал-демократическими организациями в Москве и других городах, подстрекая, по определению охраны, рабочих и крестьян к свержению царского режима в России [5; 33]. Охранка считала Рожкова угрозой для правительства и держала его под пристальным наблюдением, в большей степени, чем многих других политических ссыльных. Как прокомментировал эту ситуацию коллега Рожкова, большевик С.С. Кривцов, – неважно, где Рожков пытался скрываться или что он пытался сделать, охранка была в курсе его взглядов и дел [9, с. 233–236].

Рожков провел первый год сибирской ссылки главным образом в деревне Малышевка в Усть-Удинском районе и соседних деревнях Нижнеилимское, Бельское и Керенское [5, с. 58]. Но в каких бы глухих углах Сибири он не находился, историк выкраивал время и силы для общественной и научной работы. Из всех характеристик его, данных Лениным, возмож-

но, ничто не было более точным, чем утверждение о том, что Рожков был «человеком дела» [10, с. 407]. Несмотря на огромные трудности, которые пришлось терпеть, в 1910 г. Рожкову все же удалось написать две работы по сельскому хозяйству и две научные статьи, посвященные различным аспектам его исследований по истории. Его статья о народном хозяйстве России в XVI в. была опубликована известным и уважаемым издателем и покровителем литературы И.Д. Сытиным в сборнике статей по современной истории, а еще одна экономическая статья – в ежемесячном журнале большевиков «Мысль». Другие статьи были опубликованы в Санкт-Петербурге в журнале «Современный мир».

Преданность Рожкова своим политическим убеждениям заставила его искать пути исхода из ссылки. Хотя он, как правило, «выступал против побегов и эмиграции, поскольку вся эта история была бы разыграна зря», пришлось обдумывать все возможности покинуть Сибирь [33, с. 146]. Вскоре после прибытия в Малышевку Рожков несколько раз пытался устроить побег, направляясь во Владивосток, но был каждый раз обнаружен и наказан перемещением в новое, еще более глухое место Сибири. Так, он оказался вынужденным жить в Киренске, деревне в 659 км к северо-востоку от Иркутска.

Несмотря на все попытки помешать Рожкову продолжать творческую деятельность, неутомимый историк продолжал работать над своим амбициозным проектом написания многогранной истории России в глобальной перспективе. Он готовился к этой задаче, прочитав столько источников, сколько мог получить из местных би-

¹ Светоч – ежедневная социал-демократическая газета, выходившая в Москве с 11 (24) мая по 31 мая (13 июня н.э.), 1906 г.

блиотек, от других ссыльных и из материалов, которые были привезены гостями, приезжавшими из крупных городов, чтобы встретаться с Николаем Александровичем и другими ссыльными. Когда ему наконец разрешили жить в Иркутске, у него уже накопилось огромное количество материала для работы. Примечательно, что Рожкову и другим ссыльным позволили получать научную и политическую литературу [33, р. 326–335]. Еще более поражает огромный объем написанного, который ссыльные смогли опубликовать.

1911 год – новое политическое кредо и разрыв с большевиками

1911 г. стал решающим, поворотным моментом в жизни Рожкова. В этом году он опубликовал несколько работ, изложив свою политическую концепцию, которая была близка меньшевистским взглядам на социальное развитие России в результате столыпинских реформ. Эти публикации положили конец его связи с Лениным и большевистской фракцией РСДРП. Рожков не только попытался научно обосновать свою интерпретацию трансформации капитализма в России, но считал, что этой аргументации достаточно, чтобы политически соперничать с доминирующими группами в РСДРП. Он был уверен, что его взгляды могут объединить социал-демократов в деле создания легальной независимой и демократической группы единомышленников, которая могла бы открыто участвовать в выборах. Новые взгляды Рожкова были популярно изложены в его публикациях [23; 24]. Как любой политический активист, заявив о своих взглядах, Рожков решил,

что пришло время пропагандировать и распространять их, в частности и среди сибиряков, с целью получить как можно большую поддержку. Он знал, что наиболее эффективный и действенный способ распространения политических взглядов – это газета, и стремился сделать более популярным печатным органом «Иркутское слово», а также сохранять это издание от закрытия столь долго, насколько это возможно.

В сентябре 1911 г. статья Рожкова «Современная положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» была опубликована в ежемесячном журнале «Наша заря», который стал органом так называемого большевиками «меньшевистского ликвидаторства» [7; 3]. Ранее Рожков пытался опубликовать эту и другие политические статьи в газете «Звезда», но был вынужден искать другое издание, столкнувшись с сопротивлением Ленина. Ленин, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев упрекали Рожкова за то, что он пересматривает свою прежнюю большевистскую позицию, но Рожков от смены взглядов не отказался [33, с. 150–155]. Хотя этот конфликт вылился в противостояние осенью 1911 г., еще в феврале Рожков заявил, что хочет создать легальную рабочую партию в условиях существующего политического режима [7, с. 15–16; 3, с. 89–95]. Он очень четко сформулировал это в мае 1911 г. в письме к своему другу М.С. Ольминскому, видному социал-демократическому публицисту: «Для меня теперь нет дела более важного идейно, как борьба за легальность рабочей партии легальными средствами» [33, с. 155; 3, с. 89]. Ленин, его прежний партийный товарищ,

сначала пытался уговорить Рожкова не продолжать придерживаться этого ликвидаторского политического пути, но как только он убедился, что Рожков не собирается возвращаться к большевикам, – стал его самым влиятельным противником.

Нет сомнений в том, что большевистский лидер тогда искренне полагал, что потеря большевиками интеллектуальной поддержки со стороны Рожкова – большой удар для большевиков. Как выразился Ленин, Рожков «красноречиво пишет» [10, с. 408]. Он мог давать «прямые», «ясные» и «законченные» определения сложных вопросов [10, с. 396]. Он также был известным и уважаемым публицистом и партийным организатором, который уже много лет участвовал в деятельности газет, конференций и собраний РСДРП. В начале декабря 1911 г. Ленин писал: «Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р-кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний» [10, с. 396]. Любая политическая группа использовала бы таланты Рожкова, и, как указывал В.И. Ленин, лидеры ликвидаторов из «Нашей Зари» выражали удовлетворение присоединением Рожкова к рядам критиков большевизма [10, с. 409]. Резкая перемена Ленина не была продуктом прихоти или, как считают некоторые авторы, явным примером его «полицейского» менталитета [36, с. 12]. Позиция вождя большевиков понятна с учетом политических идей и публикаций Рожкова в 1911 г. В письме к Максиму Горькому (февраль-

март 1912 г.) Ленин с разочарованием заметил: «Рожкова «Иркутское Слово» вижу очень редко. Стал человек ликвидатором» [12, с. 48]. Конечно, Ленин не мог предпочесть никакую дружбу революционному делу. Свою позицию он еще раз выразил Горькому в другом письме: «Теперь Степанов *демонстративно* пишет не у нас, а в газете Рожкова «Новая Сибирь» в Иркутске. А Рожков Вы знаете, какое «течение» открыл? Читали его статью в «Нашей Заре» 1911 года и мой ответ в «Звезде»? И Рожков *уперся* на своем архиппортунизме [13, с. 153–154]».

Для Ленина не имело значения, какие отношения Рожков когда-то имел с большевиками. Для него имело значение только то, что бывший соратник стал политическим противником. Ведь убеждение Рожкова в том, что можно и нужно действовать мирными парламентскими средствами в результате длительного периода капиталистического развития – было идеей, преданной анафеме Лениным и его сторонниками. И не случайно Ленин будет Рожкова яростно преследовать вплоть до своей смерти.

«Иркутское слово»

В первые шесть месяцев сибирской ссылки Рожкову удалось написать десятки статей в нескольких газетах, в том числе «Восточной Заре» и «Голосе Сибири», в которых он трактовал многие политические темы и вопросы с точки зрения своего социологического объяснения общественной жизни. Рожков поддерживал эти газеты, пока у них не было средств и они не были закрыты властями. В 1911 г. он продолжал писать статьи для «Голоса Сибири», но также начал писать для других газет,

таких, как «Сибирские огни», «Сибирская мысль», «Сибирское слово», «Сибирская речь» и «Обская жизнь» [3, с. 339–347]. К сентябрю Рожков вернулся в Малышевку и в течение следующих трех месяцев смог посетить Иркутск несколько раз, хотя каждая поездка требовала преодоления порядка 235 км. Его работа по поддержанию демократической прессы основывалась на глубокой вере в то, что социал-демократам нужны легальные газеты как в крупных российских городах, так и в сибирской ссылке. Когда губернатор дал Рожкову разрешение жить в Иркутске, чтобы он мог быть рядом со своей больной женой, которой оказывали там медицинскую помощь, он одновременно предоставил Рожкову возможность сотрудничать в газетах. Это помогло ему влиять на ориентацию газеты «Иркутское слово», которая издавалась с 31 октября 1911 г. по 28 мая 1912 г. [14, с. 7, 17]. Насчитывалось 30 ее выпусков – 8 в конце 1911 г. и 22 – в 1912 г. [3, с. 321; 1, 130].

Издание газеты «Иркутское слово» было начато мелкой предпринимательницей П.М. Рыжковой. Она являлась подставной фигурой, и за короткий период существования газет периодически задерживалась полицией и отбывала сроки в тюрьме. В течение этого времени ее официально заменял машинист А.П. Маркачев [3, с. 182; 26, с. 87]. На самом же деле руководил газетой Рожков. Не может быть никаких сомнений в том, что без стоящего у руля газетного дела Рожкова с Н. Ершовым в качестве соредатора «Иркутское слово» было бы закрыто, как и многие другие газеты в то время.

В.С. Войтинский, экономист и социал-демократ, который был сослан в

Сибирь, где стал меньшевиком и близким сторонником И. Церетели, оставил воспоминания об этом периоде. Однако, как это часто бывает в случае с личными воспоминаниями, написанными много лет спустя, они весьма субъективны [39, р. 203]. Войтинский не только ошибался, когда позже охарактеризовал Рожкова как «посредственного журналиста», но даже его собственные воспоминания противостоят этому ярлыку [39, р. 203–206]. По его же утверждению, именно Рожков преуспел в «разжигании общественных интересов» в «Иркутском слове». [39, р. 203]. Как писал Войтинский в 1924 г., «Иркутское слово» «представляло собой листок понедельничного типа с преобладанием литературно-фельетонного материала, но с неожиданно выскакивавшими научно-марксистскими статьями. Велась газета в резко полемическом, задорном тоне, и, в общем и целом, довольно неудачно» [4, с. 369].

Большевик Н.Ф. Чужак¹ давал более честную и точную оценку Рожкову как газетному журналисту и издателю, когда писал, что «Иркутское слово» было «первой, воинствующей рабочей газетой в Сибири», и она же «первая газета», которая была на 100% для ссыльных» [27, с. 175]. Чужак утверждал, что часто не соглашался с Рожковым, но его знания и опыт оказались ценными для газетной работы, и у них сложились отношения тесного сотрудничества [27, с. 173]. В.Н. Соколов писал о работе Рожкова: «К концу 1911 г. мы снова имели свой орган – понедельничное «Иркутское слово».

¹ Чужак (Н.Ф. Насимович) литературный критик, друг и коллега Рожкова. Они работали вместе в нескольких сибирских газетах.

Еженедельная газета, конечно, не ежедневная: часто не было возможности отозваться на злобу дня. Но зато здесь не было и коалиции с прочей демократией – статью в неделю мог дать и каждый из нас» [25, с. 93].

Несмотря на определенный успех, еженедельник не мог составить конкуренцию новостям или отзывам, которые оперативно публикуются другими газетами, немедленно реагировать на любые новости из Санкт-Петербурга и прочих городов России. Рожков писал Ольминскому в начале декабря 1911 г., что надеется – этот еженедельник будет только началом: «Мы здесь вплотную взяли пока за еженедельную понедельничную газету. Но может быть на днях будем иметь в руках и ежедневную. В крайности думаем еженедельную потом преобразовать в ежедневную» [26, с. 89]. Еще 6 мая 1911 г. Рожков сообщил Ольминскому о своей решимости развивать правовую борьбу против старого режима для улучшения положения рабочих и общества в целом. Он считал, что легальные, открытые организации любого рода должны поддерживаться и использоваться в классовой борьбе. Рожков использовал многие свои статьи, чтобы уточнить и объяснить свою веру в цивилизованный капитализм, абсолютную необходимость создания в России политической структуры, основанной на «социально-демократических свободах», а также свои взгляды на экономическое развитие России и особенно ее Сибири. В то время многие ссыльные считали, что прибытие Рожкова в Иркутск было счастливой «находкой» не только для «Иркутского слова», но и для других газет, а также и социал-демократического движения в целом,

Социально-политическая проблематика статей Н.А. Рожкова в «Иркутском слове»

Публицистике Рожкова присуща острая политическая актуальность. Первая передовая статья, опубликованная в «Иркутском слове» – «Государственная дума и страхование рабочих», была написана Рожковым с использованием псевдонима Н.А. Р-ов [15, с. 1]. Эта статья положила начало той части его публицистики, в которой он обсуждал и объяснял ключевые элементы того, что, по его мнению, составляло политическую программу развития цивилизованного капиталистического общества. Рожков начинает статью, обращаясь к одному из своих любимых афоризмов о том, что «история повторяется», и комментирует, что российская Дума испытывает такие же критические нападения при обсуждении законодательства о страховании рабочих, как это происходило в германском рейхстаге при Бисмарке [15, с. 1]. У Рожкова было убеждение в том, что в начале 1880-х гг. немецкое правительство было вынуждено сделать что-то, чтобы успокоить растущие беспорядки среди рабочих, требующих улучшения условий труда и жизни [15, с. 1]. Опасаясь возможности вызова со стороны социал-демократического движения, Бисмарк провел ряд реформ, в том числе ввел пакет социального страхования, хотя не желал настоящих социальных реформ. Он был озабочен сохранением контроля над политической системой и подавлением любой формы социалистической оппозиции [28, с. 40–41]. Осуществив небольшое количество консервативных страховых мер, Бисмарк смог отложить бо-

лее прогрессивные и всеобъемлющие реформы.

Аналогичным образом Столыпин планировал внедрить ряд социальных реформ в российскую действительность. Были, например, планы ввести пособия по болезни, несчастным случаям, старости и страхованию по инвалидности, но, в конце концов, было в этом направлении принято минимальное законодательство [37, р. 411–412]. Рожков утверждал, что в России, как и в Германии, интересы класса промышленников, а также интересы правительства часто выстраивались против интересов рабочего класса [37, р. 410–411]. Каждая из политических партий в Думе защищала свои интересы, но махинации октябристов, по мнению Рожкова, определяли судьбу многих социальных реформ. Как только октябристы, представлявшие «доминирующую тенденцию» в российской промышленности, начали раскалываться, «среднему наблюдателю» стало сложно определить «различные слои оппозиции», которые существовали по отношению к социальным реформам и почему эти различия были настолько «чрезвычайно существенными» [15, с. 1]. Рожков пришел к выводу, что крайне важно знать, как каждая партия или группа относилась к реформам, потому что политические пристрастия в Думе регулярно менялись, а это влияло на результаты голосования [15, с. 1]. По словам Рожкова, реформы, рассматриваемые в Думе, были направлены на то, чтобы предотвратить социальные беспорядки, чтобы защитить статус-кво, и поэтому любая попытка улучшить работу рабочего класса не могла происходить без борьбы. Основным намерением большинства

думцев, как и Бисмарка, всегда было сохранение монархического режима.

Вторая статья Рожкова в «Иркутском слове» от 14 ноября 1911 г. получила название «Национализм и буржуазия» [19, с. 1]. В этой статье речь шла не только о значении массового общественного сознания, но и его развитии в направлении понимания взглядов основных политических партий. Рожков высоко оценивал в этом отношении роль газет, потому что, как он писал, «задача демократической прессы – прояснять это (общественное) сознание» [19, с. 2]. Демократическая пресса особенно важна, когда концепция национализма становится предметом обсуждения, иначе как можно поставить под сомнение «устаревшие басни о “безпочвенности” национализма, о происхождении его из личных капризов, “волевых импульсов” и т. д.». Опасность Рожков видел в том, что различные политические партии занимались «пустотой и вредной болтовней» о национализме, которая затуманивала общественное сознание. Он писал: «Торжествующая буржуазия всюду провозглашает лозунги в роде “Америка для американцев”, “Франция для французов”, “Германия для немцев” и “Россия для русских”. Содержание этих лозунгов – экономическое и политическое – не может и не должно возбуждать никаких сомнений: всегда здесь имеются в виду правящие классы господствующей национальности, желающие расчистить себе поле от экономической и политической конкуренции со стороны буржуазии других национальностей, находящихся в данной стране в меньшинстве». Рожков писал: “... Тот жестоко ошибся бы, а то наивно поверил бы, что здесь в какой

бы то ни было степени имеется в виду защита интересов масс господствующей национальности [19, с. 2]». Он выражал озабоченность по поводу того, что термин «национализм» использовался для разделения населения и вооружения народов мира друг против друга. Заметим, что проблема национализма поднималась Рожковым за несколько лет до начала Первой мировой войны.

В третьей статье, опубликованной в «Иркутском слове» 5 декабря 1911 г., Рожков обратил внимание на налогообложение городской недвижимости (закон 6 июня 1910 г.) [20, с. 2]. Хотя это была лишь короткая статья, в ней четко излагались некоторые сложные и ключевые вопросы, касающиеся налогообложения собственности на дома и земли в городах. Рассматривая в этом ракурсе положение в Иркутске, он сфокусировал свою аргументацию, в частности, на том, что принятый закон создавал неблагоприятные условия для тех, кто проживал на «хозяйственно-эксплуатируемых незастроенных участках» [20, с. 2], Рожков обсуждал вопрос о введении более «прогрессивного» налога на продажу земли [20, с. 1].

Статья о законе от 6 июня 1910 г. вызвала довольно активную дискуссию среди политических ссыльных. Последовал довольно многословный и резкий упрек от одного из них, известного только по инициалу «П.Ф.», который опубликовал свои возражения в газете «Сибирь» [17, с. 2]. Сначала «Сибирь» была политически неприсоединившейся газетой, но после 1910 г. в ней появилась публицистика, содержащая социалистические взгляды. Таким образом, эта дискуссия, как

и другие, не выходила за рамки среды ссыльных социалистов. Ограниченный объем нашей статьи не позволяет детально изучить полемику между П.Ф. и Рожковым. Здесь особенно интересен тот факт, что Рожков отвечает оппоненту как политик, указывающий на политические реформы, которые, по его мнению, необходимо было проводить в российской Думе.

Краткий обзор статей, которые Рожков писал для «Иркутского слова», показывает, что он приблизился к восприятию социал-демократической идеи о возможном достижении элементов социализма с помощью парламентских средств. Во всяком случае, он утверждал, что государственная политика может быть изменена или «цивилизована» для создания экономических и социальных условий, которые способствуют защите интересов рабочего класса от грабительских, полуфеодальных капиталистических практик. По существу, он выдвигал свою интерпретацию минимальной программы, принятой РСДРП в 1903 г. [33, р. 102–106]. Основные идеи, на которые опирался Рожков, стали важной частью его более масштабной и более сложной теории исторического развития.

Роль кооперативов в опыте решения социальных проблем

Рожков был не только творческим исследователем и преподавателем, но и творческим искателем ответов на вопросы общественной жизни. Он всегда вносил в обсуждение этих вопросов связь и с марксистской политической доктриной, и с повседневной российской действительностью, так как был непосредственно знаком с бытом и на-

строениями городских и сельских тружеников. Рожкова характеризовали широта знаний и умение переваривать необычайное количество информации за короткий промежуток времени в сочетании со стремлением просвещать общественность. А это давало возможность охватить актуальными публикациями очень широкий круг тем и заинтересовать ими читателей. Многие из ссыльных были знакомы с его репутацией популярного лектора и оратора, который мог дать информативные и проницательные обзоры в качестве известного специалиста в области экономики и истории [2, с. 191; 6, с. 157–163].

Рожков способен был предоставить читателям разнообразную информацию и о состоянии экономики и о позиции Думы, в чем убеждает его критика законодательных и правительственных решений и официозных публикаций. Рассмотрим, например, его оценку такого пособия для переселенцев и ходоков по переселению [38, р. 895–922; 35]. В статье, озаглавленной «Переселенческая идиллия», опубликованной 12 декабря 1911 г., Рожков предупреждал, что переселение в отдаленные районы Сибири требует понимания намного большего числа факторов, чем те, которые описаны составителями пособия, призванного объяснять правительственную политику [21, с. 2]. Он так ставил вопрос: «имея критический навык и некоторые знания, можно разглядеть действительность под идиллическим покрывалом «Описания Иркутского переселенческого района». Но имели этот навык и эти знания ходоки и переселенцы, для которых предназначено «Описание»?» [21, с. 2].

Рассуждения Рожкова по экономическим вопросам были написаны с убеждением, что только благодаря «совместной демократической легальной работе» можно способствовать принятию каких-либо реформ [8, с. 247–250]. Как и многие другие политические ссыльные, Рожков оказывался в абсурдной ситуации, когда его преследовали за пропаганду реформ, проводимых мирными демократическими правовыми средствами. Рожков пришел к пониманию целесообразности решения социальных проблем бесконфликтным путем. Он был уверен, что «все устроится, все будет достигнуто, все сделано, если мы будем помнить и осуществлять в жизни великий демократический принцип «в единении сила» [8, с. 249–250]. Все чаще и чаще Рожков обсуждал понятие социального прогресса, основанного на экономическом сотрудничестве и взаимопомощи, а не на капиталистической конкуренции. Он акцентировал свои суждения на том, что капиталистическое общество – гладиаторское по своей природе. Оно устроено так, что «самые сильные, быстрые и самые хитроумные живут, чтобы сражаться в другой день» [34, р. 195–236]. В нескольких статьях Рожков рассмотрел кредитную и потребительную кооперацию, которые демонстрируют развитие и преимущества сотрудничества. Он опирался на тот факт, что кооперативы росли в годы столыпинской реформы и стали важной частью экономического развития России. Конечно, положительная оценка кооперации не была бесспорной, и у Рожкова имелись свои оговорки. Основная проблема, которую он анализировал, заключалась в том, что тип кредитного

кооператива, пропагандируемого одним из его отцов Ф.М. Шульце-Деличем (1808–1883) и впервые представленный опытной практикой в Германии, был «слишком мал для целей организации общественных сил» [16, с. 1]. Рожков считал, что кооперативы эффективны только в том случае, если все в обществе могут получить доступ к ним и извлечь из этого пользу. Он отмечал, что в Германии и других странах Европы, где появились кредитные кооперативы, многие рабочие и крестьяне остаются в стороне от них [16, с. 1].

Очевидно, что в 1911 г., когда Ленин разошелся с Рожковым, большевистский лидер полностью отвергал идею поддержки кооперации и не социал-демократических рабочих обществ, воспринятую его когда-то партийным товарищем [33, с. 150–155]. Только через бурное десятилетие, в 1923 г. Ленин пересмотрел взгляды на «кооперативное движение» в России и заявил, что теперь поддерживает его, потому что «в мечтаниях старых кооператоров много фантазии», а теперь кооперация «становится самой неподкрашенной действительностью» [11, с. 369]. Ленин это, правда, связывал с тем, что было свергнуто «господство эксплуататоров». Вождь большевиков писал: «раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения» [11, с. 369]. Так, в конце концов, Ленин пришел к пониманию выводов Рожкова о том, что кооперация, несмотря на все ограничения, «прежде всего приносит более или менее широким массам населения большую пользу в чисто-хозяйствен-

ном смысле: организует производство и сбыт их продуктов, удешевляет потребление и поднимает качество потребляемых продуктов, доставляет недорогой кредит и т.д.» [16, с. 1]. Однако для Рожкова столь же важным, если не более важным, был и тот факт, что кооперация играет социально-организационную роль – «благодаря ей население приучается к самостоятельности и самодеятельности, к сознательной защите своих интересов. А это главное в современной общественной жизни» [16, с. 1].

Опыт Рожкова, который работал и создавал профсоюзные организации, заключался в развитии классового сознания рабочих и крестьян. По сути, он использовал программу «практики» совместной самодеятельности рабочих для объединения ссыльных в Сибири [32, р. 4]. Рожков утверждал, что, хотя «кредитная кооперация в подавляющем большинстве случаев может иметь социально-организующее значение лишь для зажиточных верхов деревенского населения» [16, с. 1], тем не менее успех этих кооперативов, оценивается уже по значительному росту их числа. Так, к 1 января 1910 г. в Сибири было 115 мелких кредитных учреждений, к январю 1911 г. их было уже 326, а к октябрю 1911 г., всего через 9 месяцев, общее число выросло до 444. «Цифры, – писал Рожков, – эти достаточно внушительно свидетельствуют о быстром росте кредитной кооперации в Сибири» [16, с. 1]. Тем не менее, добавил он, этот темп роста является медленным по сравнению с тем, что было в Германии, когда в 1906 г. на 100 000 населения насчитывалось 25 мелких кредитных учреждений. Для сравнения, в Сибири в 1910 г. было менее 7

таких учреждений на 100 000 населения [16, с. 1].

Рожков утверждал, что потребительские кооперативы имеют тенденцию быть более демократическими по своей природе, чем кредитные кооперативы [22, с. 1]. Он полагал, что потребительские кооперативы всегда будут иметь «огромное значение» для Сибири, потому что это демократический край, в основном состоящий из крестьян [22, с. 1]. Для Рожкова единственным важным фактором для всех кооперативов было определение того, насколько демократичны они. Кооперативы должны были быть организованы так, чтобы равномерно и справедливо представлять все классы в обществе. Другими словами, они не могли не включать бедных рабочих или крестьян, и каждый член кооператива должен иметь один голос на общих собраниях, независимо от количества принадлежащих ему акций. Таким образом, все участвующие в кооперативах могли напрямую влиять на расходование капитала и разработку финансовых и производственных планов. Рожков был убежден в том, что «чистый демократический тип кооперации» был наиболее желательным, поскольку в этом случае принимаемые решения одобряются всеми членами кооперативного сообщества, а не только богатыми пайщиками и владельцами производства [22, с. 2]. Такие демократические кооперативы предпочитают создавать специальные кредитные средства для работников в периоды экономических трудностей и неопределенности, включая несчастные случаи, безработицу, забастовки и локауты. Рожков утверждал, что, продвигая такую практику, со временем

демократические кооперативы будут способствовать развитию сознания не только рабочих, но и крестьян. По мере того, как люди начинают формировать и определять свои экономические интересы, они начинают и понимать, что в их интересах, если вмешательство правительства и внешний контроль над их делами ограничены или даже сведены к минимуму [22, с. 2].

Осознавая, что идеальные демократические кооперативы не формируются за одну ночь, Рожков признал «практическую необходимость» идти на компромиссы и вести переговоры с теми, у кого не было достаточного понимания для того, чтобы оценить огромный потенциал демократических кооперативов. Он считал, что концепция дивидендов по паям, например, является той платформой, на которой могут быть достигнуты компромиссы. Соглашаясь с В.А. Поссе и другими кооператорами левого крыла, Рожков считал, что не должно быть дивидендов по паям или денежным скидкам при покупках личного характера. Вместо этого любые деньги или кооперативная прибыль должны использоваться для улучшения социального сотрудничества и общества, в котором проживают его члены. Однако не все кооперативы на практике соглашались с такой постановкой вопроса. Рожков утверждал, что в «крестьянской кооперации», где члены «более рабочих склонны к приобретательству», возможно, потребуется сделать скидку, чтобы позволить ее членам получать бонусы. Эти бонусы они могут тратить по своему усмотрению, пользуясь преимуществами принадлежности к коллективу [22, с. 2]. Рожков утверж-

дал, что в идеале кооперативы должны быть демократически организованы и структурированы. Это означает, что в них проводятся регулярные общие собрания и что руководство несет ответственность перед всеми пайщиками, а не только с крупнейшими из них. Как выразился Рожков, «демократизм потребительной кооперации есть альфа и омега её существования и развития» [22, с. 2].

В своей очень содержательной статье от 2 января 1912 г., в которой рассматривалось экономическое развитие России в предыдущем году, Рожков писал: «В росте сознательности, самоопределения и самоорганизации всех классов русского общества видим мы опору грядущего его более свободно, менее болезненного для масс развития» [18, с. 2]. Рожков пришел к выводу, что «решительные, коренные реформы» были «неизбежной необходимостью» и что их можно было бы реализовать через парламент [18, с. 2]. Вот почему он выступал за четвертые выборы в Думу и надеялся, что более либеральная Дума станет принимать законы, которые будут учитывать права и интересы рабочих и крестьян. Его решение принять позицию заместителя министра почт и телеграфов во Временном правительстве было, в конечном счете, результатом его веры в буржуазные демократические парламентские реформы [33, р. 210–214]. И, анализируя взгляды Рожкова на кооперативное движение и по другим рассмотренным в нашей статье вопросам, можно сделать обобщение, что в основе его политической мысли и морали лежал устойчивый демократизм. При этом, говоря его словами, приведенными выше, он всегда искал пути и

средства “менее болезненного для масс развития”.

Экономическое развитие России на основе данных за 1911 г.

Краткий обзор и анализ Рожковым экономических показателей России за 1911 г. отражает не только его преподавательское умение быть способным сводить сложные факты к ясным суждениям, которые легче понять, но и его опыт приложения экономической теории к хозяйственной статистике. Рожков использует эти два компонента в газетной статье, чтобы изложить критическую составляющую своей теории экономического развития России, заключающуюся в том, что “хищнические” черты капитализма могут быть устранены или «окультурены» со временем [33, р. 123–125]. Он указывает, например, на то, что «процесс развития в России «сельско-хозяйственного капитализма совершался в 1911 году с неуклонной последовательностью» [18, с. 1]. Это положение подтверждалось тем, что в 1911 г. экспорт зерна вырос на 32%, а цена на зерно – на 22% по сравнению с предыдущим годом; покупка же сельскохозяйственной техники и оборудования за 1910 г. выросла на 7%; и кредиты на зерно также выросли на 10% [18, с. 1]. Эти положительные «денежные потоки» были противопоставлены тому, что «способы, какими эта капитализация осуществляется, крайне болезненны для масс населения и в частности для земледельческого класса – крестьянства» [18, с. 1]. Рожков проиллюстрировал это свое утверждение, указав, что в по меньшей мере в двадцати губерниях был голод, который, по его данным, обошелся государственной казне в 118 млн. рублей [18, с. 1].

Рожков, обращаясь к столыпинской реформе, подчеркнул тяжелую «человеческую цену» той «насилованной операции, которая совершается над формами крестьянского землевладения» [18, с. 1]. К концу 1911 г. частная собственность на землю увеличилась на 1,5 млн. домовладельцев, владеющих 11,25 млн. десятин земли [18, с. 1]. Увеличение числа крестьян, которые покинули общину, чтобы владеть своей частной полосой земли, вызвали резкие изменения в общинной землевладельческой практике и способствовали нарастанию социальной розни между крестьянами [18, с. 1]. Рожков использовал статистические данные, предоставленные А.С. Ермоловым, бывшим министром сельского хозяйства, о деревенских пожарах, чтобы заявить, что несчастные крестьяне чаще, чем раньше, прибегают к поджогам, чтобы выразить протест против того, как осуществляется выход из общины, и как домохозяйства уничтожаются «судебными и административными репрессиями» [18, с. 1; 31, р. 111, 127].

По словам Рожкова, попыткам правительства уменьшить разброс земельной собственности по наделам и ускорить консолидацию земельных участков помогли «крепкие» крестьяне, которым легче покупать земельные участки и двигаться к созданию отрубов и хуторов [18, с. 1]. Усилия правительства по приватизации и консолидации земельных наделов достигли максимума к 1910 г. В 1911 г. уровень консолидации земель был вдвое меньше, чем в 1910 г. К сожалению, многие крестьяне теряли свою землю в результате перераспределения землевладения. Рожков писал: «Что касается крестьян хозяйственно слабых, то они

все более теряют землю, и этому способствует еще голод: наделная по 10-15 руб. за десятину» [18, с. 1].

Капитализм, полагал историк, уже развился в России до такой степени, что два сектора экономики – сельское хозяйство и промышленное производство – стали практически независимы от друг друга. Рожков указал на кажущийся парадоксальным факт: машинное оборудование и металлообработка выросли на 17% в 1911 г., они не были затронуты плохим в том году урожаем, а вот для многих людей это был голодный год. Но, конечно, так обстояло дело не по всем отраслям: хлопковая промышленность, которая опирается на сельский рынок, не может игнорировать низкий урожай. А к 1912 г. производство хлопка снизилось на 15% по сравнению с предыдущим годом. Подводя итоги, Рожков отметил, что безработица увеличилась, зарплаты почти сократились вдвое, а количество банкротств в 1911 г. увеличилось на 75%. Следовательно, неудивительно, что в 1911 г. городские беспорядки количественно удвоились по сравнению с 1910 г. [18, с. 2].

Рожков подчеркнул в своей статье то, что к началу 1912 г. российское правительство очень мало сделало, чтобы уменьшить «болезненности русского капиталистического развития» для большей части населения [18, с. 2]. Он писал: «Общая тенденция здесь – сохранение существующего и укрепление позиции его защитников с редкими и небольшими уступками неизбежному веянию времени, требующего решительных и крупных реформ. Мероприятия против голода ограничиваются при таких условиях лишь паллиативами. Бюджет остается

не реформированным, а лишь самое большее несколько упорядоченным в чисто техническом смысле» [18, с. 2].

Правительство предпочитало «охранять интересы предпринимателей», а не вводить законодательство, устраняющее некоторые серьезные проблемы, с которыми ежедневно сталкиваются работники и крестьяне. Так, например, меры правительства по борьбе с ужасной проблемой пьянства были половинчатыми и неискренними, потому что доход, получаемый правительством от налогов на алкоголь, основательно пополнял бюджет. Свертывание потребления алкоголя означало бы сокращение государственных доходов.

В то же время удручает тот факт, что правительство не тратит ничего из своих огромных доходов на образовательные программы и кампании, на-

правленные «к подъему культурности масс» [18, с. 2]. Рожков утверждал, что, когда дело доходит до столкновения представителей власти с основными социальными проблемами, которые являются результатом «неизбежно развивающихся сил и тенденций, их тактические приемы в классовой борьбе носят на себе печать крайней нервно-сти» [18, с. 2].

Говоря словами Рожкова, приведенными выше, в тексте о кооперативах, он всегда искал пути и средства “менее болезненного для масс развития”. Как историк, он понимал, что революции – это не только локомотивы истории, но и ее самые болезненные страницы. И потому предпочел менее конфликтные пути в будущее.

Статья поступила в редакцию 24.11.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л.Н. и др. Библиография периодических изданий России 1901–1916, Т. 4. Ленинград: РС РСФСР, 1961. 404 с.
2. Богоявленский В. Из воспоминаний о Н. А. Рожкове // Памяти Николая Александровича Рожкова. Каторга и Ссылка. 1927. № 3 (32). С. 189–191.
3. Борисова Т.А. Общественно-политическая, журналистская и научная деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке (1910–1917): Дисс. ... канд. истор. наук. Иркутский государственный университет, Иркутск, 2003. 393 с.
4. Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Т. 2. Берлин, 1924. 411 с.
5. Волобуев О.В. Н.А. Рожков: Историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с.
6. Гайсинович А.А. Рожков-Учитель (Воспоминания). // Ученые записки института истории РАНИОНа. Т. V. М., 1928. С. 157–163.
7. Гонзалез Дж. Ликвидационизм Н.А. Рожкова. Политическая ассоциация за защиту интересов рабочего класса и Нашей Зарии 1911–1912 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 5. С. 13–27.
8. Иванов А.А. Н.А. Рожков о вкладе политических ссыльных в социально-экономическое развитие Сибири XIX-начала XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2005. Иркутск: БГУЭП, 2005, с. 247–250.
9. Кривцов С. Памяти Товарищей, Н.А. Рожков (Вячеслав) // Пролетарская революция. 1927. № 1. С. 233–236.
10. Ленин В.И. Манифест либеральной рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 396–410.

11. Ленин В.И. О Кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377.
12. Ленин В.И. Письмо Максиму Горькому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 48.
13. Ленин В.И. Письмо Максиму Горькому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 153–154.
14. Новиков И.В. и др. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня // Омское Прииртышье (1992–2003). Омск: ООО «ИПЦ “Сфера”», 2007. 306 с.
15. Р-ов Н.А. Государственная Дума и страхование рабочих // Иркутское слово. 1911. 31 окт.
16. Р-ов Н.А. Кредитная кооперация в Сибири // Иркутское слово. 1912. 9 янв.
17. Р-ов Н.А. Либерально-реакционное лицемерие // Иркутское слово. 1911. 19 дек.
18. Р-ов Н.А. Минувший год в России // Иркутское слово. 1912. 2 янв.
19. Р-ов Н.А. Национализм и буржуазия // Иркутское слово. 1911. 14 нояб.
20. Р-ов Н.А. Наши городские думы и закон 6 июня 1910 г. об обложении чистого дохода с городских недвижимых имуществ // Иркутское слово. 1911. 5 дек.
21. Р-ов Н.А. Переселенческая идиллия // Иркутское слово. 1911. 12 дек.
22. Р-ов Н.А. Потребительная кооперация // Иркутское слово. 1912. 16 янв.
23. Рожков Н.А. Основы научной философии. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1911. 134 с.
24. Рожков Н.А. Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент. // Наша заря. 1911. №№ 9–10. С. 31–5.
25. Соколов В.Н. Партбилет № 0046340: Записки старого большевика. М.: Издательство политкаторжан, 1933. 241 с.
26. Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в «Иркутском Слове» (1911–1912) // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып. V. Иркутск. 1980. 32 с.
27. Чужак Н. Рожков в ссылке // Каторга и ссылка. 1927. № 3 (32). С. 172–183.
28. Abrams L. Bismarck and the German Empire, 1871–1918. London: Routledge, Second Edition, 2006. 112 p.
29. Badcock S. A Prison Without Walls?: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 224 p.
30. Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars. London: Penguin Books Ltd., 2016. 512 p.
31. Frierson C.A. All Russia Is Burning! A Cultural History Of Fire And Arson In Late Imperial Russia. Seattle: University of Washington Press, 2002. 318 p.
32. Galili Z. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies (Studies of the Harriman Institute). Princeton: Princeton University Press, 1992. 470 p.
33. Gonzalez J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov. Life in a Bell Jar. Leiden: Brill, 2017. 379 p.
34. Huxley T.H. The Struggle for Existence in Human Societies (1888). Reprinted in Evolution and Ethics and Other Essays. New York: D. Appleton & Co., 1914. 334 p. Pp. 195–236.
35. McGaughey A. The Irkutsk cultural project: images of peasants, workers & natives in late imperial Irkutsk province, 1870-1905. Unpublished PhD Thesis, University of Nottingham, 2015. 311 p.
36. Pipes R. The Unknown Lenin: From the Secret Archives. New Haven, CT: Yale University Press, 1999. 240 p.
37. Roosa R.A. Workers' Insurance Legislation and the Role of the Industrialists in the Period of the Third State Duma. The Russian Review. 1975. Vol. 34. No. 4. Pp. 410–452.
38. Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910s. Journal of Social History. Vol. 34. No. 4. 2001. Pp. 895–922.

39. Woytinsky W.S. *Stormy Passage. A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905–1960*. New York: The Vanguard Press, Inc., 1961. 535 p.

REFERENCES

1. Beliaeva L.N. et al, *Bibliografiia periodicheskikh izdanií Rossii 1901–1916* [Bibliography of Russian periodicals 1901–1916], vol. 4. Leningrad: MK RSFSR, 1961. 404 p.
2. Bogoiavlenskii V. Iz vospominanii o N.A. Rozhkově [From Recollections of N.A. Rozhkov]. *Pamiatí Nikolaia Aleksandrovicha Rozhkova. Katorga i Ssylka*, 1927, no. 3 (32), pp. 189–191.
3. Borisova T.A. *Obshchestvenno-politicheskaia, zhurnalistskaia i nauchnaia deiatel'nost' N.A. Rozhkova v sibirskoi ssylke (1910–1917)* [N.A. Rozhkov's Socio-Political, Journalistic and Scientific Work While in Siberian Exile 1910–1917]. Unpublished Doctoral Thesis. Irkutskii Gosudarstvennyi Universitet, Irkutsk, 2003. 393 p.
4. Voitinskii V. *Gody pobed i porazheniia* [Years of Victories and Defeats], vol. 2. Berlin, 1924. 411 p.
5. Volobuev O.V. N.A. Rozhkov: Istorik i obshchestvennyi deiatel' [N.A. Rozhkov: Historian and Public Figure]. Moscow: Sobranie, 2012. 320 p.
6. Gaisinovich A.A. Rozhkov-uchitel' (Vospominaniia) [Rozhkov As Teacher (Recollections)]. *Uchenye zapiski instituta istorii RANIONa*. Vol. V. Moscow, 1928, pp. 157–163.
7. Gonzalez J. N.A. Rozhkov's Liquidationism, The Political Association For The Protection Of The Interests Of The Working Class And Nasha Zaria 1911–1912. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii Istorii i politicheskie nauki*, 2013, no. 5, pp. 13–27.
8. Ivanov A.A. N.A. Rozhkov o vklade politicheskikh ssyl'nykh v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sibiri XIX—nachala XX vv [N.A. Rozhkov on the Contribution of Political Exiles to the Socio-economic Development of Siberia XIX-early XX centuries. In: *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*, 2005. Irkutsk, BGUEP, 2005, pp. 247–250.
9. Krivtsov S. Pamiatí Tovarishchei, N.A. Rozhkov (Viacheslav) [Recollections of Comrades, N.A. Rozhkov (Viacheslav)]. In: *Proletarskaia revoliutsiia*, 1927, no. 1, pp. 233–236.
10. Lenin V.I. Manifest liberal'noi rabochei partii. Polnoe Sobranie Sochinenii. Tom 20. Izdanie Piatoe. Izd. PolLit Moscow, 1973.
11. Lenin V.I. O Kooperatsii. Polnoe Sobranie Sochinenii. Tom 45. Izdanie Piatoe. Izd. PolLit Moscow, 1970, pp. 369–377.
12. Lenin V.I. Pis'mo Maksimu Gor'komu. Polnoe Sobranie Sochinenii. Tom 48. Izdanie Piatoe. Izd. PolLit Moscow, 1970, p. 48.
13. Lenin V.I. Pis'mo Maksimu Gor'komu. Polnoe Sobranie Sochinenii. Tom 48. Izdanie Piatoe. Izd. PolLit Moscow, 1970, pp. 153–154.
14. Novikov I.V. et al. Vliianie pechatnykh SMI na rezul'taty izbiratel'nykh kampanii federal'nogo urovnia [The influence of the printed media on the result of the federal election campaign]. Omskoe Priirtysh'e (1992–2003). Omsk: OOO IPTs 'Sfera', 2007. 306 p.
15. R-ov, N.A. Gosudarstvennaia Duma i strakhovanie rabochikh [The State Duma and Workers' Insurance]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1911, 31 October.
16. R-ov, N.A. Kreditnaia kooperatsiia v Sibiri [Credit Cooperation in Siberia]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1912, 9 January.
17. R-ov, N.A. Liberal'no-reaktsionnoe litsemerie [Liberal Reactionary Hypocrisy]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1911, 19 December.
18. R-ov, N.A. Minuvshii god v Rossii [The Past Year in Russia]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1912, 2 January.
19. R-ov, N.A. Natsionalizm i burzhuaziia [Nationalism and the Bourgeoisie]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1911, 14 November.

20. R-ov, N.A. Nashi gorodskie Dumy i zakon 6 iyunia 1910 g. ob oblozhenii chistogo dokhoda s gorodskikh nedvizhimykh imushchestv [Our Town Councils and the Law of 6 June 1910 on the imposition of net income from urban real estate]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1911, 5 December.
21. R-ov, N.A. Pereselencheskaia idilliia [The Resettling Idyll]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1911, 12 December.
22. R-ov, N.A. Potrebitel'naia kooperatsiia [Consumable Cooperation]. In: *Irkutskoe Slovo*, 1912, 16 January.
23. Rozhkov N.A. Osnovy nauchnoi filosofii [The Fundamentals of Scientific Philosophy. St. Petersburg, Tipografiia M. Stasiulevicha, 1911. 134 p.
24. Rozhkov N.A. Sovremennoe polozhenie Rossii i osnovnaia zadacha rabochago dvizheniia v dannyi moment [The current situation in Russia and the main task of the labour movement at the moment]. In: *Nasha zaria*, 1911, Nos. 9–10, pp. 31–5.
25. Sokolov V.N. Partbilet No 0046340: Zapiski starogo bol'shevika [Party ticket number 0046340: Notes of an Old Bolshevik]. Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan, 1933. 241 p.
26. Sosnovskaia, L.P. Uchastie politicheskikh ssyl'nykh v 'Irkutskom slove' (1911–1912) [Participation of Political Exiles in the 'Irkutsk Word' (1911–1912)]. In: *Ssyl'nye revoliutsionery v Sibiri*, Vypusk V. Irkutsk. 1980. 32 p.
27. Chuzhak N. Rozhkov v ssylke [Rozhkov in Exile]. In: *Katorga i ssylka*, 1927, no. 3 (32), pp. 172–183.
28. Abrams L. Bismarck and the German Empire, 1871–1918. London, Routledge, Second Edition, 2006. 112 p.
29. Badcock S. A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, Oxford University Press, 2016. 224 p.
30. Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars. London, Penguin Books Ltd., 2016. 512 p.
31. Frierson C.A. All Russia Is Burning! A Cultural History Of Fire And Arson In Late Imperial Russia. Seattle: University of Washington Press, 2002. 318 p.
32. Galili Z. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies (Studies of the Harriman Institute). Princeton, Princeton University Press, 1992. 470 p.
33. Gonzalez J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov. Life in a Bell Jar. Leiden, Brill, 2017. 379 p.
34. Huxley T.H. The Struggle for Existence in Human Societies (1888). Reprinted in *Evolution and Ethics and Other Essays*. New York, D. Appleton & Co., 1914. 334 p.
35. McGaughey A. The Irkutsk cultural project: images of peasants, workers & natives in late imperial Irkutsk province, 1870–1905. Unpublished PhD Thesis, University of Nottingham. 2015. 311 p.
36. Pipes R. The Unknown Lenin: From the Secret Archives. New Haven, CT: Yale University Press, 1999. 240 p.
37. Roosa R.A. Workers' Insurance Legislation and the Role of the Industrialists in the Period of the Third State Duma. In: *The Russian Review*, 1975, October, vol. 34, no. 4, pp. 410–452.
38. Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s–1910s. In: *Journal of Social History*, vol. 34, no. 4, 2001, pp. 895–922.
39. Woytinsky W.S. Stormy Passage. A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905–1960. New York, The Vanguard Press, Inc., 1961. 535 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гонзалез Джон Антонио – доктор наук, директор исторического научного центра Рожкова, Исторический научный центр Рожкова, Новый Южный Уэльс, Австралия;
e-mail: director@rozhkovcentre.org

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

John A. Gonzalez – Doctor of Historical Sciences, Director of Rozhkov Historical Research Centre, New South Wales, Australia;
e-mail: director@rozhkovcentre.org

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Professor of Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гонзалез Д.А., Волобуев О.В. Н.А. Рожков в сибирской ссылке и газета “Иркутское слово” (май 1910 – январь 1912 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 6–24.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-6-24

FOR CITATION

J.Gonzalez, O. Volobuev. N.A. Rozhkov in Siberian Exile and the Newspaper "Irkutskoe Slovo" (May 1910 – January 1912). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 6–24.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-6-24

УДК 303.446.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-25-39

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АРМЕНИИ

Зинуров Р.Н.*Институт истории Национальной академии наук Республики Армения
г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24/4, Республика Армения*

Аннотация. В статье рассматривается проблема армяно-турецких отношений, имеющих основой не решенный до сих пор «армянский вопрос» и геноцид армян конца XIX – начала XX в. Автором проведен обзорный анализ историографических материалов о сути, истории и эволюции этих отношений, с особым выделением фактора исторического прошлого, факторов, влияющих на современное состояние этих отношений, перспектив их урегулирования. В ходе обзора рассмотрены и даны оценки подходам и мнениям различных авторов о состоянии и перспективах нормализации отношений двух стран. По итогам исследования автором сделан вывод о необходимости обязательного признания геноцида Турцией путем осуждения деятельности правительств Османской империи и младотурков. После этого Армения и Турция смогут выработать взаимосогласованные меры по разрешению противоречий.

Ключевые слова: арменоведение, историография, армянский вопрос, геноцид армян, Османская империя, младотурки.

STATE AND PERSPECTIVES OF THE ARMENIAN-TURKISH RELATIONS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF ARMENIA

R. Zinurov*The Institute of History, the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
24/4, Marshal Bagramian ul., Erevan, Republic of Armenia*

Abstract. The article reckons the issues of the Armenian-Turkish relationships deeply rooted in as yet unresolved “the Armenian issue” and the genocide of Armenians in the late XIX – early XX centuries. The author has carried out a summarizing analysis of documentary historiography on the nature, history and evolution of the relationships, emphasizing the historical background and factors influencing the current state of relations and perspectives for their resolving. The detailed survey was focused on the evaluation of the approaches and ideas given by various authors on the situation and perspectives aimed at normalization of the relationships between the two countries. Based on the research, the author construes the necessity of prerequisite recognition by Turkey of the genocide by denouncing the activities carried out by the Ottoman Empire and the Young Turks governments. Consequently, it would allow Armenia and Turkey to elaborate on mutually agreed means for the dispute settlement.

Key words: studies on Armenia, historiography, “the Armenian issue”, genocide of Armenians, the Ottoman Empire, the Young Turks.

Современная обстановка между странами-соседями – Республикой Армения и Турецкой Республикой, имеет давнее, неразрешённое противоречие в отношениях. Этот фактор как правило, отражается не только на политике и общественно-политической ситуации в этих странах, но и политической обстановке на всем Южном Кавказе. Речь идет о категорическом непризнании Турцией армянского вопроса и геноцида армян в Османской империи, и позже, правительством младотурков в начале XX в. Между тем, эти вопросы являются глобальными для современной Армении и всей армянской диаспоры, рассеянной по миру. Именно через эту призму преломляются отношения не только между Арменией и Турцией, но и Арменией и Азербайджаном. Это обстоятельство является предметом постоянных острых дискуссий научных исследований, конференций со стороны армянской общественности, многих ученых разных стран.

С учетом того обстоятельства, что ни одна из этих стран не намерена отказать от своей позиции, данный фактор является краеугольным камнем в политическом будущем как этого региона, так и всего Среднего Востока. Так, В. Тунян пишет о том, что всплеск либерализма, после похорон убитого в январе 2007 г. редактора армянской газеты «Агос» в Стамбуле Гранта Динка, казалось бы, говорит о начале модернизации турецкого общества в сторону признания геноцида армян. Однако, по мнению автора, опыт подобного состояния турецкое общество уже имеет. После прихода к власти печально знаменитой партии младотурков «Иттихад ве тераки» в июле 1908 г., звучали слова в поддержку армян, ко-

торых стали считать революционными учителями младотурков, осуждались убийства армян во время «зулюма» Абдул-Гамидовского режима. Тем не менее, пишет В. Тунян, уже в августе, спустя только месяц после «братания» с армянами, ЦК партии «Иттихад ве тераки» поручил Джемал-паше начать подготовку «аданских событий» в Киликии, а уже в апреле следующего 1909 г., произошла армянская резня в Киликии [20, с. 12–13].

По справедливому мнению С.Г. Амирбеяна, «...сохраняющаяся напряженность в армяно-турецких отношениях, таит в себе серьезные вызовы не только интересам национальной безопасности Армении и Турции, но также и региональной стабильности» [1, с. 5]. В качестве одной из основных причин напряженности в армяно-турецких политических отношениях, автор называет фактор исторического прошлого, с чем мы не можем не согласиться. В современной истории Армении, это обстоятельство ни один автор, как правило, не обходит вниманием [14, с. 44–45; 8, с.18; 12, с. 7–9; 11, с. 464]. При этом, внимание в основном обращается на агрессивную и жесткую позицию Турции, как относительно непризнания геноцида, так и всех вытекающих отсюда возможных последствий признания геноцида.

Однако, из достаточно большого количества научной литературы по названной теме относительно причин непримиримых противоречий между Арменией и Турцией, выделяются некоторые работы, в которых рассматриваемый фактор преподносится тенденциозно и неверно. Так, в диссертации Н.Е. Шутовой подчеркивается, что «в результате дашнако-кемалистской

войны», развязанной, по ее мнению, партией «Дашнакцутюн», отношения между Арменией и Турцией были надолго испорчены [22, с. 18]. На высказываниях этих авторов мы остановимся ниже. Здесь только обратим внимание на еще одно обстоятельство. Авторы упоминают большое количество работ арменоведов XIX–XX вв. без собственной оценки и анализа позиций этих авторов. При этом делают в корне неправильные, необъективные выводы. «Благодаря захватническим устремлениям кемалистской Турции, – читаем мы у Н.Е. Шутовой, – советскому государству удалось своеобразно решить армянский вопрос» [22, с. 7].

А по мнению Мери Кочар, арменоведение до сих пор блуждает в поисках, топчется на месте и ведет непродуманные дискуссии относительно армяно-турецких отношений тех лет, в результате «попираются элементарные принципы марксистско-ленинской историографии». Кроме того, она делает уверенный вывод о том, что за более чем двухлетнее пребывание дашнаков у руля армянской государственности их политика потерпела полный крах, они запомнились истории как ярые антисоветчики [9, с. 7, 12–13]. Справедливости ради, все же укажем, что цитируемая работа М. Кочар датирована 1988 г., когда работы без ссылок на принципы марксизма-ленинизма попросту не могли увидеть свет, поскольку это бросало тень на якобы безошибочную политику советского государства в национальном вопросе.

Возвращаясь к упомянутому труду С.Г. Амирбеяна, заметим, что, по его мнению, направленность отношений между Арменией и Турцией сегодня характеризуется тем, что эти два го-

сударства, и де-юре, и де-факто признавая друг друга, контактов и дипломатических связей не имеют, граница между ними закрыта. Соглашаясь с этим мнением, мы, со своей стороны, должны подчеркнуть, что в настоящее время, несмотря на усилия политических деятелей ведущих стран, включая Президента Российской Федерации, напряженность все еще сохраняется и еще далека от разрешения.

Очевидно, что армяно-турецкие отношения сегодня представляют собой наиболее напряженный и сложный вид международных отношений. В этой связи нам представляется, что эта тема в ракурсе нашего исследования требует системного, поэтапного рассмотрения. Поэтому мы вправе заключить, что армяно-турецкие отношения, впрочем, как и армянский вопрос, должны рассматриваться не сплошным методом, а с попыткой поэтапного анализа доступных нам материалов. В силу данного тезиса, вопросы армяно-турецких отношений мы вправе условно разделить на следующие части:

- роль исторического прошлого в армяно-турецких отношениях;
- факторы, влияющие на состояние современных армяно-турецких отношений;
- перспективы армяно-турецких отношений.

Историческое прошлое является, безусловно, важнейшим и решающим фактором в этой чрезвычайно сложной и, кажется, неразрешимой в современном состоянии проблеме. Кроме того, очевидно, что это направление арменоведения, неотрывно от армянского вопроса, возникшего, по нашему мнению, еще в раннее средневеко-

вье. Однако наше исследование имеет целью не саму суть армяно-турецких отношений, их зарождение, этапы основных противоречий и т.д., а историко-географический аспект этой проблемы. Кроме того, выше мы уже затрагивали различные аспекты армяно-турецких отношений. Поэтому нам представляется необходимым сделать обзор русскоязычной литературы об армяно-турецких отношениях, придерживаясь выделенных нами трех аспектов: исторического, современного и перспективного.

Ведя речь об армяно-турецких отношениях, подавляющая часть арменоведов, как правило, не обходят стороной глубокие исторические противоречия между Арменией и Турцией. При этом тезис о том, что «анализ современного состояния, динамики и перспектив политических отношений между Арменией и Турцией, невозможен без основы на обширном исследовательском потенциале..., без изучения политической истории армянского вопроса» [1, с. 8–9] выдвигается в качестве главного.

Еще раньше, но несколько в ином аспекте, в этом плане высказался и современный исследователь армяно-турецких отношений профессор Р. Сафрастян. По его мнению, «...позицию Турции в армяно-турецких отношениях нужно интерпретировать с применением понятийного аппарата наступательного реализма, а Армении – оборонительного» [17, с. 47]. Мнение автора не представляется спорным. Выше мы отмечали, что в историческом плане корнем непримиримых противоречий в армяно-турецких отношениях являются армянский вопрос и геноцид армян. В связи с этим

«оборонительная» позиция Армении, не требует обоснования какими-либо другими обстоятельствами.

В арменоведческой литературе уже высказывалась мысль о том, что «весомая часть армяно-турецких противоречий лежит в плоскости неадекватного восприятия сути исторических реалий. Проблема геноцида армян затрагивает глубинные основы национального самосознания армянского и турецкого народов» [1, с. 14]. Полностью соглашаясь с данной позицией С.Г. Амирбекяна и не вступая в полемику, все же считаем необходимым отметить следующее. Речь должна идти не о «весомой части», а об основном содержании. Ведь других таких фундаментальных противостояний в международных отношениях, до сих пор продолжающих будоражить как все армянство, так и подавляющую часть мирового сообщества, на наш взгляд, более нет. Кроме того, говоря о сути исторических реалий, по нашему мнению, автору следовало бы назвать и армянский вопрос, который является непосредственным предшественником и основной причиной геноцида армян.

Между тем здесь нелишне указать на еще одно обстоятельство. Армянский вопрос, помимо чисто политических, географических, глубинных факторов, по нашему мнению, имел и другие мотивы, уходящие корнями в глубь веков. На протяжении тысячелетий пребывая под пятой различных государств, неся бремя непрерывного и жесткого давления чужой культуры, армянский народ не растворился в той среде, пронеся национальную самобытность через много веков. Именно в силу данного обстоятельства армяне сохранили обостренное чувство на-

ционального и морального единства, осознавая себя первыми и бесспорными хозяевами своих территорий. И тот факт, что армянский вопрос приобрел столь огромное значение для всего армянства, в настоящее время выглядит вполне закономерным явлением.

Близкое к нашей мысли мнение в арменоведческой литературе уже высказывалось. В этом плане о сути современных армяно-турецких отношений точно и емко высказался Католикос Дома Киликийского, Его Святейшество Арам I. Он дал чрезвычайно жесткую оценку турецкому государству относительно армянского вопроса и армяно-турецких отношений. Эмиграцию армян из исторической родины, продолжающуюся в больших масштабах и сегодня, он назвал «национальным кровоточением». «Наши враги турки, – заявил он, – они хотели оставить Армению без армян» [7, с. 2].

С эмоциональной и жесткой позицией Святейшего Католикоса, с которой, на наш взгляд, трудно не согласиться, косвенно солидаризуется и позиция современного армянского ученого и дипломата В. Кардумяна. По мнению автора, неурегулированные армяно-турецкие отношения несут в себе опасность не только для стабильности жизни в Армении, но и для всего Южно-Кавказского региона [6, с. 226]. Далее он утверждает, что армяно-турецкие отношения, а значит, и безопасность Республики Армения, усугубляются стратегическим союзом Турецкой и Азербайджанской республик. Мысль автора может быть дополнена тем обстоятельством, что упомянутый стратегический союз, безусловно, также имеет общие для этих

государств, глубокие исторические корни.

Между тем некоторые ученые, в частности директор Института ЕвразЭС В. Лепехин, высказал тезис, который, на наш взгляд, является оторванным от реальности. «Одновременное вхождение Армении и Азербайджана в ЕвразЭС означает не только новый интеграционный уровень союза, – считает он, – но и нормализацию отношений между Арменией и Азербайджаном, обеспечение безопасности на Южном Кавказе» [15]. Мнение представляется не только лишенным реальности, но и глубоко ошибочным, поскольку, по мысли автора, это означало бы автоматическое урегулирование Карабахской проблемы. Кроме того, это предполагало бы обоснованность утверждений Баку о пришлое явлении армян на свою историческую родину, с чем ни один историк, пусть даже и не армянин, не согласится. Однако профессор В. Лепехин далеко не одинок в подобном видении проблемы. Ученый из Ростова-на-Дону С.С. Субботин, перечисляя конфликтогенные факторы Черноморско-Каспийского региона, Ближнего и Среднего Востока, вообще не упоминает армяно-турецкое противостояние и Карабахскую проблему [18, с. 271]. Между тем очевидно, что обе названные нами проблемы представляются наиболее острыми в регионе Южного Кавказа, входящего в Черноморско-Каспийский регион.

Рассуждая о армяно-турецких отношениях, нельзя не отметить еще одно важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. В частности, для современной турецкой политики весьма характерно и даже закономерно, что

отрицание геноцида армян турецкая сторона, как очевидно, считает само собой разумеющимся фактом. Ведь именно об этом свидетельствует пассаж турецкого Президента Эрдогана, пригласившего Президента Армении на празднование 100-летия сражения в Галлиполи, причем приглашение было приурочено к 24 апреля 2015 г., в день столетия геноцида армян в Османской империи. Президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский это расценил как «плохо завуалированное издевательство над памятью жертв геноцида армян» [16, с. 4].

Весьма спорной, но примерно такой же позиции придерживаются обозреватели и известные политологи Р. Киракосян и А. Ханбабян. Начав с того, что процесс армяно-турецкой нормализации не отменен, а лишь отложен в долгий ящик, они приходят к выводу о необходимости открытости армяно-турецкой границы. По их мысли, это помогло бы усилить конкурентоспособность экономики Армении [21, с. 4]. Не вступая в дискуссию с выводами названных авторов, лишь заметим, что, во-первых, открытость армяно-турецкой границы в первую очередь пошло бы на руку Анкаре, упрямо и бездоказательно отрицающей геноцид. Во-вторых, для Республики Армения, на наш взгляд, это означало бы согласие с упомянутой позицией турецкой стороны.

Однако ради объективности все же надо отметить, что, по мнению А. Ханбабяна, «...нынешняя ситуация в сложном и тяжелом процессе армяно-турецкого урегулирования не означает полного отказа от возможного взаимодействия в будущем» [21, с. 4]. С автором здесь нельзя не согласиться.

Представляется, что Республика Армения никогда не откажется от цели признания геноцида Анкарой и возможного урегулирования на этой почве армяно-турецких отношений.

Таким образом, относительно роли исторического прошлого в армяно-турецких отношениях мы придерживаемся той позиции, согласно которой из всего большого количества исторических факторов во главе угла лежат два важнейших неотрывных друг от друга факторов: армянский вопрос и непризнание геноцида Турцией. Переходя к факторам, влияющим на состояние современных армяно-турецких отношений, необходимо указать, что все они в той или иной степени связаны с армянским вопросом и геноцидом.

С.Г. Амирбекян в своей диссертации о проблемах армяно-турецких отношений в этом плане в первую очередь выделяет развал Советского Союза, что, по его мнению, привнесло напряженность на весь Южно-Кавказский регион, включая и армяно-турецкие отношения. Кроме того, автором называется и такой дестабилизирующий фактор, как переплетение здесь интересов великих и макрорегиональных государств, которые в результате наложения внешних и внутренних пластов также усугубляют проблемы всех соседних государств. По мысли автора, развал СССР перед Турцией открыл принципиально новые возможности для стратегического расширения своего присутствия на Южном Кавказе. Связывая эту проблему с Россией, С.Г. Амирбекян обоснованно подчеркивает двойственность политики России: здесь она должна придерживаться прерогатив развития политических отношений как между Арменией, яв-

ляющейся традиционным союзником и партнером в России в этом регионе, так и Турцией, естественным соперником России на протяжении веков [1, с. 3–5].

В свете последних событий в этом регионе, связанных с новым витком российско-турецких государственных отношений, позиция представляется обоснованной. Относительно упомянутого нами нового витка отношений между Москвой и Анкарой необходимо отметить следующее. Россия еще в 1996 г. признала геноцид, поэтому новые отношения между Россией и Турцией ни в коем случае не должны отодвигать в сторону непризнание Турцией геноцида. Армения на сегодня – единственный и стратегический союзник России не только на Южном Кавказе, но и во всем постсоветском пространстве. Изменение политики Кремля в этом плане в пользу Анкары фактически означало бы отказ от Армении как от наиболее давнего, стратегического союзника на постсоветском пространстве.

А.А. Мкртчян в своей диссертации, посвященной исследованию панисламизма в геостратегии Турции, характеризуя обстановку на Южном Кавказе, помимо развала СССР, обоснованно выдвигает такое обстоятельство, как возросшую военную мощь Турции с помощью военного блока НАТО. По мысли автора, это обстоятельство не может не накладывать отпечаток и на состояние армяно-турецких отношений [13, с. 4–6]. Очевидно, что говоря об отрицании Турцией геноцида армян, на наш взгляд, этот важнейший фактор необходимо учитывать в первую очередь. Без дискуссии с этим автором мы отметим, что здесь

же им высказана спорная позиция относительно причин возникновения панисламизма. Он считает, что этому во многом способствовали освободительные движения подвластных Османской империи народов: армян, сербов, болгар [13, с. 15].

Турецкий автор Танер Акчам относительно причин, приведших к геноциду армян, пишет следующее. «Львиная доля причин, приведших к геноциду армян, связана с возникновением турецкого «я», и его сущностью. Эта национальная особенность стала определяющей также в период провозглашения республики и стала причиной наложения табу на армянский вопрос» [Цит. по: 1, с. 10–11]. На схожих позициях с названным автором стоит ряд турецких исследователей геноцида армян – Рагип Зараколу, Саит Четиноглы и другие.

О названном выше турецком «я» более содержательно высказался профессор В.Г. Тунян. «В зеркальном «я» современной политической элиты Турции, – пишет он, – признание геноцида армян означает необходимость решения и проблемы армянского вопроса (Западной Армении), требующей пересмотра либо нивелирования политики предшественников». Далее он указывает на очень важное обстоятельство, которое, в связи со сближением российско-армянских отношений последнего времени, принято усердно замалчивать. «...Присутствует младотурецкий почерк в армянском вопросе, – считает он, – сохраняется напряженность турецкого режима в отношении к армянскому меньшинству и негативность позиции по армянскому вопросу. Турецкое общество оказалось в очередном переходном со-

стоянии. В борьбе исламистов, кемалистов и радикальных националистов определится современное состояние турецкого общества. Содержание, как ответ вызову времени, будет определяться турецким национальным «я». Если оно окажется раздвоенным, то девиантность поведения Турции сохранится. Если же великим державам потребуется приструнить политическую элиту Турции, то армянский вопрос будет пробным камнем для проверки зрелости ее демократических воззрений» [19, с. 9].

Относительно рассматриваемого вопроса арменоведом А. Марукяном научному миру были представлены весьма актуальные выводы. Говоря об исторических причинах геноцида, автор вполне обоснованно считает, что вина правительства России здесь состоит в том, что Россия не контролировала территорию Западной Армении и те действия, которые совершались местными властями. Кроме того, по его мнению, идея «византийской миссии», наметившейся в России до I Мировой войны, состояла в том, что Россия должна была овладеть Константинополем и проливами. Эта доктрина напрямую отразилась на армянском вопросе, которому отводилась определяющая роль в осуществлении этого проекта.

Названный автор также считает, что Россия не всегда была самостоятельна и независима в своих действиях по армянскому вопросу, и в годы геноцида в частности. Будучи в составе Антанты, она постоянно подвергалась дипломатическому давлению союзников, которым не нравилась активизация России в армянском вопросе [11, с. 458–459]. Эти мысли автора вполне

обоснованны. Главное в них на наш взгляд, то, что автором подчеркнута непоследовательность позиции России в годы, предшествующие геноциду и в ходе чудовищного процесса его осуществления правительством младотурков с молчаливого согласия великих держав того времени – Германии, Англии, Франции и США. Кроме того, по нашему мнению, данное обстоятельство и сегодня продолжает накладывать отпечаток на состояние армянского вопроса.

Вместе с тем мы ни в коем случае не должны упускать из виду глубоко ошибочную, можно сказать, даже волюнтаристскую, политику Советской России по отношению к Первой Республике Армения в целях сближения с правительством Ататюрка, политику, повлекшую тяжелые территориальные и людские потери для Армении. Немаловажно также и другое связанное с этой политикой обстоятельство. Советское государство, вплоть до середины 1960-х гг., никак не реагировало на многочисленные обращения и просьбы Армении относительно геноцида. Лишь после 1965 г., то есть после состоявшегося грандиозного стихийного митинга по случаю 50-летия геноцида, советское правительство, как бы нехотя, вынужденно, стало разрешать в последующем подобные акции в Армении, но при полном замалчивании сути происходящего и о геноциде в прессе.

В этом плане достаточно твердо высказался в своей монографии В. Григорян, заявив, что «...если начиная с апреля 1965 года, наш народ добился возможности поминать жертв геноцида, то теперь, в условиях независимости, в указанном направлении мы не

сделали ничего сколько-нибудь значимого в отношении отработки и формирования свежих подходов» [4, с. 5]. На тезисах этого автора, высказавшего целый ряд достаточно спорных позиций, мы не считаем необходимым заострять внимание. Однако все же напомним нашу позицию относительно недостаточно целенаправленной и активной, на наш взгляд, политики руководства Республики Армения в период, предшествовавший 100-летней годовщине геноцида.

Членом-корреспондентом НАН Армении А.А. Мелконяном в арменоведческой литературе была высказана мысль о том, что руководители Первой Республики были неспособны выявить существенные различия в военно-политической обстановке в России 1918–1919 гг., хотя правительство Ованеса Качазнуни приоритетом своей политики считало установление отношений с Советской Россией [12, с. 7–8]. По данным другого автора, профессора В. Байбуртяна, «...в политических кругах Республики Армения, сложилось мнение, что Красная Армия, избавившись от Деникина, попытается объединиться с националистической Турцией Мустафы Кемаля» [2, с. 15]. Действительно, подобная политика молодой Советской России была чревата усилением агрессии Турции, ее захватнических притязаний, что и произошло позднее на самом деле.

Позиции обоих авторов приемлемы. Эти обстоятельства наложили безусловный, и при том глубоко негативный, отпечаток на армяно-турецкие отношения последующих лет – Армения лишилась большей части своих исторических территорий. Это было решающим фактором, последствия ко-

торого резко ухудшили состояние армянского вопроса. Именно этот фактор, наряду с непризнанием Турцией и всей международной общественностью геноцида, его последствий, наряду с общепризнанностью холокоста, и по сей день остается самым существенной проблемой армянского вопроса.

На эти же обстоятельства обратил внимание и профессор О.А. Колобов, подчеркнув, «советско-турецкое сотрудничество, а конкретно, политический альянс между собой России и Турции, стал крайне негативным фактором в развитии независимости Армении. Страна потеряла ряд исторических территорий и оказалась в сложнейшей геополитической ситуации» [8, с. 21–25]. Четкие оценки событиям первых лет Советской власти относительно армяно-турецких отношений, в своей монографии дал Г.А. Петросян. Он пишет, что Первая Республика Армения Советской России представлялась как агент международного империализма, а связь с Добровольческой армией А. Деникина расценивалась как деятельность, направленная против Советской России [14, с. 22–24]. Нам представляется очевидным, что советским руководителям того периода, искренне верившим в мифическую мировую революцию, события в Турции после прихода Ататюрка, несомненно, были гораздо привлекательнее, нежели буржуазная, а значит «вражеская», Первая Республика Армения.

Позиция профессора Э.Р. Григорьяна о факторах, влияющих на современное состояние армяно-турецких отношений, также заслуживает внимания. Согласно его мнению, Турция не только до сих пор не признала массовые

убийства и бесчеловечную депортацию сотен тысяч армян в Дэйр эль-Зор в годы I Мировой войны, но занимает и откровенно проазербайджанскую позицию по Карабахской проблеме. Она пытается навязать сторонам свое решение проблемы, то есть вернуть Нагорный Карабах под юрисдикцию Республики Азербайджан. После наложения эмбарго на импорт из Армении, считает он, турецкие власти последовательно следили за тем, чтобы не позволять развиваться стратегическим и важнейшим отраслям экономики Армении. Из-за этого даже предприятиям с российским капиталом не удавалось преодолеть эмбарго.

Отношениям Анкары и Еревана, пишет далее Э.Р. Григорьян, активно мешает также Баку, который прилагает максимум усилий для недопущения завязывания каких-либо отношений между Арменией и Турцией. Он считает, что если Турция станет сотрудничать с Арменией, то Азербайджан останется в регионе без поддержки, учитывая весьма напряженные отношения с Ираном [3, с. 17–21]. Обращает на себя внимание и следующее, весьма спорное утверждение названного автора: «...созданное полулегальное “Правительство Западной Армении в изгнании”, возможно, является делом рук спецслужб Турции, умело играющими на настроениях армян».

В своей противоречивой диссертационной работе «Армянский вопрос в русско-турецких отношениях (1911–1921 гг.)» Н.Е. Шутова приходит к лишенным логики, ошибочным выводам. По мнению диссертанта, армяно-турецкая война была шансом для Советской России. Однако реализации этого шанса мешали дашнаки,

уклонявшиеся от советизации. Кроме того, автор здесь же утверждает, что «Россия не отрицала жалобы турок о существовавших неслыханных издевательствах со стороны армян». Вместе с тем автор ниже утверждает обратную позицию. По ее мнению, Россия защищала армян, не раз выступала против их угнетения и геноцида. «Тем не менее, – пишет она, – насильственный путь советизации был спасением для Армении» [21, с. 177–179].

Потери Арменией большей части своих исконных территорий в результате подписания Московского договора Советской России с Турцией автор относит к успеху Москвы и считает «лучшим решением для урегулирования отношений между Россией, Арменией и Турцией». Этим самым, заключает Н.Е. Шутова, Республика Армения сыграла положительную роль в развитии российско-турецких отношений. «Именно Московский и Карский договоры дали возможность армянскому народу восстановить силы, избавили его от гнета и войн», – подытоживает автор.

Российский арменовед и обозреватель А.Г. Арешев также высказал спорную мысль о перспективах армяно-турецких отношений. Так, он считает, что «...соответствующая оценка событий вековой давности (то есть геноцида. – Р.З.), может негативным образом повлиять или даже прервать успешно начавшийся процесс нормализации армяно-турецких отношений» [5, с. 251].

Большим аналитическим исследованием армяно-турецких отношений явилась монография Мери Кочар «Армяно-турецкие общественно-политические отношения и Армянский вопрос в конце XIX – начале XX века»,

увидевшая свет еще 1988 г. в Ереванском университете. Как и большинство работ советского периода, исследование М. Кочар основано на марксистской интернациональной методологии. Автор жестко, без достаточной доказательственной базы, непримиримо критикует армянские национальные партии «Гнчак», «Дашнакцутюн» и «Рамкавар Арменакан». По ее мнению, их главным недостатком и главной ошибкой было следующее обстоятельство. Они действовали лишь среди армянского населения, исключив сотрудничество с российскими народами. Нетрудно заключить, что, по логике автора, ошибочная политика этих партий была в том, что они будучи не на марксистской платформе партии, не признавали такой набивший оскомину в советское время лозунг, как «дружба народов» [9, с. 21–36].

Определенную попытку анализа армяно-турецких отношений в своей диссертации «Армянский вопрос и российская дипломатия 1912–1914 гг.», предпринял М.Е. Мартиросян. Однако настоящая работа, как и все работы, написанные в советский период, не содержит оценок и выводов относительно сути армяно-турецких отношений в рассматриваемое время [10, с. 11–16]. Очевидно, что такая позиция автора, может быть объяснена стереотипами советской идеологии.

Учитывая все изложенные выше обстоятельства и факты, мы, на наш взгляд, вправе констатировать, что Турция до сих пор продолжает антиармянскую политику. Эта линия, по сути, во многом напоминает позицию политики младотурков, о чем говорят следующие факторы. Непризнание очевидных и вопиющих фактов гено-

цида, признанных многими странами, дача ложных и выдуманных толкований, открытая поддержка Азербайджана по вопросам Нагорного Карабаха и Нахичевани, издевательское приглашение Президента Армении 24 апреля 2015 г. на юбилей Галлипольского сражения, использование для давления на Армению своего «младшего партнера» – Азербайджана и т. д.

В качестве итога к изложенному материалу мы приведем свои выводы относительно перспектив урегулирования армяно-турецких отношений. Нам представляется, что современные задачи урегулирования и развития армяно-турецких отношений предполагают следующие обстоятельства. Армении и Турции необходимо выработать и реализовать взаимосогласованные меры по разрешению существующих сегодня напряженных отношений между двумя странами. Однако очевидно, что это невозможно без решения Карабахской проблемы, без урегулирования армяно-азербайджанских враждебных отношений.

Важнейшим обстоятельством для нормализации армяно-турецких отношений, по нашему убежденному мнению, является необходимость обязательного признания Турцией геноцида. В этом случае, покаявшись, наподобие Германии за фашизм, Турция должна решительно и жестко осудить действия правительства султана Абдул-Гамида и младотурков. Это предполагает и другое, не менее важное условие: геноцид должен быть признан и осужден всем мировым сообществом, как относительно холокоста.

Важнейшим условием также должна быть бескомпромиссность политики Третьей Республики Армения в

вопросах вокруг геноцида. Любое отступление или послабление государственной линии армянской стороны, хотя бы в интересах нормализации отношений, направленной на обеспечение признания геноцида Турцией и мировым сообществом, будет на руку лишь турецкой стороне. Это обстоятельство может существенно ухудшить общественно-политическую ситуацию как внутри Армении, так и вовне, в многочисленной среде влия-

тельной армянской диаспоры во многих странах мира.

Только на такой основе Армения может и должно вести диалог о нормализации армяно-турецких отношений, и лишь признание геноцида Турцией, может и должна привести Армению за стол переговоров с Турецкой Республикой с целью подписания соответствующих договорных отношений.

Статья поступила в редакцию 30.01.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирбемян С.Г. Проблемы армяно-турецких политических отношений и перспективы их нормализации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 204 с.
2. Байбуртян В. Российско-армянские отношения 1918-1920 годов в новом научном исследовании историка Гегамы // Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. С. 11-16.
3. Григорьян Э.Р. Международное и внутреннее положение Армении с точки зрения креативного подхода // Армения и мир: сборник статей. М.: Институт социальных наук, 2013. С. 17-21.
4. Григорян В. Армения и Турция. Как быть дальше? Ереван: [б/и], 1998. 52 с.
5. Захаров В.А., Арешев А.Г. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М.: Квадрига, 2010. 272 с.
6. Кардунян В.Г. Коллективная безопасность на Южном Кавказе: концептуальный подход стран региона // Caucasica. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, Ближнего и Среднего Востока. Т. 2. М.: Русская панорама, 2013. С. 226-232.
7. Католикос Дома Киликийского Его Святейшество Арам I (интервью). «Сегодня нам нужен мост – между сердцами, душами и мыслями, между нашими общинами, между Арменией и Спюрком ...» // Еркрас. 2012. 24 сент.
8. Колобов О.А. Новое слово в армянской историографии // Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. С. 17-20.
9. Кочар М. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX века. Ереван: ЕГУ, 1988. 307 с.
10. Мартиросян М.Е. Армянский вопрос и русская дипломатия 1912-1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990. 181 с.
11. Марукян А.Ц. Армянский вопрос и политика России (1915-1917 гг.). Ереван: МИГА НАН РА, 2003. 482 с.
12. Мелконян А.А. В поисках научной истины // Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. С. 5-10.
13. Мкртчян А.А. Панисламизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема современных международных отношений (политологический анализ): дис. ... докт. ист. наук. М., 2003. 343 с.
14. Петросян С.Г. Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. 424 с.

15. Российский эксперт: только Азербайджан может заменить Украину в проекте Путина (11.06.2014 г.) // ИАЦ [сайт]. – URL: <https://ia-centr.ru/publications/18359/> (дата обращения: 02.04.2018 г.)
16. Сатановский Е.А. Армения, Турция, Израиль в преддверии 100-летия геноцида армян // Ноев ковчег. 2015. № 6–7. С. 4.
17. Сафрасян Р.А. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы (вводные замечания). Ереван: Спектр, 2002. 47 с.
18. Субботин С.С. Использование США конфликтогенного фактора для геополитического контроля Черноморско-Каспийского региона, Ближнего и Среднего Востока // Caucasica. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2. М.: Русская панорама, 2013. С. 270–278.
19. Тунян В.Г. Армянский вопрос: мифотворческий аспект. Ереван: ЕГУ, 2015. 402 с.
20. Тунян В.Г. Младотурки и армянский вопрос. Ч. 1 (1908–1912 гг.). Ереван: Музей-институт Геноцида армян, 2004. 392 с.
21. Ханбабян А. Армяно-турецкая нормализация: полный крах или временное торможение // Ноев ковчег. 2015. № 6–7. С. 4.
22. Шутова Н.Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях (1911–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006. 197 с.

REFERENCES

1. Amirbekyan S.G. Problemy armenyano-turetskikh politicheskikh otnoshenii i perspektivy ikh normalizatsii: dis. ... kand. polit. nauk [The problem of Armenian-Turkish political relations and prospects of their normalization: thesis of cand. polit. sci.]. Moscow, 2006. 204 p.
2. Baiburtyan V. Rossiisko-armyanskie otnosheniya 1918–1920 godov v novom nauchnom issledovanii istorika Gegama [Russian-Armenian relations 1918–1920 in the historian Gegham's new scientific study]. In: *Petrosyan G.A. Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Petrosyan, G. A., Relations of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan, EGU Publ., 2012, pp. 11–16.
3. Grigor'yan E.R. Mezhdunarodnoe i vnutrenne polozhenie Armenii s tochki zreniya kreativnogo podkhoda [International and internal situation of Armenia from the point of view of creative approach]. In: *Armeniya i mir: sbornik statei* [Armenia and the world: a collection of articles]. Moscow, Institut sotsial'nykh nauk Publ., 2013, pp. 17–21.
4. Grigoryan V. Armeniya i Turtsiya [Armenia and Turkey. What to do next?] Yerevan, unkn. Publ., 1998. 52 p.
5. Zakharov V.A., Areshv A.G. Kavkaz posle 08.08.08: starye igroki v novoi rasstanovke sil [The Caucasus after 08.08.08: old players in a new balance of power]. Moscow, Kvadriga Publ., 2010. 272 p.
6. Kardumyan V.G. Kollektivnaya bezopasnost' na Yuzhnom Kavkaze: kontseptual'nyi podkhod stran regiona [Collective security in the South Caucasus: a conceptual approach of the countries in the region]. In: *Caucasica. Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'nykh issledovaniya Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona, Blizhnego i Srednego Vostoka*. Т. 2 [Caucasica. Proceedings of the Institute for political and social research of the Black sea-Caspian region and the Middle East. Vol. 2]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2013, pp. 226–232.
7. Katolikos Doma Kilikiiskogo Ego Svyateishestvo Aram I (interv'yu). «Segodnya nam nuzhen most mezhdu serdtsami, dushami i myslyami, mezhdu nashimi obshchinami, mezhdu Armeniei i Spyurkom ...» [The Catholicos of Kilikia House His Holiness Aram I (interview). “Today we need a bridge between the hearts, souls and thoughts, between our communities, between Armenia and Spruk ...”] // *Erkramas*, 2012, 24 Sep,

8. Kolobov O.A. Novoe slovo v armyanskoi istoriografii [A new word in Armenian historiography]. In: Petrosyan G.A. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Petrosyan, G.A., Relations of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan, EGU Publ., 2012, pp. 17–20.
9. Kochar M. Armyano-turetskie obshchestvenno-politicheskie otnosheniya i armyanskii vopros v kontse XIX – nachale XX veka [Armenian-Turkish public-political relation and the Armenian question in the late XIX – early XX century]. Yerevan, EGU Publ., 1988. 307 p.
10. Martirosyan M.E. Armyanskii vopros i russkaya diplomatiya 1912–1914 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [The Armenian question and the Russian diplomacy 1912–1914: thesis cand. hist. sci.]. Yerevan, 1990. 181 p.
11. Marukyan A.Ts. Armyanskii vopros i politika Rossii (1915–1917 gg.) [The Armenian question and the policy of Russia (1915–1917)]. Yerevan, MIGA NAN RA Publ., 2003. 482 p.
12. Melkonyan A.A. V poiskakh nauchnoi istiny [In search of scientific truth]. In: Petrosyan G.A. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Petrosyan, G. A., Relations of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan, EGU Publ., 2012, pp. 5–10.
13. Mkrtchyan A.A. Panislamizm v geostrategii Turtsii na Kavkaze kak global'naya problema sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (politologicheskii analiz): dis. ... dokt. ist. nauk [Pan-Islamism in the geostrategy of Turkey in the Caucasus as a global problem of modern international relations (politological analysis): thesis doc. hist. sci.]. Moscow, 2003. 343 p.
14. Petrosyan S.G. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Relations of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan, EGU Publ., 2012. 424 p.
15. Rossiiskii ekspert: tol'ko Azerbaidzhan mozhet zamenit' Ukrainu v proekte Putina (11.06.2014 g.) [Russian expert: Azerbaijan can replace the Ukraine in Putin's project]. In: IAC [website]. Available at: <https://ia-centr.ru/publications/18359> (accessed: 02.04.2018).
16. Satanovskii E.A. [Armenia, Turkey, Israel on the eve of the 100th anniversary of the Armenian genocide]. In: *Noev kovcheg*, 2015, no. 6–7, pp. 4.
17. Safrastyan R.A. Armyano-turetskie otnosheniya: popytka teoreticheskoi interpretatsii s pozitsii realisticheskoi shkoly (vvodnye zamechaniya) [Armenian-Turkish relations: an attempt of theoretical interpretation from the standpoint of the realist school (introductory remarks)]. Yerevan, Spektr Publ., 2002. 47 p.
18. Subbotin S.S. Ispol'zovanie SSHA konfliktogennogo faktora dlya geopoliticheskogo kontrolya CHernomorsko-Kaspiiskogo regiona, Blizhnego i Srednego Vostoka [The use of the conflict factor by the USA for the geopolitical control of the Black sea-Caspian region and the Middle East]. In: *Caucasica. Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'nykh issledovaniy Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona*. T. 2 [Caucasica. Proceedings of the Institute for political and social research the Black sea-Caspian region. Vol. 2]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2013, pp. 270–278.
19. Tunyan V.G. Armyanskii vopros: mifotvorcheskii aspekt [The Armenian issue: mythic-creative aspect]. Yerevan, EGU Publ., 2015. 402 p.
20. Tunyan V.G. Mladoturki i armyanskii vopros. Ch. 1 (1908–1912 gg.) [The Young Turks and the Armenian question. Part 1 (1908–1912)]. Yerevan, Muzei-institut Genotsida armyan Publ., 2004. 392 p.
21. Khanbabayan A. [The Armenian-Turkish normalization: a complete collapse or a temporary deceleration of]. In: *Noev kovcheg*, 2015, no. 6–7, pp. 4.
22. Shutova N.E. Armyanskii vopros v rossiisko-turetskikh otnosheniyakh (1911–1921 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [The Armenian issue in Russian-Turkish relations (of 1911–1921). Thesis cand. hist. sci.]. Vladimir, 2006. 197 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинуров Рафаил Нариманович – доктор юридических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, соискатель-докторант Института истории Национальной академии наук Республики Армения (г. Ереван);
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rafail N. Zinurov – doctor of law, member of the Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation, competitor for a doctoral degree, The Institute of History, the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan);
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зинуров Р.Н. Состояние и перспективы армяно-турецких отношений в русскоязычной историографии Армении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 25–39.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-25-39

FOR CITATION

R. Zinurov. State and Perspectives of the Armenian-Turkish Relations in the Russian-Language Historiography of Armenia. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 25–39.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-25-39

УДК 930(4+7/8)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-40-50

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕМЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Тетерин П.В.*Московский государственный областной университет**105005 Москва, Радио ул., 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема полноты раскрытия концепции темы «холодной войны» в российских общеобразовательных учебниках по истории Отечества. Проанализированы девятнадцать учебников, изданных с 1990-х гг. до наших дней. Основное содержание исследования составляет анализ присутствия в учебниках темы «холодной войны», полноты и последовательности изложения материала, а также раскрытие таких логических элементов пошагового развития темы, как определение конфликта, причины его возникновения. Показана необходимость обязательного раскрытия в теме «холодная война» отдельными абзацами таких сущностных понятий исторического явления, как определение события и причины его возникновения.

Ключевые слова: учебники истории, историография, «холодная война», США, СССР.

HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS OF THE “COLD WAR” THEME IN MODERN TEXTBOOKS ON THE HISTORY OF FATHERLAND

P. Teterin*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the problem of full cover of the “cold war” concept in the Russian textbooks for secondary schools on the History of Fatherland. The author analysed 19 Russian textbooks, published since the 1990-s up to the present time. The main content of the research is the analysis of the way the theme of “cold war” is represented in the textbooks, as well as the completeness and consistency of the narration. Besides, special attention is given to such logical elements of theme development as defining the conflict and the reasons of its origin. It is shown that in discussing the historical phenomena of the “cold war” it is obligatory to cover such essential concepts as defining the event and the reasons for its origination.

Key words: history textbooks, historiography, the “cold war”, the USA, the USSR..

Россия в результате распада СССР потеряла устоявшуюся концептуальную программу преподавания истории Отечества, что привело к появлению многочисленных учебников, содержащих различные и не всегда адекватные трактовки исторических событий. Советская эпоха, с её принципом написания учебников по единым лекалам, сменилась эпохой плюрализма в изложении истории, появ-

лением множества толкований её фактов, так что выпускники средней общеобразовательной школы, обучающиеся в одно время и в одном регионе, стали получать различные представления о прошлом. Нами проведён историографический анализ более двух десятков российских учебников для общеобразовательных учреждений с целью выявления в них феномена «холодной войны» с учетом последних достижений науки в исследовании сущности глобального противостояния и показа необходимости единых требований к написанию учебников истории Отечества.

Рассмотрение различных концептуальных определений «холодной войны», представленных в современных российских учебниках истории, дало следующие результаты.

В учебном пособии для вузов «Всемирная история» (1997 г.) [3] под редакцией Г.Б. Поляка и А.Н. Марковой изложение проблем «холодной войны» идет через призму равной ответственности сторон за возникновение глобального конфликта. По мнению авторов, источником противостояния «стали имперские амбиции, которые были как у США, так и у СССР».

Авторы учебного пособия для средних специальных и общеобразовательных заведений «Россия в истории мировой цивилизации. IX–XX вв.» (2000 г.) С. Жуковский и И. Жуковская обращают внимание учащихся на то, что «попытки И. Сталина расширить советские «сферы влияния» в Средиземноморье и на Дальнем Востоке были пресечены американской угрозой использовать против СССР атомное оружие» [6, с. 376]. Возможность применения этого сверхоружия,

нацеленного на Советский Союз, было воспринято в Москве очень серьезно, и руководство СССР в спешном порядке приступило к реализации атомного проекта.

В энциклопедии для детей «Истории XX века. Зарубежные страны» (2002 г.) «холодная война» представлена как борьба между капиталистическими и социалистическими мировыми системами без прямого столкновения сторон, без разрыва международных, дипломатических отношений: «Временами она приводила мир на грань глобальной катастрофы, временами «искрила» вспышками «горячих» конфликтов в разных регионах планеты» [21, с. 242]. В энциклопедии отмечается, что особенностью «холодной войны» была гонка вооружений <...> долгое и практически бессмысленное противостояние двух систем <...> как горький урок человечеству» [21, с. 243].

Авторы учебного пособия для учащихся 11 классов общеобразовательных учебных заведений «История Отечества. XX век» (2014 г.) В.П. Дмитренко, В.Д. Есаков и В.А. Шестаков подводят учащихся к мысли, что основным инструментом «холодной войны» со стороны США было не мирное сдерживание, а уничтожение политического противника. «По планам военных кругов НАТО Советский Союз должен был исчезнуть с карты мира [5, с. 353, 387]. Таким образом, показывается превалирующая роль США в развязывании «холодной войны».

Авторы учебного пособия «Отечественная история. IX–XX вв.» (2004 г.), раскрывая содержание конфликта, утверждают, что «процесс разжигания «холодной войны» был обоюдный. В нём были заинтересованы обе сторо-

ны» [15, с. 259]. Также авторами отмечается, что Вашингтон к ведению холодной войны относился как реальной войне на уничтожение, о чем свидетельствует наличие у США разработанных милитаристских планов и доктрин в отношении СССР. Авторы подчеркивают, что особую роль в планах уничтожения СССР США придавали ядерному оружию: «Известно о шести американских планах применения атомных бомб в войне против СССР» [15, с. 141–169]. Авторы учебника отмечают, что в период конфликта Вашингтон вел полноформатную информационно-психологическую войну силами десятков радиостанций.

Авторы учебного пособия «Отечественная история» (2004 г.) под ред. Р.В. Дегтяревой и С.Н. Полторака раскрывают концептуальное содержание холодной войны с точки зрения её неизбежности, вызванной «распадом антигитлеровской коалиции, <...> исчезновением общего врага, изменением ролей великих держав на мировой арене, коренным различием социально-политического строя Советского Союза и Запада» [16, с. 310].

В.А. Потатуров в учебном пособии по отечественной истории (2004 г.) не выделяет период «холодной войны» в самостоятельный раздел, рассматривая её «во взаимосвязи с развитием ВПК» [18, с. 68]. Автор обращает внимание на экономические и материальные трудности советского государства, при наличии которых СССР был втянут в новую гонку вооружений, и Москва была вынуждена вступить в соревнование с мощнейшей экономикой мира. «СССР был вынужден тратить огромные средства на реализацию атомного проекта, а несколько позже –

на освоение космоса. На гонку вооружений шли колоссальные средства. В 1952 г. прямые военные расходы СССР составили почти четверть всего годового бюджета страны» [18, с. 68].

В учебнике «История России» (2005 г.) авторов Ш. Мунчаева и В. Устинова отмечается, что противоборствующие отношения между двумя центрами силы, которые затем вылились в «холодную войну», были инициированы Вашингтоном. Однако авторы не снимают ответственности и с руководства СССР. По их мнению, одной из причин возникновения глобального конфликта являлась идеология сталинизма, которая наложила «негативный отпечаток на взаимоотношения Советского Союза с внешним миром» [12, с. 218]. Авторы, считают, что «сверхидеологизация» элит обеих сверхдержав и антагонизм их политических взглядов «столкнули две различные политические линии, противоположные платформы. <...> Противостояние этих двух систем привело к «холодной войне»» [12, с. 218].

Учебник «Россия в мировом обществе цивилизаций» (2006 г., автор Л.И. Семенникова) трактует холодную войну как новый виток гонки вооружений, которая «достигла к рубежу 50-60-х годов уровня военного 1945 г.» [20, с. 699]. Мировые расходы на вооружение с 1948 г. до середины 70-х годов возрастали в среднем на 4,5% в год. В СССР колоссальные средства были вложены государством в разработку новейших образцов вооружения (атомная бомба, ракеты, реактивная авиация, радиолокация). Автор отмечает, что сущность «холодной войны» наиболее полно раскрывается наличием ядерного оружия, которое способ-

ствовало «появлению двух сверхдержав, имевших колоссальное военное преимущество и поделивших между собой мир на сферы влияния, – СССР и США» [20, с. 699].

Н.В. Загладин в учебном пособии для 11 классов общеобразовательных учреждений «Всеобщая история. XX век» (2007 г.), раскрывая концептуальную сущность «холодной войны», обращает внимание на «возникновение в Европе двух противостоящих друг другу военно-политических союзов», систем, каждая из которых «отстаивала определенную модель миропорядка <...> Несовместимость этих моделей, основанных на различных, тоталитарной и демократической, политических идеологиях, предопределяли невозможность примирения между воплощавшими их странами» [7, с. 235].

В учебном пособии «История России с древнейших времен до наших дней» (2007 г.) А. Сахарова, А. Боханова и В. Шестакова, раскрывая концептуальную сущность «холодной войны», обращают внимание учащихся на ответственность сторон за возникновение глобального конфликта. Авторы считают, что в данном противостоянии были виноваты обе стороны конфликта. «В её развязывании, как показали многочисленные дискуссии специалистов, повинны как Запад, так и Восток. Истоки противостояния двух систем зародились еще в момент создания большевистского государства, провозгласившего курс на мировую революцию» [19, с. 676].

Авторы учебника «Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века» (2008 г.) под ред. Э.М. Щагина для студентов вузов, обучающихся по специальностям история, считают, что

«холодная война была реакцией Запада на революционные процессы и рост советского влияния в мире. Одним из главных ее выражений стала идеологическая конфронтация проамериканского и просоветского блоков государств» [13, с. 141–169]. Ими справедливо подчеркивается, что если «холодная война», которую вел Вашингтон в начальном периоде была направлена на «сдерживание социализма», на «отбрасывания социализма» т.е. на «не допущение дальнейшего расширения сферы влияния Советского Союза», и принуждение «уйти в свои прежние границы» [13, с. 141–169], то впоследствии стала, по существу, войной на уничтожение СССР. Особое внимание авторы уделяют идеологической составляющей «холодной войны», направленной на разрушение советской модели изнутри. Информационная работа Москвы была «нацелена на укрепление идеологической стойкости советских людей, их готовности решительно отстаивать ценности советского образа жизни» [13, с. 190].

А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина в «Истории России» (2009 г.) раскрывают концепцию «холодной войны» как глобальный конфликт, определивший ход истории. «Холодная война» – такое название получил внешнеполитический курс, проводимый обеими сторонами в отношении друг друга в период второй половины 40-х – начале 90-х годов. Он характеризовался, прежде всего, враждебными политическими акциями сторон. Для решения международных проблем использовались силовые приемы» [14, с. 564].

Авторы учебника для 11 класса «История России. XX – начало

XXI века” (2010 г.) А. Левандовский, Ю. Щетинов и С. Мироненко, раскрывая сущность «холодной войны», обращают внимание учащихся на сложность, неоднозначность понимания глобального конфликта, на то, что «до сих пор среди российских и западных историков нет единого мнения о виновниках “холодной войны”» [10, с. 225]. Её причиной стала, по мнению авторов, стало то обстоятельство, что «реализация намеченных бывшими союзниками внешнеполитических курсов за короткий срок до предела осложнила международную обстановку, ввергла мир в состояние “холодной войны” и гонки вооружений» [10, с. 225].

В учебнике для учащихся 11 класса “История. Россия и мир в XX - начале XXI века” (2011 г., автор – Л.Н. Алексашкина) концепция «холодной войны» рассматривается как особый этап мировой истории, причины которой порождены завершением войны, когда «определилась новая расстановка сил в мире. Государства, ранее сотрудничавшие <...> теперь <...> стремились усилить свои позиции в мире. Особенно явными стали противоречия между западными державами во главе с США, с одной стороны, и СССР – с другой» [1, с. 275]. Автор считает, что ответственность за её возникновение была обоюдной и нельзя выделить одного виновника.

Авторы учебника “История. Россия и мир” (2011 г., авторы – О. Волобуев, В. Клоков, М. Пономарев, В. Рогожкин), раскрывая концепцию «холодной войны», обращают особое внимание на захватническую сторону геополитических требований Москвы, направленных на расширение территории СССР за счет «получения черноморских про-

ливов, военно-морских баз в Северной Африке, присоединения населенного азербайджанцами Северо-Западного Ирана», а также «за счет создания блока дружественных государств. Кроме того, Сталин рассчитывал использовать присутствие Вооруженных Сил СССР в сопредельных странах и осуществить “экспорт коммунизма” (как выражались западные политологи), <оправдывая свои действия> необходимостью «обеспечения безопасности границ от внезапного нападения потенциального агрессора, подобного тому, которое в июне 1941 г. осуществила Германия» [2, с. 185]. Действия руководства в Москве, по мнению авторов учебника, определяли безусловную ответственность СССР за эскалацию конфликта.

В школьном пособии “Всеобщая история” (2011 г.) О. Пленкова «холодная война» описывается «как противостояние двух общественных систем (капиталистической и социалистической)» [17, с. 3]. О.Ю. Пленков отмечает, что вопрос об истоках конфликта – дискуссионный, а ответственность за ее возникновение обоюдная: «Вопрос о виновности в развязывании холодной войны до сих пор является дискуссионным. Ряд западных историков главную ответственность за её начало возлагают на СССР. Советские историки, напротив, считали, что именно США развязали “холодную войну”. Наиболее объективной является точка зрения тех историков, которые говорят об общей ответственности сверхдержав» [17, с. 143]. О.Ю. Пленков утверждает, что «холодная война» была неизбежна, поскольку Вашингтон и Москва «претендовали на лидерство в послевоенном мире. Свои амбиции подкрепляли

внешнеполитическими действиями, поэтому периодического обострения отношений было не избежать. По большому счёту, даже если бы СССР и США представляли после войны одну и ту же общественную систему, после победы над Германией между ними обязательно бы возникло соперничество, поскольку оно коренится в самой сути политики» [17, с. 143]. О.Ю. Пленков отмечает, что результатом конфликта стало образование «двух систем с различным миропорядком и обусловившего возникновение биполярного мироустройства» [17, с. 143]. Одновременно автор смягчает причастность Советского Союза к экспорту социалистического миропорядка. «Ошибочно считать, что послевоенные коммунистические режимы были обязаны своим появлением исключительно СССР. При непосредственном участии СССР коммунистические режимы утвердились только в четырёх странах: Польше, ГДР, Румынии и Венгрии. <...> К Югославии и Албании Советский Союз имел мало отношения. В Китае, Корее и Вьетнаме коммунистические партии были обязаны своим влиянием собственному участию в освободительном движении этих стран от японской оккупации, а не советскому вмешательству» [17, с. 144].

Авторы полного курса учебника «Истории» на электронном носителе (2013 г.) М. Ицкович и С. Кочережко, концептуально описывая «холодную войну» в целом, обращают внимание на то, что за радикализацию противостояния, в частности, за развязывание гонки вооружений ответственны обе сверхдержавы. «Холодная война проявлялась, прежде всего, в гонке вооружений, <...> чтобы обеспечить

превосходство над противником и гарантировать свою безопасность в случае нападения» [8, с. 196]. Одновременно авторы подчеркивают, что при одинаковой ответственности за развязывание гонки вооружений, эта ответственность не была равной, поскольку «у Советского Союза экономических, а подчас и политических причин развязывать холодную войну не было, особенно таких явных, как у США» [8, с. 196].

Авторы учебника «История Новейшего времени» (2013 г.) О. Кузьмина и Ю. Ушаков в основу формирования у учащихся общего понимания феномена конфликта поставили вопрос: «Кто виноват в холодной войне?». Отвечая на него, авторы пишут, что «холодную войну» разжигали обе стороны. Каждая из них имела свои интересы в мире, в возникающих конфликтах постоянно поддерживала одну из воюющих сторон, что отвечало «условиям жесткого противостояния двух общественно-политических систем» [9, с. 221].

Автор пособия «История» (2014 г.) А.В. Головкин, характеризуя «холодную войну», отмечает такие её отличительные качества, как «раскол мира на два противоборствующих военно-политических лагеря во главе с СССР и США»; «накопление на планете огромных запасов ядерного и химического оружия», что привело к «милитаризации экономики и мировой торговли», к «формированию значительного военно-промышленного комплекса». Холодная война породила «настороженность и недоверие по отношению к внешнему миру; <обусловила> «реальную угрозу возникновения Третьей мировой войны» [4, с. 256].

Таким образом, во всех учебных пособиях, подвергнутых анализу в концептуальном определении и в заключительной части разделов о «холодной войне», учащимся и студентам приведены следующие основополагающие, смысловые понятия о сущности и значении данного конфликта в мировой истории: во-первых, «холодная война» – глобальный конфликт между США и СССР; во-вторых, в «холодной войне» участвовали на стороне США ведущие страны Западной Европы, входящие в блок НАТО. На стороне СССР в противостоянии участвовали страны Варшавского договора.

В рассмотренных работах приведены следующие характеристики «холодной войны»:

- конфликт включал геополитическое противостояние сторон на всех континентах;

- конфликт усугублялся наличием ядерного оружия, которым некоторое время монопольно владели США, а при обретении СССР в 1949 г. собственного ядерного потенциала появился аргумент для недопущения перерастания холодной войны в горячую;

- противостояние в области вооружений, космоса, самолетостроения, атомной промышленности обеспечило техническое перевооружение стран, однако, это же легло в основу научно-технической революции;

- конфликт сопровождался гонкой вооружений, который ложился бременем на экономику СССР, серьёзно пострадавшую в годы Великой Отечественной войны;

- «холодная война» сопровождалась не только активной информационной борьбой сверхдержав за умонастроение собственного населения, но

и жителей стран, которые были втянуты и причастны к конфликту.

В учебниках приводятся сведения о некоторых причинах возникновения конфликта: 1) наличие у Вашингтона и Москвы своих интересов и своих планов на устройство послевоенного мира; 2) противостояние капитализма и социализма; 3) образование социалистического лагеря; 4) наличие политических и идеологических расхождений.

Подводя итог, следует отметить, что, во-первых, ни в одном из учебных пособий не представлен полный концептуальный набор из вышеперечисленных признаков, характеризующих «холодную войну», поэтому, естественно, у учащихся не может сложиться полного, принятого историческим сообществом, законченного представления об этом периоде истории.

Во-вторых, ни один из авторов учебников не отметил, что Вашингтон неправомерно в качестве оправдания ведения «холодной войны» приводил довод о том, что СССР являлся государством с тоталитарным (недемократическим) режимом, поскольку во внешнеполитическом противостоянии, коим была «холодная война», важным была не внутренняя, а внешнеполитическая деятельность государства. Внутренняя политика – суверенное право и забота граждан данной страны, в то время, как внешнеполитические цели и устремления держав – сфера заботы, влияния международного сообщества и основа для возникновения конфликтов между государствами. Подмена этих понятий приспособлена под англосаксонское толкование международного права и служит для оправдания практики вме-

шательства во внутренние дела суверенных держав.

Если рассмотреть в сравнении внутреннюю политику двух сверхдержав, то США условно можно отнести к стране с демократическими устоями (для “белых”), а СССР – к условно тоталитарной стране (при равенстве национальностей и признаках нарушения прав граждан). Однако политику Вашингтона, обращенную вовне, в сферу международных отношений, признать демократической представляется затруднительным. В то же время внешняя политика Москвы является по существу демократической. СССР – это страна с демократическими принципами обращенными вовне. Чтобы подтвердить данный вывод, зададимся вопросом: что важнее и гуманнее для развития мирового сообщества? Внешнеполитические устремления СССР (борьба против апартеида и за социальную справедливость, поддержка народов, борющихся за освобождение от колониальной зависимости, коими преимущественно занимался МИД СССР), при этом сохраняя внутри страны признаки недемократического общественного устройства? Или внешнеполитические устремления США, направленные на закабаление стран третьего мира, подчинение других независимых стран американскому капиталу, при поддержке внутри страны признаков демократии (за исключением цветного населения)? Ответ очевиден.

Многообразность мнений, несомненно, положительный дидактический прием для углубленного академического осмысления содержания преподаваемого предмета, однако, абсолютизация данного направления

(об этом свидетельствуют данные анализа) на практике преподавания, как оказалось, стало препятствием на пути формирования у подрастающего поколения фундаментальных основ истории Отечества, поскольку сознание ученика, не накопившего достаточно объема первоначальных аксиоматических знаний, не вырабатывает у него селективных способностей выбрать из всего многообразия исторических событий историческую канву, не противоречащую тренду развития страны.

По мнению М. Смолина, «преподавание истории – это вовсе не тот случай, когда можно сказать, “сколько людей – столько и мнений”» [11]. Проявления настроений антипатриотизма в среде целого поколения молодежи вызвало серьезный диспут вокруг необходимости издания “единого учебника истории Отечества”, возврата к единым основам преподавания истории страны. Сегодня при изучении истории как учебной дисциплины следует выстраивать в сознании подрастающего поколения цельную картину прошлого, вне зависимости от трансформации государственного и общественного строя.

Проведенный выше анализ дает основание утверждать, что для того чтобы в каждом издаваемом и рекомендуемом учебнике истории существовала единая картина прошлого, необходимо предпринять меры для утверждения законодательно, на федеральном уровне “общего стандарта объяснения российской истории”, который должен стать основой для создания единого учебника истории.

Статья поступила в редакцию 16.01.2018

ИСТОЧНИКИ

1. Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / 6-е изд. М. : Просвещение, 2011. 431с.
2. Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений / 10-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2011. 351 с.
3. Всемирная история: учебник для вузов / Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1997. 496 с.
4. Головкин А.В. История. Москва: Эксмо, 2014. 304 с.
5. Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. 11 кл.: Пособие для общеобразоват. учеб. заведений / 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2014. 608 с.
6. Жуковский С.Т., Жуковская И.Г. Россия в истории мировой цивилизации. IX-XX вв.: учебное пособие для средних специальных и общеобразовательных учебных заведений. М.: Школьная Пресса, 2000. 416 с.
7. Загладин Н.В. Всеобщая история. XX век: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений / 9-е изд. М.: ТИД Русское слово-РС, 2007. 400 с.
8. Ицкович М., Кочережко С. История: Полный курс. Мультимедийный репетитор (+CD). СПб.: Питер, 2013. 272 с.
9. Кузьмина О.В., Ушаков Ю.Н. История Новейшего времени: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 400 с.
10. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России XX – начало XXI века 11 класс учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / 4-е изд. М.: Просвещение, 2010. 384 с.,
11. М. Смолин: «Единый учебник истории – залог единства России» (интервью, 18.07.2013) // KM.RU [сайт]. – URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/07/18/istoriya-sssr/716047-msmolini-edinyi-uchebnik-istorii-zalog-edinstva-rossii> (дата обращения: 02.04.2018).
12. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2005. 592 с.
13. Новейшая отечественная история. XX - начало XXI века: в 2-х кн. Кн. 2.: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История» / под ред. Э.М. Щагина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гуманитар; Владос, 2005. 560 с.
14. Орлов А.В., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 2009. 672 с.
15. Отечественная история. IX-XX вв.: учеб. пособие. СПб.: СЗТУ, 2004. 343 с.
16. Отечественная история: Учебное пособие. / под ред. Р.В. Дегтяревой, С.Н. Полторака. М.: Гардарики, 2004. 397 с.
17. Пленков О.Ю., Андреевская Т.П., Шевченко С.В. Всеобщая история. 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / Под общ. ред. академика РАН В.С. Мясникова. М. : Вентана-Граф, 2011. 336 с.
18. Потатуров В.А. Отечественная история: конспект лекций. М.; 2004. МИЭМП.; 92 с.
19. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 768 с.
20. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебник для студентов вузов не ист. специальностей / 8-е изд. М.: КДУ, 2006. 784 с.
21. Энциклопедия для детей (Дополнительный том. История XX века. Зарубежные страны) / Глав. ред. В.А. Володин. М.: Аванта+, 2002. 448 с.

SOURCES

1. Aleksashkina L.N., Danilov A.A., Kosulina L.G. Istoriya. Rossiya i mir v XX – nachale XXI veka. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii: ba-zovyiy uroven' / 6-e izd. [History. Russia and the world in the XX – early XXI century. Grade 11: textbook for general education institutions: basic level / 6th ed.] Moscow, Prosveshchenie Publ., 2011. 431 p.
2. Volobuev O.V., Klovov V.A., Ponomarev M.V. Rogozhkin V.A. Istoriya. Rossiya i mir. 11 kl. Bazovyiy uroven': ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii / 10-e izd., stereotip [History. Russia and the world. Grade 11. Basic level: textbook for general education institutions / 10th ed. stereotyped]. Moscow, Drofa Publ., 2011. 351 p.
3. Vsemirnaya istoriya: uchebnik dlya vuzov/ Pod red. G.B. Polyaka, A.N. Markovoi [World history: textbook for universities/ ed. by G.B. Polyak, A.N. Markova]. Moscow, Kul'tura i sport; YUNITI Publ., 1997. 496 p.
4. Golovko A.V. Istoriya [History]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 304 p.
5. Dmitrenko V.P., Esakov V.D., Shestakov V.A. Istoriya Otechestva. XX vek. 11 kl.: Posobie dlya obshcheobrazovat. ucheb. zavedenii / 6-e izd., stereotip [The History of the Fatherland. XXth century. Grade 11. Textbook for general education institutions / 6-e ed., stereotyped]. Moscow, Drofa Publ., 2014. 608 p.
6. Zhukovskii S.T., Zhukovskaya I.G. Rossiya v istorii mirovoi tsivilizatsii. IX–XX vv.: uchebnoe posobie dlya srednikh spetsial'nykh i obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii [Russia in the history of world civilization. IX–XX centuries: a textbook for colleges and secondary schools]. Moscow, Shkol'naya Pressa Publ., 2000. 416 p.
7. Zagladin N.V. Vseobshchaya istoriya. XX vek: Uchebnik dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / 9-e izd [General history. Textbook for grade 11 of general education institutions / 9 ed]. Moscow, TID Russkoe slovo-RS Publ., 2007. 400 p.
8. Itskovich M., Kocherezhko S. Istoriya: Polnyi kurs. Mul'timediinyi repetitor (+CD) [Story: a Complete course. Multimedia tutor (+CD)]. SPb., Piter Publ., 2013. 272 p.
9. Kuz'mina O.V., Ushakov Yu.N. Istoriya Noveishego vremeni: uchebnik dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof obrazovaniya [Recent history: textbook for the stud. institutions of higher. prof. education]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ., 2013. 400 p.
10. Levandovskii A.A., Shchetinov Yu.A., Mironenko S.V. Istoriya Rossii XX nachalo XXI veka 11 klass ucheb dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii: bazovyiy uroven' / 4-e izd. [The history of Russia of the XX – early XXI century Grade 11 textbook for general education institutions: basic level / 4th ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2010.
11. M. Smolin: «Edinyi uchebnik istorii – zalog edinstva Rossii» (in-terv'yu, 18.07.2013) [Smolin: "A single history textbook – the key to the unity of Russia" (interview, 18.07.2013)]. KM.RU [website]. Available at: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/07/18/istoriya-sssr/716047-msmolin-edinyi-uchebnik-istorii-zalog-edinstva-rossii> (accessed: 02.04.2018).
12. Munchaev Sh.M., Ustinov V.M. Istoriya Rossii [The history of Russia]. Moscow, INFRA-M-NORMA Publ., 2005. 592 p.
13. Noveishaya otechestvennaya istoriya. XX – nachalo XXI veka: v 2-kh kn. Kn. 2.: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nostyam 020700 «Istoriya» i 032600 «Istoriya» / pod red. E.M. Shchagina. 2-e izd., ispr. i dop [The newest domestic history. XXth – early XXIth century: in 2 b. B. 2.: textbook for students of universities studying at specialties 020700 "History" and 032600 "History", ed. by E.M. Schagina. 2-e ed., rev., add.]. Moscow, Gumanitar; Vldos Publ., 2005. 560 p.
14. Orlov A.V., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. Istoriya Rossii [The history of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 672 p.

15. Otechestvennaya istoriya. IX–XX vv.: ucheb. posobie [Domestic history. IX–XX c.: study guide]. SPb., SZTU Publ., 2004. 343 p.
16. Otechestvennaya istoriya: Uchebnoe posobie. Pod red. R.V. Degtyarevoi, S.N. Poltoraka [Domestic history: study guide /under the editorship of R.V. Degtyareva, S.N. Poltorak]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 397 p.
17. Plenkov O.Yu., Andreevskaya T.P., Shevchenko S.V. Vseobshchaya istoriya. 11 klass: ucheb-
nik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / Pod obshch. red. akade-
mika RAN B.S. Myasnikova [General history. Grade 11: textbook for pupils of general edu-
cation institutions / Under the general editorship of the RAS academician B. S. Myasnikov].
Moscow, Ventana-Graf Publ., 2011. 336 p.
18. Potaturov V.A. Otechestvennaya istoriya: konspekt leksii [Domestic history: the summary
of lectures]. Moscow, MIEMP Publ., 2004. 92 p.
19. Sakharov A.N., Bokhanov A.N., Shestakov V.A. Istoriya Rossii s drev-neishikh vremen do
nashikh dnei [History of Russia from ancient times to the present day]. Moscow, TK Velbi;
Prospekt Publ., 2007. 768 p.
20. Semennikova L.I. Rossiya v mirovom soobshchestve tsivilizatsii: ucheb-
nik dlya studentov
vuzov ne ist. spetsial'nostei / 8-e izd [Russia in the world community of civilizations: text-
book for students of universities of the hist. specialties / 8th ed.]. Moscow, KDU Publ., 2006.
784 p.
21. Entsiklopediya dlya detei (Dopolnitel'nyi tom. Istoriya XX veka. Zarubezhnye strany) / Glav.
red. V.A. Volodin [Encyclopedia for children (additional volume. The history of the XXth
century. Foreign countries) / Chief ed. V.A. Volodin]. Moscow, Avanta+ Publ., 2002. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Teterin– candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of New and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П.В. Историографический анализ темы «холодной войны» в современных учеб-
никах истории Отечества // Вестник Московского государственного областного универ-
ситета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 40–50.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-40-50

FOR CITATION

P. Teterin. Historiographic Analysis of the “Cold War” Theme in Modern Textbooks on the
History of Fatherland. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic
Sciences, 2018, no 2, pp. 40–50.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-40-50

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-51-60

БОРЬБА ВОКРУГ ИТАЛИЙСКОГО ВОПРОСА В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 125–124 ГГ. ДО Н.Э.

Филянов Н.А.

Российский государственный гуманитарный университет

125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается кризис в римско-италийских отношениях во второй половине 20-х гг. II в. до н.э. Особое внимание уделено политической борьбе между сенатом и гракханами вокруг законопроекта Фульвия Флакка 125 г. до н.э., восстанию латинской колонии Фрегелл и основанию на ее месте Фабретерии Новы – колонии римского права. Фульвий Флакк попытался разрешить кризис в римско-италийских отношениях мирным путем, предприняв попытку удовлетворить интересы всех слоев италийского общества, но потерпел неудачу, что стало поводом для восстания Фрегелл и предопределило дальнейшую актуальность италийского вопроса в римской политике.

Ключевые слова: сенат (Древний Рим), италийский вопрос, законопроект Фульвия Флакка, латины, римское гражданство, Фрегеллы, Фабретерия Нова.

STRUGGLE AROUND THE ITALIAN QUESTION IN THE ROMAN REPUBLIC IN 125–124 BC

N. Filyanov

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article examines the crisis in the Roman-Italian relations in the second half of the 20s of the II century BC. Particular attention is paid to the political struggle between the Senate and the Gracchans around the law of Fulvius Flaccus in 125 BC, as well as to the revolt of the Latin colony Fregellae and the foundation of its place Fabreteria Nova – the colony of Roman law. Fulvius Flaccus tried to resolve the crisis in the Roman-Italic relations by peaceful means, attempting to satisfy the interests of all sections of the Italian society, but failed. That was the reason for the Fregellae revolt and predetermined the further relevance of the Italic issue in Roman politics.

Key words: Senate (Ancient Rome), Italian question, the law of Fulvius Flaccus, latins, the roman citizenship, Fregellae, Fabreteria Nova.

В данном исследовании мы постараемся обозначить ключевые аспекты в политике сената и гракханской оппозиции по разрешению италийского вопроса, которые будут рассмотрены сквозь призму законопроекта Фульвия Флакка 125 г. до н.э., восстания латинской колонии Фрегелл и основания на ее месте колонии римского права Фабретерии Новы (124 г. до н.э.). Указанный период имеет особое значение, поскольку именно в это время италийский вопрос начинает играть существенную роль в противостоянии сената и гракханцев.

Из ключевых научных работ, касающихся проблематики нашего исследования, в первую очередь стоит назвать монографии Э. Бадиана [3], Ж. Каркопино [7], Д. Стоктона [17], А. Кивни [9] и Х. Моуритцена [12], посвященные истории гракханских реформ и римско-италийским взаимоотношениям, в которых в частности затрагивалась борьба сената и гракханцев в рассматриваемый период (125–124 г. до н.э.), а также политика сената и триумвиров в италийском вопросе, римско-италийские отношения и римское гражданство в 20-е гг. II в. до н.э. Помимо вышеперечисленных монографий также следует назвать отдельные статьи Дж. Тибилетти [18, р. 45–63], Д. Брадина [5, р. 221–228], Д. Пайпера [13, р. 38–50; 14, р. 59–68], У. Бродхэда [11, р. 451–470] и Х. Моуритцена [11, р. 471–483], затрагивающие различные вопросы и аспекты законопроекта Фульвия Флакка, восстания Фрегелл и предоставления римского гражданства через *ius adipiscendae civitatis per magistratum* в эпоху Республики.

Стоит отметить, что по причине фрагментарности источниковой базы,

особенно для восстания Фрегелл, исследователи не имеют возможности реконструировать полную политическую картину 1-ой половины 20-х гг. II в. до н.э. Поэтому они часто обращаются к сравнительному анализу более поздних явлений II–I вв. до н.э., а также тех явлений, которые предшествовали событиям 125–124 г. до н.э.

Наше исследование мы начнем с инициативы консула 125 г. до н.э. Фульвия Флакка о предоставлении латинам гражданских прав. По предложению Флакка *socii nominisque latini* должны были получить римское гражданство (*App. BC. I. 21; Val. Max. 9. 5. 1*), а тем из союзников, которые не желали римского гражданства, должно было быть предоставлено *provocatio* (право на апелляцию): «Консул М. Фульвий Флакк, коллега М. Плавтия, Гипсея ... предложил наиболее губительные для республики законы о даровании Италии гражданских прав и о праве провокации для тех, кто не хотел менять гражданство...» (*Val. Max. 9. 5. 1*)¹. Вышеприведенные сведения Валерия Максима о римском гражданстве и о праве провокации, вероятно, свидетельствуют о том, что Фульвий Флакк предлагал римское гражданство латинам, а право провокации – остальным италикам [1, с. 57]. Но Фульвий Флакк сразу же встретил сопротивление сената, который достаточно оперативно свел его инициативу на нет, воспользовавшись внешнеполитическим предлогом и вынудив консула Флакка отправиться в Массилию, ко-

¹ *Val. Max. 9.5.1*: «M. Fulvius Flaccus consul M. Plautii Hypsaei collega, cum perniciosissimas rei publicae leges introduceret de ciuitate <Italiae> danda et de prouocatione ad populum eorum, qui ciuitatem mutare noluissent...».

торая подверглась нападению галлов¹. В данном случае сенат фактически повторил свой опыт 129 года до н.э., когда он, также воспользовавшись внешнеполитическими предложениями, вынудил консулов Аквилу и Тудитана отправиться за пределы Италии и тем самым парализовать деятельность гракханской аграрной комиссии (*App. BC. I. 19; Vell. Pat. 2. 4. 1*). Попытка повторить *rogatio de sociis civitate danda* в 122 г. до н.э. (*Plut. GG. 9.3; App. BC. I. 23*) также закончилась полным провалом для Гая Гракха и Фульвия Флакка, что позволило сенату расправиться с мятежными трибунами.

Принимая во внимания оба события, можно сказать, что уже изначально шансов на принятие законопроекта у Фульвия Флакка в 125 г. до н.э. было немного. Поэтому маловероятно, что Фульвий Флакк серьезно рассчитывал осуществить на деле столь серьезный законопроект. Ведь у сената было достаточно законных способов для того, чтобы воспрепятствовать подобной инициативе, что он и сделал, когда вынудил консула Флакка отправиться за пределы Италии. С другой стороны, малоимущие *socii nominisque latini* резонно возлагали надежды на законопроект Флакка, так как предоставление гражданских прав могло серьезно улучшить их социально-экономическое положение при условии возобновления работы аграрной комиссии. Таким образом, законопроект Флакка в большей степени носил политический характер и был связан с агитацией среди союзников, прежде всего среди латинов. Фульвий Флакк мог возлагать некоторые надежды на комиции и плебисцит. Подобная на-

дежда была бы вполне оправданной, ведь Тиберий Гракху удалось провести свой законопроект с помощью трибунных комиций, несмотря на сопротивление сената и вето, наложенное плебейским трибуном Марком Октавием. Тем не менее ни Аппиан, ни Валерий Максим не сообщают о намерениях Флакка представить свой закон на голосование в комициях. Из этого можно сделать вывод, что гракханцы, скорее всего, не рассчитывали на победу. Флакку было бы крайне сложно убедить римских граждан в необходимости предоставления гражданских прав союзникам. Но, судя по всему, агитационная цель законопроекта была достигнута, так как его провал не стал ударом для оппозиции, которая в 122 г. до н.э. снова попытается предоставить гражданские права союзникам.

Стоит также обратить внимание на то, что предоставление римского гражданства по закону Флакка было выгодно как малоимущим латинам, так и латинской элите. Ведь согласно Аппиану союзники позитивно восприняли инициативу Флакка (*App. BC. I. 21*), вследствие чего Гай Гракх предложит упомянутый законопроект во время своего второго трибуната в 122 г. до н.э. (*Plut. GG. 9.3; App. BC. I. 23*). Это позволяет утверждать, что латины в своем большинстве были заинтересованы в получении римского гражданства. Ведь римское гражданство гарантировало малоимущим латинам активное участие в переделе общественной земли в случае возвращения триумвирам судебных полномочий. Латинская элита, в свою очередь, в случае предоставления римского гражданства могла сохранить большую часть своей земли на вполне законных основаниях [1,

¹ *Liv. Per. 60; App. BC. I. 34; Plut. GG. 15. 1.*

с. 61]. При этом необходимо отметить, что, возможно, не все союзники стремились стать римскими гражданами. Ведь те италики, которые, согласно сообщению Валерия Максима, не стремились к получению римского гражданства, должны были бы получить право провокации в качестве компенсации. Тем не менее вполне логично предположить, что Фульвий Флакк одним законом пытался объединить интересы низов и элиты союзников. Но, несмотря на это, представители союзнической элиты, очевидно, не желая выступать против сената, который был враждебно настроен к закону Флакка, не поддержали инициативу Флакка и продолжали оставаться на стороне сената, что мы увидим на примере восстания Фрегелл.

Следовательно, мы можем однозначно утверждать, что *lex de sociis civitate danda* Флакка поддержала, главным образом, беднейшая часть латинского общества. Поэтому инициатива Фульвия Флакка о предоставлении латинам римского гражданства и права провокации или латинского гражданства стоит расценивать как чисто политический ход, рассчитанный на агитацию среди союзников в интересах гракханской коалиции. Таким образом, мы переходим к следующим важным для нас вопросам о последствиях законопроекта Фульвия Флакка и предшествующей политики сената в итальяйском вопросе на примере восстания Фрегелл в 125 г. до н.э. и реакции сената на это восстание.

О восстании Фрегелл точно можно утверждать лишь то, что оно было связано с неудачей законопроекта Фульвия Флакка: «известно, что Опимий во время претуры взял Фрегеллы и,

таким образом, видимо, обуздал также остальных латинов в отношении вредных устремлений» (*Ascon.* 17 C)¹. Вполне вероятно, что под *ceteros quoque nominis Latini socios male animatos* подразумеваются латины, которые были разочарованы неудачей инициативы Фульвия Флакка, что вылилось в восстание Фрегелл. Однако остальные колонии латинского права не решились разорвать союзный договор с Римом и не поддержали это восстание. То, что на это решились Фрегеллы, несмотря на неизбежные карательные меры, говорит о сильном отклике среди малоимущих латинов законопроекта Фульвия Флакка.

Итак, восстание Фрегелл было подавлено претором Л. Опимием, впоследствии ярким противником Гая Гракха и Фульвия Флакка². На месте Фрегелл была основана новая колония *Fabrateria Nova* (*Vell. Pat.* I. 15. 4), которая стала, очевидно, колонией римского права [13, р. 42]. Исходя из этого, Д. Стоктон предположил, что основание на месте Фрегелл колонии римского права сопровождалось получением местной правящей элитой прав римского гражданства [17, р. 97]. То есть, согласно Д. Стоктону латинская элита во время восстания сохранила свою верность союзу с Римом и помогла подавить само восстание, за что ее представители получили римское гражданство. Хотя предположение Д. Стоктона касательно правящей элиты Фрегелл не подтверждается в источниках, оно выглядит логичным, так как некото-

¹ *Ascon.* 17 C: «Notum est Opimium in praetura Fregellas cepisse, quo facto visus est ceteros quoque nominis Latini socios male animatos repressisse».

² *Cic. Planc.* 70; *Liv. Per.* 60; *Vell.* II. 6. 4; *Val. Max.* 2. 8. 4; *Ascon.* 17 C.

рые латины, скорее всего, представители правящих кругов, оставались на стороне римлян в ходе союзнической войны (*App.* BC. I. 49). Это связано с тем, что сенат всегда старался поддерживать связь с представителями правящих элит латинских городов. Поэтому нам представляется необходимым подробнее рассмотреть возможность получения римского гражданства *per magistratum*, которая была доступна именно элите, в отношении Фрегелл.

О практике *ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum* (право предоставления римского гражданства через магистратуру) в эпоху Республики мы знаем из пассажа Аскония Педияна о даровании Помпеем Страбоном в 89 г. до н.э. старым жителям колоний в Транспаданской Галлии прав латинского гражданства (*ius Latii*), а также возможности претендовать на римское гражданство через достижение магистратской должности (*Ascon.* 3). Хотя мы не имеем прямых сведений в источниках о практике предоставления римского гражданства *per magistratum* касательно Фрегелл или Фабретерии, некоторые исследователи связывают появление *ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum* с разрушением Фрегелл и основанием Фабретерии. Еще в 216 г. до н.э. Спурий Карвилий Руга предложил предоставить латинским магистратам права римского гражданства (*Liv.* XXIII. 22. 5), [18, р. 55; 5, р. 221–228; 16, р. 111–112; 14, р. 59–68]. Дж. Тибилетти предположил, что применение *ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum* или *provocatio*, начиная с 124 г. до н.э., стало ключевым фактором в сохранении лояльности некоторой части латинов союзу с Римом вплоть до союзнической

войны, а также сыграло важную роль в усмирении *socii nominisque latini* во время агитации Гая Гракха и Фульвия Флакка в 122 году до н. э. [18, р. 46–63].

Эту же точку зрения позже воспроизвел Э. Бадиян [4, р. 393–395]. Помимо этого, итальянский историк сделал вывод, что разрушение Фрегелл – это проявление кризиса в римско-италийских отношениях, которое может объяснить практику предоставления римского гражданства *per magistratum* [18, р. 55]. А. Шервин-Уайт в свою очередь говорит о том, что появление практики *ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum* – это признак стабилизации в италийском вопросе, который относится в первую очередь к предшествующей истории римско-италийских взаимоотношений (предложение Спурия Рути в 216 г. до н.э.) и во вторую очередь – к изменениям в представлении о самом римском гражданстве [16, р. 112]. Таким образом, практика получения римского гражданства *per magistratum* была рассчитана на укрепление лояльности Риму, главным образом, правящей элиты союзных общин. Поэтому ее применение в связи с восстанием Фрегелл можно связать с тем, что сенат мог опасаться повторения подобного мятежа.

Возвращаясь к Фрегеллам и Фабретерии, мы можем утверждать, что в 124 г. до н.э. сенат, очевидно, попытался снять ту напряженность, которая привела к восстанию. Поэтому вполне логично согласиться с Д. Стоктоном, что сенат довольствовался тем, что при основании Фабретерии были предоставлены права римского гражданства или провокации тем, кто помог подавить восстание. При этом мы вряд ли можем утверждать, что сенат пред-

принял те же меры в других латинских городах. А ведь закон Фульвия Флакка был рассчитан на то, чтобы удовлетворить интересы элиты и низов латинского общества в целом. Хотя, как мы полагаем, этот закон служил в большей степени пропаганде гракханской политической программы среди союзников, такие события, как восстание Фрегелл и основание Фабретерии, показывают, что законопроект Флакка был на тот момент не только актуальным, но и наиболее прогрессивным способом разрешить социальные противоречия в итальянском обществе.

Стоит также обратить внимание на возможные социальные противоречия внутри Фрегелл между элитой и «новыми гражданами», которые могли привести к восстанию. Из того немногого, что известно из источников, Д. Стоктон и другие исследователи отмечают социально-экономические изменения внутри самой колонии, начиная с 177 г. до н.э., из-за притока новых граждан в связи с миграцией самнитов и пелигнов в 177 г. до н.э. [17, р. 96; 8, р. 135; 9, р. 65–68]. Вот что говорит Ливий, наш единственный источник по этому вопросу: «Самниты и пелигны жаловались на то, что от них самих 4 000 семей также переселились во Фрегеллы, и на то, что при отборе на военную службу не было снисхождения ни к тем, ни к другим» (*Liv.* XLI. 8. 8)¹. Хотя текст Ливия в этом месте, возможно, испорчен [10, р. 50; 6; 11, р. 459], мы тем не менее на его основе можем точно сказать, что самниты и пелигны жаловались на необходимость нести военную службу, несмо-

тря на уменьшение населения. Такой резкий отток населения, скорее всего, был вызван неблагоприятным положением самнитов и пелигнов, которые в надежде на улучшение материальных условий были вынуждены переселяться на новое место. Поэтому мы можем предположить, что они рассчитывали на получение латинского гражданства и, возможно, на небольшие земельные наделы. Но, судя по всему, нужды мигрантов не были полностью удовлетворены правящей элитой Фрегелл, перед которой стояла задача регистрации новых граждан. Также из-за притока малоимущих самнитов и пелигнов, предположительно, ухудшилась демографическая ситуация в колонии латинского права, которая в 177 г. до н.э. переживала не лучшие времена. Следовательно, уже к 125 г. до н.э. эти «новые граждане» должны были бы возлагать свои надежды, во-первых, на передел общественной земли по аграрному закону Тиберия Гракха, во-вторых, на *rogatio de sociis civitate danda* Фульвия Флакка (*Ascon.* 17 C). Неудача последнего, как мы знаем, привела к самому восстанию.

Таким образом, речь идет об обрзовавшемся социальном конфликте во Фрегеллах, который привел к восстанию, хотя наши источники не говорят напрямую о существовании во Фрегеллах социальных противоречий. На наш взгляд, демографическая ситуация во Фрегеллах после регистрации «новых» граждан в лице 4 000 семей самнитов и пелигнов могла в некоторой степени быть схожей со сложившейся ситуацией в Риме после союзнической войны и *lex Julia* 89 г. до н.э., когда бывшие союзники, ставшие римскими гражданами, не

¹ *Liv.* XLI. 8. 8: «Fregellas quoque milia quattuor familiarum transisse ab se Samnites Paelignique querebantur, neque eo minus + aut hos aut illos + in dilectu militum dare».

были полностью удовлетворены своим новым положением (*App. BC. I. 49*). К сожалению, из-за отсутствия сведений касательно положения других латинских колоний, в которых могли бы иметь место схожие с Фрегеллами социальные конфликты, исследователи с осторожностью предполагают, что социально-политическое развитие Фрегелл во II в. до н.э. было своеобразным, а само восстание исключительным прецедентом [7, р. 12; 15, р. 110]. К этому стоит добавить, что сообщение автора *De viris illustribus* о восстании в Аускуле наряду с восстанием Фрегелл (*De vir. ill. 65*), появилось, скорее всего, в результате того, что он приписал восстание Аускула в 91 г. до н.э. (*App. BC. I. 38–39*) к деятельности Гая Гракха [9, р. 63]. Но то, что одна латинская колония без поддержки извне решила вступить в вооруженный конфликт с Римом, видится крайне маловероятным, на что справедливо обращает внимание Х. Моуритцен [12, р. 118–119]. По этой причине Моуритцен полагает, что фрегелланцы рассчитывали на то, что остальные латинские города так же, как и они, расстроены из-за неудачи законопроекта Фульвия Флакка, захотят поддержать их восстание [12, р. 118–119]. Вполне возможно, что мысль о восстании действительно могла выйти за пределы Фрегелл, но своевременная реакция Рима отпугнула остальных союзников от сочувствия фрегелланцам.

Рассмотрев проблему социальных противоречий внутри самих Фрегелл, стоит добавить, что принятие в свои ряды новых граждан в 177 г. до н.э. свидетельствует о том, что Фрегеллы на тот момент не имели людских ресурсов для того, чтобы выполнять свои обязатель-

ства по отношению к Риму согласно союзному договору (*foedus*). Но после того как переселившиеся во Фрегеллы самниты и пелигны получили латинское гражданство (*ius Latii*), должны были произойти значительные демографические изменения, приведшие к увеличению гражданского коллектива Фрегелл, что позволяло фрегелланцам со своей стороны выполнять союзнические обязательства и поставлять Риму рекрутов. С другой стороны, резкое увеличение гражданского коллектива в 177 г. до н.э. должно было бы привести к ухудшению социально-экономической ситуации внутри Фрегелл. Ведь согласно Ливию, самниты и пелигны в 177 г. до н.э. жаловались на серьезный отток соотечественников, что, как уже было сказано, свидетельствует о неблагоприятном положении самих самнитов и пелигнов. При этом правящие круги Фрегелл, скорее всего, не имели достаточно ресурсов для того, чтобы удовлетворить нужды «старых» граждан и присоединившихся к ним мигрантов. Следовательно, можно предположить, что со временем экономическое положение фрегелланцев только ухудшалось, что заставляло их добиваться римского гражданства через *ius migrandi* или через законопроект Фульвия Флакка. Можно даже предположить, что среди *peregrini*, которые были высланы из Рима в 126 г. до н.э. по закону Марка Юния Пена (*Cic. Brut. 109; Off. 3. 47; Fest. 362 L*), могли быть выходцы из Фрегелл. Ведь Фрегеллы после регистрации новых граждан в 177 г. до н.э. должны были стать достаточно крупной колонией латинского права, способной поставлять значительные военные контингенты [13, р. 41]. Следовательно, как отмечает

Д. Пайпер, разрушение Фрегелл и основание на ее месте Фабретерии стало серьезным ущербом для этого региона [13, р. 41–42].

После неудачи законопроекта Фульвия Флакка и разрушения Фрегелл острота противоречий между верхами и низами италийского общества оставалась актуальной ко времени трибуната Гая Гракха и Фульвия Флакка, которые в 122 г. до н.э. попытаются повторить *rogatio de sociis civitate danda*, несмотря на первую неудачу. Х. Моуритцен по этому вопросу, на наш взгляд, справедливо предположил, что повторить эту рогацию Фульвия Флакка и Гая Гракха побудила реакция на закон 125 г. до н.э. в виде восстания Фрегелл [11, р. 481]. Таким образом, можно констатировать, что восстание Фрегелл стоит считать следствием политики сената в италийском вопросе в предшествующий период, а также показывает неэффективность этой политики, так как сенат не смог решить проблему миграции.

Также можно утверждать, что неудачу законопроекта Фульвия Флакка не стоит считать поражением гракханской коалиции. С одной стороны, трудно не согласиться с тем, что оппозиция не смогла в полной мере привлечь все слои италийского общества на свою сторону против сената ни в 125, ни в 122 гг. до н.э. Но, с другой стороны, неудача *rogatio de sociis civitate danda* Флакка и восстание Фрегелл продемонстрировали неэффективность политики сената в италийском вопросе, а также вывели италийский вопрос на новый уровень, что стало, на наш взгляд, успехом оппозиции, сравнимым с успехом сената в 129 г. до н.э., когда у гракханской комиссии

были отняты судебные полномочия. Ведь после законопроекта Фульвия Флакка италийский вопрос не исчезал из повестки дня вплоть до 91 г. до н.э. Так что закон Фульвия Флакка, с одной стороны, предложил союзникам потенциальную дорогу к римскому гражданству, с другой стороны, неудача данного закона и восстание Фрегелл предоставили оппозиции новые возможности для противостояния сенату в связи с создавшимся противоречием между италийской элитой и малоимущими италиками. Хотя сенат успешно блокировал попытки предоставления римского гражданства латинам Флакком в 125 г. до н.э., Гаем Гракхом в 122 г. до н.э. и Ливием Друзом в 91 г. до н.э., сенат так и не смог разрешить италийский вопрос путем реформ, результатом чего стала союзническая война и закон Юлия 89 г. до н.э.

Подводя итог, мы приходим к следующим выводам. В 125 г. до н.э. оппозиция в лице Фульвия Флакка сделала неудачную попытку объединить интересы различных групп италийского общества с помощью предоставления римского гражданства и права провокации. Тем не менее этот законопроект стоит считать ключевым в разрешении италийского вопроса, так как, в отличие от сената, Фульвий Флакк предлагал реальную возможность решения кризиса в римско-италийских отношениях мирным путем, учитывая при этом интересы италийского общества в целом. Но неудача Фульвия Флакка в 125 и 122 гг. до н.э., а также восстание Фрегелл свидетельствуют, что римская *civitas* сама по себе была не готова к решению италийского вопроса путем реформ.

Статья поступила в редакцию 23.05.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапырёнок Р.В. «Италийский вопрос» в 126–125 гг. до н.э. от закона М. Юния Пенна до разрушения Фрегелл // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 239–244.
2. Лапыренко Р. В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. до н.э. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2016. 296 с.
3. Badian E. *Foreign Clientelae* (264–70 B.C.). Oxford, 1954. 342 p.
4. Badian E. *Roman Politics and the Italians* (133–91 B.C.) // DA. 1970. no 4–5. Pp. 373–409.
5. Bradeen D. W. *Roman citizenship per magistratum* // CJ. 1959. Vol. 54. Pp. 221–228.
6. Briscoe J (ed.). *Titi Livi ab urbe condita libri XLI–XLV*. Stuttgart, 1986. Pp. 24–403
7. Carcopino J. *Autour des Gracques*. Paris, 1967. 353 p.
8. Conole P. *Allied Disaffection and the revolt of Fregellae* // *Antichthon*. 1981. Vol. 15. Pp. 129–140.
9. Keaveney A. *Rome and the Unification of Italy*. London, 1987. 231 p.
10. Laffi U. *Sull' esegesi di alcuni passi di Livio relativi ai rapporti tra Roma e gli alleati latini e italici nel primo quarto del II secolo A.C.* // *Pro poplo Arimenesi*. Faenza, 1995. Pp. 43–77.
11. Light L. de, Northwood S.J. *People, land and politics: Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC–AD 14*. Leiden: Brill, 2008. 665 p.
12. Mouritsen H. *The Italian unification: A Study in Ancient and Modern Historiography*. London: University of London, 1998. 203 p.
13. Piper D.J. *Latins and the Roman Citizenship in Roman Colonies: Livy 34, 42. 5–6* // *Historia*. 1987. Bd. 36. H. 1. Pp. 38–50.
14. Piper D. J. *The ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum and its effect on Roman-Latin relations* // *Latomus*. 1988. T. 47. Pp. 59–68.
15. Salmon E. T. *The Cause of the Social war* // *Phoenix*. 1962. Vol. 16. Pp. 107–119.
16. Sherwin-White A. N. *The Roman citizenship*. Oxford, 1973. 486 p.
17. Stockton D. *The Gracchi*. Oxford, 1979. 251 p.
18. Tibiletti G. *La politica delle colonie e città latina nella guerra sociale* // *RIL*. 1953. Vol. 86. Pp. 45–63.

REFERENCES

1. Lapyrenok R.V. ["The Italian question" in the 126–125 BC from the law of M. Junius Penn to Fregellae destruction]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, no. 2 (1), pp. 239–244.
2. Lapyrenok R.V. *Nasledie agrarnogo zakona Tiberiya Grakkha: zemel'nyi vopros i politicheskaya bor'ba v Rime 20-kh gg. do n.e* [The legacy of Tiberius Gracchus' agrarian law: land question and the political struggle in Rome of the 20s BC]. Moscow, Russkii Fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2016. 296 p.
3. Badian E. *Foreign Clientelae* (264–70 B.C.). Oxford, 1954. 342 p.
4. Badian E. *Roman Politics and the Italians* (133–91 B.C.). DA, 1970, no 4–5, pp. 373–409.
5. Bradeen D. W. *Roman citizenship per magistratum*. CJ, 1959, vol. 54, pp. 221–228.
6. Briscoe J (ed.). *Titi Livi ab urbe condita libri XLI–XLV*. Stuttgart, 1986, pp. 24–403.
7. Carcopino J. *Autour des Gracques*. Paris, 1967. 353 p.
8. Conole P. *Allied Disaffection and the revolt of Fregellae*. In: *Antichthon*, 1981, vol. 15, pp. 129–140.
9. Keaveney A. *Rome and the Unification of Italy*. London, 1987. 231 p.
10. Laffi U. *Sull' esegesi di alcuni passi di Livio relativi ai rapporti tra Roma e gli alleati latini e*

- italici nel primo quarto del II secolo A.C. Pro poplo Arimense. Faenza, 1995, pp. 43–77.
11. Light L. de, Northwood S.J. People, land and politics: Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC–AD 14. Leiden, Brill, 2008. 665 p.
 12. Mouritsen H. The Italian unification: A Study in Ancient and Modern Historiography. London, University of London, 1998. 203 p.
 13. Piper D.J. Latins and the Roman Citizenship in Roman Colonies: Livy 34, 42. 5–6. In: *Historia*, 1987, Bd. 36, H. 1, pp. 38–50.
 14. Piper D.J. The ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum and its effect on Roman-Latin relations. In: *Latomus*, 1988, T. 47, pp. 59–68.
 15. Salmon E.T. The Cause of the Social war. In: *Phoenix*, 1962, vol. 16, pp. 107–119.
 16. Sherwin-White A.N. The Roman citizenship. Oxford, 1973. 486 p.
 17. Stockton D. The Gracchi. Oxford, 1979. 251 p.
 18. Tibiletti G. La politica delle colonie e città latina nella guerra sociale. *RIL*, 1953, vol. 86, pp. 45–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филянов Никита Андреевич – аспирант кафедры истории Древнего мира Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: nikitafileyanov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita A. Filyanov – post-graduate student of the Department of Ancient History, Russian State University for the Humanities;
e-mail: nikitafileyanov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филянов Н.А. Борьба вокруг италийского вопроса в Римской республике в 125–124 гг. до н.э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 51–60.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-51-60

FOR CITATION

N. Filyanov. Struggle Around the Italian Question in the Roman Republic in 125–124 BC. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 51–60.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-51-60

УДК 9.94, 325.35, 327.2, 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-61-74

РОЛЬ ФРАНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Чикризова О.С., Сошникова Е.О.

Российский университет дружбы народов

11798, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия Франции в процессе становления государственных границ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Авторы выявляют интересы Франции на ближневосточном направлении ее внешней политики в начале XX в., определившие позицию Парижа и его конкретные шаги по разделу на сферы влияния бывших арабских провинций Османской империи. Авторы выделяют три ключевых фактора, влиявших на позицию Франции по вопросу границ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: значение Османской империи для противодействия распространению влияния России на Востоке; франко-британское соперничество в регионе; колониальная политика Франции и поддержка национально-освободительных движений немусульманских и нетурецких народов Османской империи.

Ключевые слова: Ближний Восток, Северная Африка, Франция, Османская империя, арабы, государственные границы, XX век (начало), франко-британское соперничество, колониализм.

THE ROLE OF FRANCE IN FORMING THE STATE BOUNDARIES IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA IN THE EARLY XXTH CENTURY

O. Chikrizova, E. Soshnikova

Peoples' Friendship University of Russia

10/2, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 11798, the Russian Federation

Abstract. The article focuses on the problem of France's participation in the process of forming state boundaries in the Middle East and North Africa. The authors identify the interests of France in the Middle East in the early XXth century, that have determined the position of France and its concrete steps to divide the spheres of influence in the former Arab provinces of the Ottoman Empire. The authors distinguish three key factors that have influenced the position of France in the question of borders in the region of the Middle East and in North Africa. They are: the importance of the Ottoman Empire for resisting the spread of Russian influence in the East; Franco-British rivalry in the region; the colonial policy of France and the support of non-Muslim and non-Turkish peoples of the Ottoman Empire by the national liberation movements.

Key words: the Middle East, North Africa, France, the Ottoman Empire, the Arabs, state boundaries, the early XXth century, the Franco-British rivalry, colonialism.

В начале 2000-х гг. наблюдался очередной всплеск научного интереса к Ближнему Востоку и Северной Африке (БВСА), где после свержения режима С. Хусейна в Ираке начался процесс структурной трансформации политических систем, межгосударственных альянсов, а также возникла угроза пересмотра государственных границ, проведенных без учета этно-конфессиональных и племенных особенностей населения региона. Война в Ираке обострила суннитско-шиитские отношения, которые стали искусственно политизироваться региональными и внешними акторами с целью реализации собственных планов; вновь активизировался курдский национализм; серьезно ухудшилось положение христианских общин в арабских странах.

В этой связи особую актуальность приобретает переосмысление роли внерегиональных держав в создании в первой половине XX в. ближневосточных и североафриканских государств. Франция наряду с Великобританией оказала наиболее заметное влияние на очертания современных арабских государств, и именно французские и британские интересы, а также колониальная политика Лондона и Парижа определили облик современного БВСА, а значит – во многом – и повышенный конфликтный потенциал данного региона.

Цель исследования состоит в выявлении интересов Франции на ближневосточном направлении ее внешней политики, определивших позицию и действия Парижа по проведению государственных границ на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В отечественной и зарубежной историографии, особенно во второй

половине прошлого века, получили широкое освещение различные аспекты колониальной политики, проводимой Францией в странах Азии и Африки с XVI в., и англо-французского соперничества на Ближнем Востоке в начале XX в. Среди ведущих исследований необходимо выделить труды Н.А. Иванова [1], М.С. Лазарева [2], П.П. Черкасова [7; 8; 9], А.М. Фомина [6], Р. Гонто-Бирона [16], З.Н. Зейна [22], Г. Камминга [12], Ю. Невакиви [17], Э. Уиллиамс [21], К. Фидель [13], Д. Фромкина [15]. Однако стоит подчеркнуть, что во всех указанных работах колониальная политика Франции не рассматривалась в качестве причины, которая может когда-либо породить проблему пересмотра государственных границ на БВСА, хотя, разумеется, многие историки характеризовали установленные метрополиями государственные границы в регионе как несправедливые. Данная статья призвана, обобщая опыт более ранних исследований и принимая во внимание современную обстановку в регионе БВСА, определить, какие события с участием Франции предопределили политическую карту Ближнего Востока и Северной Африки, и какими соображениями и интересами руководствовался Париж в своей внешней политике в отношении территорий, населенных арабами, в первой половине XX в.

Как известно, к началу XX в. большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки находились в пределах могущественной Османской империи, которая на протяжении веков сохраняла свое величие. Западные страны, в числе которых была и Франция, старались наладить выгодные

контакты с Портой, получить доступ к торговым и транспортным путям, к месторождениям энергоресурсов и промышленной инфраструктуре, тем самым приобретая возможность оказывать влияние на развитие ситуации в обширном регионе арабского мира.

Взаимоотношения Франции и Турции имеют долгую историю, начало которой положило подписание в 1528 г. французским королем Франциском I и турецким султаном Сулейманом I политического договора, а впоследствии – торгового соглашения (так называемые капитуляции от 1535 г.), которое давало Франции возможность обрести экономические, политические и религиозные привилегии в Леванте. С этого периода Париж начинает проявлять интерес к делам Османской империи, а франко-турецкие связи практически не прерывались вплоть до событий Первой мировой войны.

Отношение Франции к Османской империи обуславливалось тремя факторами: во-первых, осознанием важности Османской империи как оплота в борьбе против России; во-вторых, колониальными притязаниями Франции, в особенности на территориях, населенных арабами; наконец, растущими симпатиями Франции по отношению к возникающим националистическим движениям в нетурецких провинциях Порты. Но по мере ослабления Османской империи первый фактор утрачивал свою значимость, в то время как два других сливались в единое целое – в колонизаторскую политику Франции, базировавшуюся на идее «бремени белого человека», которая заключалась в стремлении к освобождению так называемых «низших рас» путем их колонизации. Именно

«обязанность цивилизовывать низшие расы» привела к французской экспансии в Северную Африку и установлению протектората над Тунисом (1881 г.), оккупации Мадагаскара и расширению французских владений в Конго и Нигере, а также образованию «Французского Индокитая» в составе современных Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Наряду с экономическими интересами Франции в Османской империи стоит упомянуть религиозную составляющую, которая являлась отличным предлогом для вмешательства во внутренние дела Османской империи, так как Париж позиционировал себя защитником христиан (причем не только католиков) еще со времен уже упомянутого выше франко-турецкого договора, предлогом к подписанию которого как раз и послужило стремление Франции защищать христиан и святые места в Османской империи. Важно отметить, что за право стать гарантом безопасности христианского населения Ближнего Востока Париж соперничал с Москвой, которая называла себя «третьим Римом». В действительности же Францию не волновала судьба святых мест и ближневосточных христианских общин.

Так, за несколько веков Франция прочно обосновалась во внутренних делах Османской империи: французам принадлежали многие промышленные предприятия и транспортные коммуникации, ими контролировались торговые сделки и финансовый сектор. Франция являлась крупным кредитором Османской империи, так как банковский сектор в большинстве своем также принадлежал ей: Имперский Оттоманский банк, выполнявший на тот момент функции государственного

банка страны, являлся собственностью английских и французских капиталистов, однако французская доля была на порядок выше, что говорит об управляемости государственным долгом, движением капитала и предоставлении кредитов французской стороной.

Накануне Первой мировой войны западные державы активизировали свою деятельность на ближневосточном направлении. Наиболее прочные позиции имели Англия и Франция, между которыми и развернулась основная борьба за «османское наследство». Уже в предвоенный период две империалистические державы подготавливали почву для реализации в дальнейшем договоренностей по разграничению сфер влияния на Арабском Востоке. Так, еще в 1904 г. страны заключили между собой «сердечное согласие» (*entente cordiale*) – соглашение о разделе сфер влияния в Западной Африке, а также о положении Египта и Марокко: контроль над Египтом получала Англия, а над Марокко – Франция. С каждым годом ситуация обострялась все больше, так как союзникам необходимо было заранее договориться о территориальных преференциях. В 1912 г. состоялись англо-французские переговоры, в ходе которых Франция обозначила свои особые права в Сирии и Ливане, давая понять английской стороне, что она не откажется от своих традиционных позиций в этих странах [2, с. 53].

С осени 1914 г. Великобритания начала вести переговоры с шерифом Мекки Хусейном ибн Али, который был недоволен проводимой внешнеполитической линией империи и поспешил использовать ослабление Порты для обретения независимости арабскими

странами и создания Арабского исламского Халифата. Хусейну необходимо было заручиться поддержкой внешних сил, а самой влиятельной державой на тот момент была Англия. В результате завязалась переписка между Хусейном ибн Али и британским верховным комиссаром в Египте Г. Мак-Магоном. В своем первом письме, датированном 14 июля 1915 г., шериф Мекки сразу же указал на необходимость решения территориального вопроса: «Арабская нация готова ограничиться [в своих требованиях. – прим. авт.] и просить правительство Великобритании, если оно сочтет возможным, одобрить следующие базовые положения: Англия признает независимость арабских земель, границей которых на севере служат: Мерсина и Адана, [и далее – прим. авт.] вверх по 37-й параллели, на которой расположены Биреджик, Урфа, Мардин, Мидьят, Джебзире (Ибн Омар), Амадия, до границ Персии; на востоке – границы Персии до залива Басры; на юге – Индийский океан, за исключением Адена, положение которого останется в нынешнем виде; на западе – Красное море, Средиземное море и выше до Мерсины. Англия признает провозглашение Арабского исламского Халифата» [6, с. 107]. В свою очередь Мак-Магон в ответном письме дал понять, что «нельзя утверждать, что две области – Мерсины и Александретты – и части Сирии, расположенные на запад от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, являются исключительно арабскими, и [поэтому они] должны быть исключены из требуемых границ» [5, с. 116].

В целом Великобритания дала понять, что она не против отмеченных границ, но делала небольшую оговор-

ку о том, что «Великобритания вольна действовать без ущерба интересам своей союзницы Франции», то есть англичанам пришлось договариваться о территориях, представлявших наибольший интерес для французов, так как шериф Мекки настаивал на том, что Алеппо и Бейрут являются исключительно арабскими вилайетами, поэтому Мак-Магону в письме от 14 декабря 1915 г. пришлось в очередной раз упомянуть, что судьба Бейрутского и Халебского (Алеппо) вилайетов затрагивает интересы их союзницы, поэтому данный вопрос подлежит дальнейшему рассмотрению. Однако если Хусейн ибн Али отказывался от Киликии (вилайеты Мерсина и Адана) в пользу французов [5, с. 118–123], то по поводу передачи последним сирийского побережья с Бейрутом шериф Мекки высказался весьма категорично, давая понять, что у Франции возникнут многочисленные трудности, «с коими не будет мира» и «которые станут испытывать Великобританию не меньше, чем ее нынешние трудности». Да и население Бейрута, по мнению Хусейна, настроено решительно против французского присутствия на их землях, что неизбежно приведет к столкновениям, «следовательно, важно избежать любой уступки Франции или какой-либо иной державе клочка земли в этом районе».

Итог дипломатической переписки был в целом весьма удачным для английской и французской сторон, так как Англия не давала никаких гарантий, что все заверения со стороны Мак-Магона в будущем будут осуществлены, тем самым давая возможность для нарушения большинства договоренностей, поэтому переписка стала

лишь очередным пазлом в дипломатической игре по ближневосточному вопросу. К тому же в этот период Великобритания вела переговоры с Францией о собственных интересах в Османской империи, так как Англия понимала, что до Парижа дойдут слухи о переговорах с Хусейном и что французы могут подумать, будто в планах Альбиона вытеснить давние интересы Парижа в Сирии путем создания арабских марионеточных режимов.

Переговоры о территориальном разделе между союзниками первой затеяла Франция, которая еще зимой 1915 г. начала подготавливать почву для договоренностей с Россией. Затем министр иностранных дел Франции Т. Делькассе 20 марта 1915 г. направил памятную записку, где изложил свои взгляды на раздел Османской империи, во французские посольства в Лондоне и Риме. В своей записке Делькассе показал, что политические деятели в Париже исходили из того, что направление Багдадской железной дороги будет служить ориентиром для раздела территории. Они были уверены, что Россия будет требовать области, находящиеся в непосредственной близости к Стамбулу, а Британия, несомненно, пожелает заполучить регион Тигра и Евфрата вплоть до северных границ Месопотамии. В результате Франция будет стремиться приобрести центральную часть вдоль Багдадской железной дороги, берущей свое начало от Коньи через Анатолийское плато «вплоть до Северной Месопотамии, получая во владение регионы, которые составляют внутренние экономические районы участка Багдадской железной дороги», что означало претензии Франции на османские провинции Адана, Алеппо,

Мамурет-уль-Азиз и Диярбакыр [14, р. 703]. Однако попытки французов запустить переговорный процесс не увенчались полноценным успехом, так как для Великобритании было сложно определить свои территориальные притязания на тот момент.

С новой силой переговоры между союзниками о разделе азиатской части Турции начались в ноябре 1915 г., где Францию представлял Франсуа Жорж-Пико, бывший генеральный консул в Бейруте, а со стороны Великобритании участвовало несколько представителей внешнеполитического ведомства Великобритании во главе с Артуром Никольсоном, которого впоследствии заменил парламентарий, участник кабинета военного времени и эксперт по ближневосточным вопросам Марк Сайкс¹.

Личность Франсуа Жорж-Пико представляется символичной в контексте колониального раздела арабских провинций Османской империи. Он был отпрыском династии колонизаторов: его отец был основателем Комитета Французской Африки, а брат – казначеем Комитета Французской Азии, в котором их отец также состоял [15, р. 94].

Переговоры проходили с определенными трудностями. Камнем преткновения стала Сирия, на которую

претендовали обе европейские державы. Некоторые французы рассматривали Сирию фактически как часть Франции, завоеванную еще в ходе крестовых походов. Франция установила тесные отношения с одним из христианских сообществ, проживающих в горах Ливана, – маронитами. Кроме того, Франция имела широкие коммерческие связи с Сирией. В свою очередь, многие французские политики грезил о «Великой Сирии»: в мае 1915 г. один из видных французских политических деятелей Ж. Лейг на собрании Французского географического общества сказал, что «Средиземное море будет свободно для нас в том случае, если Сирия останется в нашей зоне влияния. Причем Сирия не разделенная, а Сирия, представляющая единый политический, экономический и географический центр от Таврских гор до восточных берегов моря Месопотамии...» [16, р. 27–28].

Франсуа Жорж-Пико эффективно действовал как сторонник партии колонизалистов внутри Кэ д'Орсе и так активно поддерживал Французскую Сирию, что правительство избрало его кандидатуру для переговоров с британцами о судьбе «османского наследства». В 1915 г. Жорж-Пико стал вдохновителем парламентской кампании против тех министров, которые были готовы очистить путь на Ближний Восток для Великобритании. Однако восторжествовала позиция Жорж-Пико и его сторонников, поскольку она учитывала торговые, клерикальные и политические интересы Франции в Сирии.

Поскольку в самой Сирии были сильнее профранцузские настроения (главным образом среди маронитов и греко-католиков, спонсируемых Фран-

¹ В Великобритании 8 апреля 1915 г. был создан комитет де Бансена, который занимался определением целей британской политики на ближневосточном направлении. Комитет был создан в ответ на французские притязания, а также для необходимости учитывать характер британских целей в Турции и в Азии в случае успешного завершения Первой мировой войны. Доклад комитета лег в основу политики Великобритании на Ближнем Востоке, особенно при составлении соглашения Сайкса-Пико.

цией, в то время как среди образованных классов Сирии оппозиция французскому правлению была серьезной), у англичан даже существовал план включения территории Сирии в состав Британского Египта, где Франция довольствовалась бы лишь компенсацией [15, р. 93].

В результате, несмотря на серьезные разногласия, Франции и Великобритании удалось договориться о компромиссе и выработать в данном ключе подобие соглашения. Примечательно, что обе стороны уведомили об этом Россию и настояли на приезде Сайкса и Жорж-Пико в Петербург для дальнейшего согласования проекта. Так, 25 февраля 1916 г. Англия и Франция направили министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову памятную записку, в которой подчеркивалось, что «французское и английское правительства готовы принять и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под суверенитетом арабского вождя в зонах (А) и (Б), где они будут иметь право приоритета в предприятиях и местных займах, иметь исключительное право назначать иностранных советников и чиновников, по просьбе арабского государства или федерации арабских государств... Франция и Великобритания будут иметь право установить, по соглашению с арабским государством или федерацией государств, такое управление, прямое или косвенное, или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими» [3, с. 336].

Изначально С.Д. Сазонов не соглашался на приезд своих иностранных коллег и дал согласие на результаты

англо-французских переговоров, так как думал, что они включают в себя только Сирию и Киликию, которые не представляли интереса для российской дипломатии, а не раздел всей азиатской части Турции. Все-таки в начале марта М. Сайкс и Ф. Жорж-Пико посетили Петроград и встретились с С.Д. Сазоновым, с которым обсудили проект соглашения по разделу Османской империи. Как и следовало ожидать, российская дипломатия не внесла серьезных корректировок, лишь обозначила те территории, что должны были отойти российской стороне.

В результате подготовленного соглашения, 16 мая 1916 г. окончательный вариант которого был подписан, территория Турции делилась на несколько частей, различавшихся по категориям «полного владения» и «входящих в сферу влияния». Таким образом, Франция получала в полное владение такие города, как Сивас, Адана, Александретта, Мерсин, а в сферу влияния попадали Алеппо, Мосул, Хама, Хомс, Мардин, Антеп, Шанлфурфа, Диярбакыр, Хакяри, то есть современные территории Сирии, Ливана, города южной и центральной Турции, северного Ирака. При этом важно отметить, что британцы рассматривали французскую зону влияния на Ближнем Востоке как своеобразную «Великую китайскую стену», которая служила заслоном от атак России с севера» [15, р. 98].

В соглашении Сайкс – Пико Франция и Великобритания проигнорировали этнические и религиозные реалии Ближнего Востока ради своих стратегических интересов. Возможность того, что одна из европейских стран позволит своим подмандатным территориям стать независимыми, в

реальности не рассматривалась, поскольку доминировавший в сознании европейских держав расистский дискурс не позволял и допустить мысли о том, что арабы были в состоянии самостоятельно осуществлять управление своими землями [18].

Подписанное 30 октября 1918 г. Мудросское перемирие на борту английского крейсера «Агамемнон» между Англией (французская сторона представлена не была, так как англичане ее попросту не допустили к этому) и Турцией дало возможность Великобритании занять обширные территории Османской империи. К концу месяца союзники заняли большинство оговоренных территорий, разделив Сирию, Ливию и Палестину на три зоны; за Францией оставалась так называемая Северная зона, включающая, ко всему прочему, и санджак Тараблус (Триполитания) [2, с. 229]. Основными претендентами на ливийское наследство становились Франция, Великобритания и Италия, которая была не столь успешна в колониальных завоеваниях и для которой Ливия оставалась «счастливым билетом». Учитывая тот факт, что в начале XX в. Ливия представляла собой турецкий вилайет Триполитания, состоявший из практически независимых земель Триполи, Киренаики и Феццана, Италия в 1911 г. благополучно решила оккупировать эти территории, вступив в войну с Османской империей. Ведь на эти территории претендовала Франция, которая с юга, со стороны озера Чад, еще с 1899 г. начала проводить свою колониальную политику.

Италии пришлось приложить немало дипломатических усилий к тому, чтобы западные державы, пусть и вре-

менно, но отказались от своих притязаний на Триполитанию: в 1902 г. между послом Франции в Италии К. Баррером и итальянским министром иностранных дел Дж. Принетти путем официальной переписки была заключена негласная договоренность о том, что Триполитания и Киренаика – это сфера итальянских интересов, тогда как Франция получает Марокко [10, р. 173]. По окончании войны Триполитания и Киренаика перешли в итальянское владение, в Лондонском договоре 1915 г., определявшем вступление Италии в Первую мировую войну, оговаривалось в ст. 10: «Италии будут предоставлены в Ливии права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора¹», а в ст. 13: «В случае если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний» [3, с. 262]. Несмотря на это, как таковых границ Триполитании в то время не было (они были обозначены лишь Средиземным морем), поэтому как Великобритания, так и Франция спокойно присоединяли к себе близлежащие территории, которые Османская империя считала своими североафриканскими владениями.

Так, Франция присоединила к себе районы Тибести, Борку и Эннеди, которые были включены в состав Фран-

¹ Мирный договор 1912 г. между Италией и Османской империей.

цузской Экваториальной Африки (колония Чад). Однако официальной пограничной линии, разграничивавшей владения Италии и Франции в Сахаре, установлено не было, что во многом было обусловлено тем, что итальянцы даже к 1922 г. эффективно контролировали только окрестности г. Триполи на западе Ливии и побережье Киренаики на востоке [4, с. 58].

Италии необходима была поддержка с англо-французской стороны, поэтому она не возражала против территориальных приобретений своих союзниц: Египет – колония Великобритании, Тунис и Алжир – колонии Франции. Тем самым постепенно вырисовывались очертания современной Ливии. Впоследствии по Севрскому мирному договору западноевропейских держав с Турцией, последняя, согласно ст. 21, «отказывалась от всех прав и привилегий, которые были сохранены за Султаном в Ливии в силу Лозаннского договора от 18 октября 1912 г.» [19, р. 30]. Сам Севрский договор юридически не только закрепил территориальный распад некогда могущественной Османской империи, но и по сути являлся договором между державами-победительницами. Так, к Франции отходили территории Киликии и Юго-Восточной Анатолии; Сирия признавалась «временно независимым государством, при условии, что Мандатарием будет предоставляться административная помощь и советы вплоть до того момента, пока она не окажется способной к самостоятельному руководству» [19, р. 14], а территориальные границы проводились таким образом, что к Сирии отходили три города, входящие в состав Киликии – Айнтап, Бирджик и Урфа,

а также турецкий город Мардин, находящийся на юго-восточной границе с Сирией, и область Хатай на юге Турции, которая долгое время являлась спорной территорией между Сирией и Турцией.

Примечательно, что ст. 94 провозглашала Сирию подмандатной территорией, но «с предварительным признанием в качестве независимого государства» [19, р. 26]. Однако ситуация в арабском регионе складывалась таким образом, что фактически к власти в Турции пришло альтернативное правительство, которое отказалось ратифицировать мирный договор на таких условиях и ставило под сомнение складывающуюся мандатную систему. Несмотря на трудности, Лондон и Париж продолжили разрабатывать проект, который окончательно юридически закрепил бы за ними право на мандатное управление в интересующих их регионах, тем более что к этому моменту уже все было поделено: например, еще до подписания Севрского договора, 25 апреля 1920 г. состоялась конференция в Сан-Ремо, которая распределяла мандаты на управление среди держав-победительниц, основываясь на ст. 22 Устава Лиги Наций о необходимости «доверить опеку над народами развитым странам, которые, в силу своей ресурсной базы, своего опыта и географического положения, могут взять на себя эту опеку... в качестве Мандатария от имени Лиги Наций» [20].

Согласно Уставу Мандаты делились на три категории: А, В, С. К классу «А» мандатов относились территории, ранее входившие в состав Османской империи и которые, по сути, «достигли такой степени развития, что их су-

ществование в качестве независимых государств может быть временно признано, при условии предоставления административных советов и помощи со стороны Мандатария ровно до того момента, пока они не смогут осуществлять управление самостоятельно» [20]. Франция, безусловно, получала мандат на Сирию и Ливан, который во времена Османской империи являлся автономным вилайетом Бейрут и входил в состав Великой (Большой) Сирии (эта территория включала в себя турецкие вилайеты горный Ливан, Иерусалим, Алеппо, Дамаск и Бейрут).

После получения мандата на сирийское управление французы разделили территорию на несколько мелких областей:

- Великий Ливан, в состав которого входил Бейрут, будущая резиденция французского верховного комиссара, Триполи, Сидон (современный город Сайда на побережье Средиземного моря), Тир, а также другие прилегающие территории;

- Государство Дамаск;
- Государство Алеппо (Халеб);
- Джебель ад-Друз (Государство друзов);
- Латакия (Государство Алавитов);
- Александретта (Искендерун).

В целом не совсем последовательное мандатное французское управление Сирией и Ливаном повлекло за собой наличие спорных моментов (например, спор о принадлежности Фермы Шебаа между Сирией, Ливаном и Израилем), а также противоречивую историю сирийско-ливанских отношений.

Завершающим этапом Первой мировой войны стал Лозаннский договор 1923 г., который заменил Севрский

мирный договор, закрепил распад Османской империи и современные очертания Турции и соседних арабских государств. Теперь проблемы Ближнего Востока должны были решаться при участии самой Турции, которая стала самостоятельным субъектом международных отношений. В настоящее время политические круги Турции периодически указывают на соглашения 100-летней давности, отмечая их несправедливость.

Таким образом, можно предположить, что нынешняя Турция не в состоянии забыть утрату своего величия, что находит отражение во внешнеполитической линии страны по отношению к ее арабским соседям. Не вступив Османская империя в войну на стороне проигравшей Германии, картина современного Ближнего Востока была бы иной. Война, начавшаяся в далеком 1914 г., для арабского региона так и не закончилась. И дело здесь не только в начертанных без учета этно-конфессиональных особенностей населения территориальных границах, сколько в столкновении интересов многих стран мира. Незатихающее минное поле арабского мира из кровавых конфликтов и непримиримых противоречий заставляет многих специалистов вернуться к истокам и критиковать соглашение Сайкс – Пико, которое стало причиной превращения региона в «поховую бочку» современности.

Однако не стоит ограничиваться лишь данным документом, так как ключевой идеей многочисленных договоренностей в военный период между державами-победительницами и итоговых соглашений, положивших конец Первой мировой войне, являлся именно передел «османского наслед-

ства», сам факт которого представляется весьма логичным для существовавшего на тот момент колониального раздела мира и доминирования западных держав. Более того, не было никаких гарантий, что после окончания османского владычества получившие свободу народы смогли бы мирно договориться о своих территориях, поэтому, с этой точки зрения, введенная мандатная система и западный контроль позволили наладить, например, социально-экономическое функционирование новых территориальных образований.

Вся эта несовершенная система существовала ровно до вмешательства в Ирак в 2003 г., после чего хрупкая структура окончательно дала сбой и вылилась в всплеск террористической активности, и, как следствие, возможность распада нынешних государств на более мелкие территориальные об-

разования. Неслучайно многие предупреждают в данном контексте распад Сирии, Ливана и Ливии как раз на те части, из которых они были «собраны» после окончания Первой мировой войны. Однако разрушение существующей ткани искусственно созданных государств в регионе БВСА повлечет за собой не менее кровавые этнические и территориальные столкновения между новообразованными государствами. Поэтому остается надеяться, что нынешние власти арабских стран, равно как и их западные партнеры, смогут договориться и уладить существующие противоречия, смогут принести мир в этот регион, ведь, по словам одного из французских историков, Великобритания и Франция несут ответственность за то, что происходит в регионе, так как «мы построили Ближний Восток, мы же его и разрушили» [11].

Статья поступила в редакцию 16.01.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939 гг.). М.: Наука, 1971. 400 с.
2. Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М.: Изд-во восточ. лит., 1960. 246 с.
3. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия 3: 1914–1917. [Т. 10: 14 января – 13 апреля 1916 г.]. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938. 336 с.
4. Нестерова Т.П. Вопрос о южной границе Ливии во франко-итальянских отношениях конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Уральский вестник международных исследований. 2003. Вып. 1. С. 57–63.
5. Переписка Мак-Магона–Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 107–123.
6. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 450 с.
7. Черкасов П.П. Агония империи. М.: Наука, 1979. 280 с.
8. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. М.: Наука, 1985. 325 с.
9. Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. 184 с.
10. Burnikel C.T. Camille Barrere and Franco-Italian Rapprochement: 1898–1902 (diss.). Chicago: Loyola University, 1972. 173 p.

11. Casali D. Nous avions construit le Moyen Orient, nous l'avons détruit. (09.10.2015) // Huffington post [сайт]. URL: https://www.huffingtonpost.fr/dimitri-casali/diplomatie-moyen-orient-daech-syrie_b_8268150.html (дата обращения: 02.04.2018).
12. Cumming H.H. The Franco-British Rivalry in the Post-War Middle East. L.: Oxford univ. press, 1938. 229 p.
13. Fidel C. La Paix colonial française. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey, 1918. 123 p.
14. Fitzgerald E.P. France's Middle Eastern Ambitions, the Sykes-Picot Negotiations, and the Oil Fields of Mosul, 1915–1918 // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, no. 4, pp. 697–725.
15. Fromkin D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. L.: Holt Paperbacks, 2009. 644 p.
16. Gontaut-Biron R. Comment la France s'est installée en Syrie (1918–1919): Avec Deux Cartes (reprint 1922). L.: Forgotten Books publishes, 2017. 378 p.
17. Nevakivi J. Britain, France and the Arab Middle East, 1914–1920. L.: The Athlone Press, 1969. 284 p.
18. The Dissolution of the Ottoman Empire: The History and Legacy of the Ottoman Turks' Decline and the Creation of the Modern Middle East. L.: Charles River Editors, 2016. 60 p.
19. The Treaty of Peace Between the Allied Powers and the Ottoman Empire, Sèvres, 10 August 1920 // UK Treaties Online [website]. – URL: <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1920/TS0011.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
20. Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany, Versailles, 28 June 1919 // Library of Congress [website]. – URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000002-0043.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
21. Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa, 1914–1967. L.: Macmillan, 1968. 194 p.
22. Zeine Z.N. The Struggle for Arab Independence. Beirut: Khayat's, 1960. 257 p.

REFERENCES

1. Ivanov N.A. Krizis frantsuzskogo protektorata v Tunise (1918–1939 gg.) [The crisis of the French protectorate in Tunisia (1918–1939)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 400 p.
2. Lazarev M.S. Krushenie turetskogo gospodstva na Arabskom Vostoke [The collapse of the Turkish rule in the Arab East]. Moscow, Izd. vostochnoi lit. Publ., 1960. 246 p.
3. Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878–1917 gg. Seriya 3: 1914–1917. [T. 10: 14 yanvarya – 13 aprelya 1916 g.] [International relations in the age of imperialism: documents from the archives of the tsarist and Provisional governments 1878–1917; Series 3: 1914–1917 [Vol. 10: January 14 – April 13, 1916]. M.; L., Sotsekgiz Publ., 1938. 336 p.
4. Nesterova T.P. [The issue of the southern border of Libya in the Franco-Italian relations of the late 1920s – early 1930s.] In: *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*, 2003, no. 1, pp. 57–63.
5. Perepiska Mak-Magona–KHuseina 1915–1916 gg. i vopros o Palestine: dokumenty i materialy [McMahon–Hussein's correspondence of 1915–1916 and the Palestine question: documents and materials]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2008, pp. 107–123.
6. Fomin A.M. Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za «Osmanskoe nasledstvo», 1918–1923 [War with continuation. Britain and France in the struggle for "the Ottoman legacy", 1918–1923]. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo Publ., 2010. 450 p.

7. Cherkasov P.P. Agoniya imperii [Agony of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 280 p.
8. Cherkasov P.P. Raspad kolonial'noi imperii Frantsii [The collapse of the colonial empire of France]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 325 p.
9. Cherkasov P.P. Sud'ba imperii. Ocherk kolonial'noi ekspansii Frantsii v XVI–XX vv. [The fate of the Empire. Essay on the colonial expansion of France in the XVI–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 184 p.
10. Burnikel C.T. Camille Barrere and Franco-Italian Rapprochement: 1898–1902 (diss.). Chicago: Loyola University, 1972. 173 p.
11. Casali D. Nous avons construit le Moyen Orient, nous l'avons détruit. (09.10.2015). Huffpost [website]. Available at: https://www.huffingtonpost.fr/dimitri-casali/diplomatie-moyen-orient-daech-syrie_b_8268150.html (accessed: 02.04.2018).
12. Cumming H.H. The Franco-British Rivalry in the Post-War Middle East. L.: Oxford univ. press, 1938. 229 p.
13. Fidel C. La Paix colonial française. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey, 1918. 123 p.
14. Fitzgerald E.P. France's Middle Eastern Ambitions, the Sykes-Picot Negotiations, and the Oil Fields of Mosul, 1915–1918. In: *The Journal of Modern History*, 1994, vol. 66, no. 4, pp. 697–725.
15. Fromkin D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. L.: Holt Paperbacks, 2009. 644 p.
16. Gontaut-Biron R. Comment la France s'est installée en Syrie (1918–1919): Avec Deux Cartes (reprint 1922). L.: Forgotten Books publishes, 2017. 378 p.
17. Nevakivi J. Britain, France and the Arab Middle East, 1914–1920. L.: The Athlone Press, 1969. 284 p.
18. The Dissolution of the Ottoman Empire: The History and Legacy of the Ottoman Turks' Decline and the Creation of the Modern Middle East. L.: Charles River Editors, 2016. 60 p.
19. The Treaty of Peace Between the Allied Powers and the Ottoman Empire, Sèvres, 10 August 1920. UK Treaties Online [website]. Available at: <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1920/TS0011.pdf> (accessed: 02.04.2018).
20. Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany, Versailles, 28 June 1919. Library of Congress [website]. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000002-0043.pdf> (accessed: 02.04.2018).
21. Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa, 1914–1967. L.: Macmillan, 1968. 194 p.
22. Zeine Z.N. The Struggle for Arab Independence. Beirut: Khayat's, 1960. 257 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чикризова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: chikrizova_os@rudn.university

Сошников Екатерина Олеговна – магистрант 2 курса кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, специальность «Международные отношения»;
e-mail: soshlarisa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Chikrizova – PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of theory and history of the international affairs, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: chikrizova_os@rudn.university

Ekaterina O. Soshnikova – postgraduate student of the second year, the Department of theory and history of the international affairs, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: soshlarisa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чикризова О.С., Сошникова Е.О. Роль Франции в формировании государственных границ на ближнем востоке и в Северной Африке в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 61–74.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-61-74

FOR CITATION

O.S. Chikrizova, E.O. Soshnikova. The Role of France in Forming the State Boundaries in the Middle East and in North Africa in the Early XXth Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 61–74.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-61-74

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-75-82

ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РФ Б.Н. ЕЛЬЦИНА В СОЗДАНИИ И ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Свидерский А.А.*Московский государственный областной университет
105005 Москва, Радио ул., 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль личности Б.Н. Ельцина в выстраивании российско-американских отношений, формировании правил и концептуальных основ взаимодействия и целесообразности методов ее проведения. Автор значительное внимание уделил изучению воспоминаний ближайших соратников Б.Н. Ельцина. В статье выяснены особенности действий первого президента РФ и его внешнеполитические ориентиры. В работе доказано, что Б.Н. Ельцин значительное внимание уделял интересам США и зачастую пренебрегал российскими.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Б.Н. Ельцин, внешняя политика, Российская Федерация.

THE PERSONALITY OF B. YELTSIN, THE FIRST PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION, IN CREATING AND FORMING THE RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

A. Sviderskiy*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This article examines the role of B. Yeltsin's personality in building up Russian-American relations, as well as in formulating the rules and conceptual bases for interaction. The appropriateness of methods for conducting the interaction is also mentioned. The author devoted considerable attention to studying the memories of B. Yeltsin's closest associates. The article clarifies the specifics of the actions of the first president of the Russian Federation and its foreign policy guidelines. The article proves that Boris Yeltsin paid considerable attention to the interests of the United States and often neglected the interests of Russia.

Key words: the Russian-American relations, B.N. Yeltsin, foreign policy, the Russian Federation.

Данная статья посвящена роли Ельцина Б.Н. в формировании правил российско-американских отношений, суверенной позиции РФ на международном уровне.

В совместном отчете по национальным интересам России и США *Belfer Center for Science and International Affairs* и *Center for the National Interest* за октябрь 2011 г. эти отношения на современном этапе характеризуются так: «Россия не наш

враг, она не стала другом, Вашингтону и Москве удалось преодолеть конфронтацию в Холодной войне, но не были созданы устойчивые отношения сотрудничества» [16, р. 3]. В этом же документе определяется отношение к интересам США в РФ: Россия должна быть главным приоритетом для Соединенных Штатов, поскольку ее поведение может оказать глубокое влияние на жизненно важные национальные интересы Америки (ядерное разоружение и нераспространение, энергетическая независимость, сдерживание Китая как сверхдержавы, экономическое взаимодействие и использование стратегического положения РФ на планете).

Как видим, США и их союзники всегда уделяли российскому направлению существенное внимание. Именно поэтому особый интерес представляет период доминирования Б.Н. Ельцина в российской политике.

Взаимоотношения депутата Верховного совета СССР Ельцина Б.Н. с Америкой начались с неофициального визита в 1989 г. Возможно, эта неделя ключевым образом повлияла на будущее СССР и России. В Университете Хопкинса (Балтимор, США) Б.Н. Ельцин заявляет: «У вас специалисты о нашей стране знают больше, чем я сам» и этот сарказм позволяет судить как о высоком уровне подготовке американских спецслужб, так и о недостаточной работе депутата Б.Н. Ельцина над изучением экономики СССР [7, 6:16].

Визит в Америку был организован Геннадием Алференко из «Фонда социальных изобретений», который получал средства за счет пожертвований из США [3, с. 18–19]. В ходе американского визита будущий председатель

ВС РСФСР, а в дальнейшем – президент РФ Ельцин знакомится с капиталистической экономикой, вступает в контакты со значительным количеством влиятельных сил в США. В «Речном клубе», во время одной из таких встреч, Дэвид Рокфеллер собрал множество влиятельных лиц. Среди них представители Фонда Форда, Фонда Карнеги, Фонда МакАртуров, Джордж Сорос. Все активно общались с Ельциным. Закрепленный за российской делегацией переводчик так охарактеризовал эту публику: «Эти люди во многом определяют исход президентских выборов в США, да и не только в США» [3, с. 33]. От лекции и обеда в Совете по внешним сношениям зависела встреча Ельцина с президентом США Бушем. Вероятнее всего, что в ходе визита были согласованы определенные обязательства. Б.Н. Ельцину в ходе встречи задали вопрос: «Что Ельцин привез в Америку?». Последовал ответ «Обо всем, что я собой привез, я скажу самому Бушу» и состоялась встреча с американским президентом [12, с. 64].

Дэвид и Шэрон Ривера пришли к выводу, рассматривая период президентства Б. Клинтона, что «политика администрации Клинтона в поддержку Ельцина служила различным интересам американской внешней политики». Кристия Фриленд описывает Б.Н. Ельцина как человека, стремящегося к власти и отодвигающего на второй план идеи [15].

Стремясь к власти, Ельцин Б.Н. охотно пользуется помощью и поддержкой Запада. Об этом свидетельствует описание обратного перелета Ельцина, его размышлений в ходе него. Советский оппозиционер принял ре-

шение идти на полный слом советской системы. Был поставлен конкретный вопрос Льву Суханову, ближайшему помощнику: «Скажите, согласны ли Вы идти со мной до конца?» и получен ответ: «Да, пойду до конца» [12, с. 213]. После возвращения действия Ельцина Б.Н. стали более отважными и решительными, а отношение к Горбачеву – все более резким. Последний попытался предпринять попытки по уменьшению влияния Б.Н. Ельцина, используя его злоупотребления спиртным в ходе зарубежного визита... Однако на помощь Ельцину пришли политтехнологии, а журналист Павел Вощанов выполнил роль «отбеливателя» и вся конфликтная ситуация привела лишь к увеличению поддержки дерзкого политика.

Формирование отношений РФ с США началось еще до окончательного распада СССР – со второй половины 1990 г., после провозглашения Съездом народных депутатов РСФСР суверенитета России. Установление первых контактов между РФ и США, не носящих в 1990-1991 гг. еще официального характера, стало возможным после решения о «раздвоении» позиции Вашингтона в отношении центра – СССР и провозглашающих свою независимость республик, прежде всего России. Ельцин всецело пользовался поддержкой США еще и потому, что, со слов Строуба Тэлботта, тот не только «демократически избранный», но и «первый руководитель, лишенный имперских амбиций» [13, с. 34].

Как только пошел процесс провозглашения независимости бывшими республиками СССР, Вашингтон установил условия их признания – переход к «свободному рынку», ограничение

вооруженных сил и неучастие в военных конфликтах [8]. Министр иностранных дел РФ А.В. Козырев в этом направлении сделал несколько заявлений, которые позволили Америке понять согласие российского руководства двигаться в этом направлении.

По всем судьбоносным для России вопросам Б.Н. Ельцин пользовался поддержкой администрации США. Буш и Клинтон высоко оценивали деятельность российского лидера и поддерживали во время августовского путча 1991 г. и событий 1993 г. Стратегия США строилась на том, чтобы в кратчайшие сроки получить доступ к ресурсной базе России, но многим важнее – ликвидировать СССР как мощного геополитического потенциально противника Америки, не позволить России встать на путь самостоятельного экономического развития, построив успешную экономическую и военнополитическую систему управления.

25 декабря 1991г. президент Буш объявил об официальном признании России как независимого государства и правопреемника СССР. 1 февраля 1992 г. Ельцин прибывает в США с первым официальным визитом и объявляет страны Запада союзниками. Кэмп-Дэвидская декларация гласила: «Россия и Соединенные Штаты не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников. Их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанными на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» [11].

Ключевым фактором в поддержке Штатами Б.Н. Ельцина была готовность к полному и кардинальному слоу советской плановой системы.

Он её с охотой демонстрировал. Запад ставил требования форсированного перехода к капитализму, тотальной приватизации. «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное зависит от нас» – заявлял президент [14]. Однако с желанием скорейшим образом перейти к рынку были не согласны даже ближайшие соратники Ельцина. Повременить с приватизацией, провести все более плавно и организованно просил Полторанин. Он же подробно описал факты наличия советников США в ключевых экономических ведомствах России. Ельцин охотно выполнял советы присланных экономистов, т.к. от выполнения их требований зависела поддержка его шаткой власти со стороны США.

Одним из важных шагов в выстраивании новых российско-американских отношений в военно-политическом направлении был договор СНВ-2. Обстоятельства его подписания описывает председатель комитета Государственной думы по обороне Р.С. Попкович: «Подписание этого договора (3 января 1993 г.) было осуществлено в сложных для России политических и экономических условиях. Кроме того, Договор СНВ-2 появился без сопровождения информации, которая необходима для его понимания в обществе. Такая информация отсутствовала даже у допущенных к закрытой информации государственных органов и должностных лиц. В связи с этим Договор СНВ-2 вызвал острую полемику относительно соответствия подписанного документа интересам государства» [5, с. 10].

Значительная часть экспертов считала соглашение сомнительным и

предупреждала об опасности ратификации Договора СНВ-2 в связи с тем, что он может повлечь за собой выход США из договора по ПРО 1972 г., что фактически делало российское оружие безрезультативным (оставшиеся на вооружении ракеты, которые оставались бы у РФ после выполнения обязательств по СНВ-2, не смогли бы достигнуть целей в случае конфликтов Россия-США, Россия-НАТО) [6]. Однако Б.Н. Ельцин настоял на ратификации данного соглашения. Россия отказывалась от своих самых передовых вооружений, а Америка в скором времени вышла из договора по ПРО – опасения экспертов сбылись. При этом ошибочно считать, что Россия не могла экономически содержать свои средства поражения в тяжелой экономической ситуации – по экономическим расчетам Полторанина, это было гораздо выгоднее (даже с точки зрения сопоставимости затрат «эксплуатация – утилизация») [10, с. 403].

Что касается реформ Гайдара, то их четкая оценка дана Г.А. Арбатовым: «Я возьму смелость на себя сказать, что любая из них (альтернативных программ реформ) была предпочтительнее «гайдаровской реформы», подготовленной в спешке за закрытыми дверями небольшой группкой малоизвестных второразрядных экономистов и в такой же спешке одобренной президентом Б. Ельциным... Получив благословение Международного валютного фонда (МВФ), усиленно продвигаемая некоторыми западными специалистами (среди других Джеффри Саксом и Андерсом Ослундом), эта модель реформы потерпела неудачу практически повсюду» [1]. Однако господин Арбатов лукавит, когда

говорит, «не могу понять, почему некоторые западные лидеры называют политику шоковой терапии практикой «демократической рыночной реформы» [1]. Все легко укладывается в контекст. Запад кредитовал Ельцина и его команду с целью проведения именно таких, крайне резких, можно сказать, «революционных» реформ с целью скорейшей и окончательной ликвидации социалистической системы.

Соединенные Штаты и страны НАТО твердо и последовательно шли на разрушение геополитических основ, которые хотя бы в теории могли бы позволить России надеяться обрести положение державы номер два в мировой политике, принадлежавшее ранее Советскому Союзу [2]. Давление Америка оказывала по всем возможным направлениям. Личностные качества Б.Н. Ельцина и ряда схожих лидеров позволили при его помощи не только разрушить СССР, но и выстроить крайне радикальную политику на бывшем советском пространстве. Лейтмотивом всех действий российского президента была ориентация на Соединенные Штаты и их лидеров.

Одним из болезненных шагов в этом направлении был стремительный вывод войск из Европы. В условиях, когда договоренности о строительстве жилья и создании рабочих мест для бывших военнослужащих за рубежом Европой не соблюдались, советники Б.Н. Ельцина предлагали провести вывод войск за более длительный период. Однако президент РФ стремился любой ценой быть верным союзником Западу. Итог – освобожденные территории были заняты НАТО (с одобрения Ельцина!), а размещение и трудоустройство иностранного контингента

военнослужащих в России еще долго являлось серьезной проблемой нашей страны.

Профессор, директор института изучения России Дж. Миллар утверждал: «Президент Ельцин допустил ряд серьезных ошибок» [цит. по 9, с. 21]. Ошибки западному специалисту видятся в личностных качествах Б.Н. Ельцина. Мы же полагаем, что, при всех прочих параметрах, главная проблема президентства Ельцина Б.Н. – опора на США и недостаточная компетентность специалистов, осуществлявших реформы. Ибо трудно предположить обратное, когда уже давно известны масштабы американской помощи в проведении реформ: фактически все действующее законодательство РФ сделано при помощи американских советников и по образцу законов США.

По мнению Томаса Грэхэма, США стали ведущей державой мира с неожиданно большим отрывом от остальных, а конец «холодной войны», геополитические сдвиги и глобализация изменили характер силы в международных отношениях не в пользу России. Налицо громадная и растущая асимметрия между Россией и США в силе, богатстве, взглядах и воззрениях. При этом цинично отмечается: США беспокоит не сила России, а ее слабость [4].

Изложив вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

- Ельцину удалось заручиться поддержкой влиятельных кругов США еще до провозглашения независимости РСФСР;

- Ельцин активно взаимодействовал с американским руководством начиная с 1989 г.;

- провозглашение независимости РСФСР было согласовано с США;

– курс реформ в России формулировался и формировался Ельциным совместно (или под руководством?) США, а национальные интересы нашей страны при их проведении уходили на второй план;

– в тандеме США – Россия именно Штаты вели разговор с позиции доминирования над слабой Россией;

– фактически администрация Ель-

цина проводила ущербную внешнюю политику во взаимодействии с США, поскольку она носила скорее односторонний характер в угоду Америке и экспорту американских ценностей в РФ;

– президент РФ Б.Н. Ельцин пользовался широкой поддержкой руководства Соединенных Штатов Америки.

Статья поступила в редакцию 19.12.2017

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатов А.Г. Российско-американские отношения: проблемы и задачи // США – экономика, политика, идеология. 1994. № 12. С. 11–12.
2. Богатуров А.Д. Кременюк В.А. Сами американцы не остановятся никогда // Независимая газета. 1996. 29 июня.
3. Воинов П.И. Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца. М.: Алгоритм, 2017. 416 с.
4. Грэхэм Т. Вопросы из Вашингтона // Известия. 2001. 21 марта.
5. Договор СНВ-2 и будущее стратегических ядерных сил. М.: РАУ - Университет, 1999. 121 с.
6. Договор СНВ-2: факты и аргументы (Белая книга). М.: Международные отношения, 1993. 214 с.
7. Ельцин впервые в США. Университет Хопкинса. 1989 год // YouTube [website]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=HJ6Q3xwvp_w (дата обращения: 22.03.2018).
8. Мельников Ю.М. Российско-американские отношения // Внешняя политика современной России: сборник статей. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. С. 93–116.
9. Основные тенденции российско-американских отношений. М.: Научная книга, 1997. 257 с.
10. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Алгоритм, 2011. 512 с.
11. Россия-США: в Кэмп-Дэвиде забит последний гвоздь в гроб «Холодной войны», но путь от вражды к союзнчеству будет труднее, чем мы предполагали // Известия. 1992. 3 февр.
12. Суханов Л.В. Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника. М.: Алгоритм, 2016. 224 с.
13. Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Издательский дом «Городец», 2003. 528 с.
14. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-пресс, 2001. 548 с.
15. Rivera D.W., Rivera S.W. Yeltsin, Putin, and Clinton: Presidential Leadership and Russian Democratization in Comparative Perspective // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No 3. Pp. 591–610.
16. Russia and U.S. National Interests. Why Should Americans care? (Task Force of Russia and US National Interests Report). Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs; Center for the National Interest, 2011. 45 p.

SOURCES AND REFERENCES

1. Arbatov A.G. [Russian-American relations: problems and challenges]. In: *SShA – ekonomika, politika, ideologiya*, 1994, no. 12, pp. 11–12.
2. Bogaturov A.D., Kremenyuk V.A. Sami amerikantsy ne ostanovyatsya nikogda [The Americans themselves will never stop]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 1996.
3. Voshchanov P.I. El'tsin kak navazhdenie. Zapiski politicheskogo prokhodimtsa [Yeltsin as a hallucination. Notes of a political impostor]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 416 p.
4. Grekhem T. Voprosy iz Vashingtona [Questions from Washington]. In: *Izvestiya*, 2001, 21 Mar.
5. Dogovor SNV-2 i budushchee strategicheskikh yadernykh sil [The START-2 Treaty and the future of the strategic nuclear forces]. Moscow, RAU – Universitet Publ., 1999. 121 p.
6. Dogovor SNV-2: fakty i argumenty (Belaya kniga) [The START-2 Treaty: facts and arguments (White book)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 214 p.
7. El'tsin vpervye v SShA. Universitet Khopkinsa. 1989 god [Yeltsin for the first time in the United States. John Hopkins University. 1989]. YouTube [website]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=HJ6Q3xwvp_w (accessed: 22.03.2018).
8. Mel'nikov YU.M. Rossiisko-amerikanskije otnosheniya [The Russian-American relations]. In: *Vneshnyaya politika sovremennoi Rossii: sbornik statei* [The foreign policy of modern Russia: collection of articles]. Moscow, Diplomaticeskaya akademiya MID RF Publ., 2000, pp. 93–116.
9. Osnovnye tendentsii rossiisko-amerikanskikh otnoshenii [The main trends of the Russian-American relations]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 1997. 257 p.
10. Poltoranin M.N. Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa [The power in trotyl equivalent. The legacy of Tsar Boris]. Moscow, Algoritm Publ., 2011. 512 p.
11. Rossiya-SShA: v Kemp-Devide zabit poslednii gvozдь v grob «KHolodnoi voiny», no put' ot vrazhdy k soyuznichestvu budet trudnee, chem my predpolagali [Russia-USA: Camp David hammered the last nail in the coffin of the cold war, but the path from hostility to alliance will be more difficult than we expected]. In: *Izvestiya*, 1992, 3 Feb.
12. Sukhanov L.V. Kak El'tsin stal prezidentom. Zapiski pervogo pomoshchnika [As Yeltsin became President. Memoirs of the first assistant]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 224 p.
13. Telbott S. Bill i Boris. Zapiski o prezidentskoi diplomatii [Bill and Boris. Notes on presidential diplomacy]. Moscow, Izdatel'skii dom «Gorodets» Publ., 2003. 528 p.
14. Khlebnikov P. Krestnyi otets Kremlya Boris Berezovskii, ili Istoriya razgrableniya Rossii [Boris Berezovsky, the Godfather of the Kremlin, or the history of looting Russia]. Moscow, Detektiv-press Publ., 2001. 548 p.
15. Rivera D.W., Rivera S.W. Yeltsin, Putin, and Clinton: Presidential Leadership and Russian Democratization in Comparative Perspective. In: *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7, no. 3, pp. 591–610.
16. Russia and U.S. National Interests. Why Should Americans care? (Task Force of Russia and US National Interests Report). Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs; Center for the National Interest, 2011. 45 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Свидерский Арсений Андреевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: svidersky@ya.ru; <http://свидерский.рф/>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseny A. Sviderskiy – postgraduate student of the Department of the New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: svidersky@ya.ru; <http://свидерский.рф/>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Свидерский А.А. Личность первого Президента РФ Ельцина Б.Н. в создании и формировании российско-американских отношений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-75-82

FOR CITATION

A. Sviderskiy. The Personality of B. Yeltsin, the First President of the Russian Federation, in Creating and Forming the Russian-American Relations. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-75-82

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-83-88

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Комаров А.Н.^{1,2}, Оразбаева Ж.А.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет

125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования является краткая история развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и на Североамериканском континенте. Исследование основано на анализе ряда источников, а также зарубежной и отечественной историографии по данной проблематике. Авторы приходят к выводу о том, что история развития интеграционных процессов на Североамериканском континенте и на постсоветском пространстве характеризуется наличием общих закономерностей. Авторы считают, что именно вовлеченность в региональные интеграционные проекты является залогом успешного экономического развития государств Северной Америки и постсоветского пространства.

Ключевые слова: НАФТА, ФТА, ЕАЭС, экономическая интеграция, Россия, постсоветское пространство.

INTEGRATION PROCESSES IN NORTH AMERICA AND THE FORMER SOVIET UNION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT

A. Komarov^{1,2}, Zh. Orazbayeva¹

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82/5, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119571, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya pl., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation

Abstract. The subject of the enclosed research deals with the brief history of the integration processes in the former Soviet Union and in North America. The study is based on the analysis of a number of historical sources and historiography on the subject. The authors come to the conclusion that the history of the development of integration processes in North America and the former Soviet Union is characterized by common features. The authors believe that it is the involvement into the regional integration projects that is the key to successful economic development of the states in the North American region, as well as in the former Soviet Union.

Key words: NAFTA, FTA, the Eurasian Economic Union, integration, Russia, the post-Soviet space.

© CC BY Комаров А.Н., Оразбаева Ж.А., 2018.

На современном этапе развития постиндустриального общества в эпоху глобализации важнейшую роль играют интеграционные процессы, которые определяют сущность международных отношений и внешней политики как отдельных государств, так и государственных объединений в целом (соглашение НАФТА, символизирующее североамериканскую интеграцию между Канадой, США и Мексикой; ЕАЭС на постсоветском пространстве и т.д.). Можно с уверенностью утверждать, что в современном мире эффективность деятельности государства в его внешней и внутренней политике зависит от его непосредственной взаимосвязи с крупнейшими интеграционными объединениями стран Запада, Востока и Северной Америки.

С нашей точки зрения, ни одно из ведущих государств не может обойтись без тесного взаимодействия с другими странами, что определяет во многом смысл его существования в системе международных отношений. Кроме того, интеграционные процессы определяют саму сущность развития исторического процесса в новейшее время. Разрыв с интеграционными объединениями может оказать в значительной степени негативное воздействие на внутривнутриполитическое развитие любой страны, ее социальную и экономическую направленность. В этой связи показательно, что в начале XXI в. даже такие глобальные мировые лидеры, как США стремятся к совместным интеграционным проектам с другими государствами как на территории Северной Америки, так и в Западной Европе.

Следует отметить, что целью нашей статьи является краткий анализ исто-

рии развития интеграционных процессов в Северной Америке и на постсоветском пространстве. В этой связи авторы не претендуют на глобальный всесторонний охват данной проблематики. В центре их внимания находятся, прежде всего, некоторые важные этапы развития североамериканской интеграции, и, частично, интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Хронологические рамки рассматриваемого в данной статье периода затрагивают 1990–2010-е гг., которые явились важнейшими для интеграционных процессов в Северной Америке и на постсоветском пространстве.

Совершенно очевидно, что в США и Канаде политику правящих партий (с 80-х г. XX в. по настоящее время) определял неоконсерватизм [2, с. 165]. После парламентских выборов в Канаде 1984 г. к власти приходит консервативный кабинет во главе с премьер-министром Б. Малруни. Одним из первых заявлений премьера было определение нового внешнеполитического курса Канады, сущностью которого являлось углубление и расширение канадо-американских отношений [5, р. 292]. В области внешней политики Б. Малруни избрал линию континентализма, т.е. ориентацию на внешнеполитическое сближение с США. Континентализм был следствием длительных и трудных поисков возможных ориентиров канадской внешней политики.

Необходимо отметить, что линия на выработку Канадой своей внешней политики велась сразу же после образования канадской федерации в 1867 г. Первоначально Канада, как англоязычная, так и франкоязычная, самым тес-

ным образом следовала неукоснительно британскому имперскому курсу, поддерживая Великобританию в Первой и Второй мировых войнах, а также в англо-бурской войне. В то же время в межвоенный период 1919–1939 гг. канадцы добиваются фактического признания самостоятельности своей внешней политики (по Вестминстерскому статуту 1931 г.), и пытаются действовать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. После Второй мировой войны Канада, благодаря Акту о конституции 1982 г., во-первых, окончательно закрепляет свой суверенитет на международной арене в качестве самостоятельного государства и, во-вторых, переориентируется на самые тесные внешнеэкономические связи с США, осознавая все выгоды от интеграционного сотрудничества двух стран.

Канадские неоконсерваторы полностью отдавали себе отчет в том, что именно укрепление внешнеэкономических связей с США способствует окончательному превращению Канады в важнейший субъект североамериканской и мировой геополитики в целом. 80-е гг. XX в. характеризовались неоднократными встречами и консультациями премьер-министра Б. Малруни и президента США Р. Рейгана. В ходе этих консультаций были рассмотрены важнейшие вопросы о возможности и путях заключения соглашения о свободной торговле. Эти консультации были чрезвычайно плодотворными, поскольку реализовались в достигнутом соглашении ФТА [4, с. 133]. Оно отменяло таможенные тарифы и пошлины в товарах и услугах между двумя государствами и явилось важным этапом интеграционных процессов на

Североамериканском континенте [10, р. 7]. Следует отметить, что достижение этого соглашения шло непростым путем, характеризовалось серьезными дискуссиями в канадском обществе, поскольку значительная часть его боялась потерять экономическую самостоятельность вследствие интеграции с США. Вопреки опасениям Либеральной и Новой демократической партий, ФТА полностью доказало свою экономическую эффективность и целесообразность и привело к усилению интеграционных процессов во взаимоотношениях между США и Канадой.

Линия на интеграцию была продолжена в 1993 г., когда канадские консерваторы во главе с К. Кэмпбелл инициировали подписание соглашения НАФТА, включающее не только интеграцию между США, Канадой, но и с Мексикой (Североамериканское соглашение о свободной торговле), которое вступило в действие с 1 января 1994 г. [3, с. 53–66]. Явный успех соглашения стал очевиден на рубеже тысячелетий, когда сформировалась континентальная интеграция. Пути выхода из мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. были у США и Канады идентичными. Курс на интеграцию был продолжен как либеральными кабинетами Ж. Крестьяна, П. Мартина и Дж. Трюдо, так и консервативными правительствами С. Харпера. Ошеломляющим, потрясшим даже бывших скептиков результатом действия соглашений ФТА и НАФТА стал серьезный экономический подъем Канады и Мексики, модернизация автомобильных и железных дорог, телекоммуникаций и т. д.

Характерно, как это часто бывает при принятии нового, зачастую судьбоносного решения, что ведущие по-

литические партии либералов и новых демократов ополчились против премьер-министра Канады, используя при этом различные каналы, предлагаемые СМИ (жесткие теледебаты и т.д.). Обращает на себя внимание известный телевизионный рекламный ролик, в котором либералы во главе со своим лидером Д. Тернером перед всеобщими выборами 1988 г. изображали консервативное правительство Б. Малруни, разрушающее границу между США и Канадой. За сатирической формой ТВ-ролика была скрыта мысль о том, что после заключения соглашения о свободной торговле с США Канада полностью теряет свой суверенитет, превращаясь, по сути дела, в провинцию США [7, р. 318–319]. Естественно, канадские консерваторы не остались в долгу и немедленно отреагировали своим собственным рекламным роликом, изображающим четко прочерченную границу между США и Канадой, и тем самым обозначив тот факт, что Канада, безусловно, останется независимым государством в случае заключения соглашения о свободной торговле [6, р. 57–58]. Этим роликом консерваторы, образно говоря, убили двух зайцев, поскольку ответили также и на критику Новой демократической партии Канады и ее лидера Э. Бродбента, который, как и либералы, отрицательно характеризовал соглашение о свободной торговле с США, но не предложил ему никакой позитивной альтернативы [9, р. 60–65]. Таким образом, соглашения ФТА и НАФТА явились важнейшими интеграционными проектами на Североамериканском континенте, обеспечивающими эффективный экономический рост его участников [8].

Пример североамериканской интеграции очень важен для оценки перспектив интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Невзирая на неоднократное стремление США расколоть его и глобально доминировать в современном мире, важнейшим позитивным результатом начала XXI в. явилось образование ЕАЭС в 2014 г., которое включает Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Армения, Казахстан и Кыргызстан. Этот процесс явился результатом долгого и многотрудного пути, восстанавливающего частично утерянные в 90-е гг. XX в. связи между бывшими советскими республиками [1].

Таким образом, проведенный анализ вышеизложенного материала по данной проблематике позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в эпоху глобализации международное сотрудничество направлено на осуществление экономической и политической интеграции, которая напрямую отвечает геополитическим запросам ряда стран Северной Америки и Запада в целом, равно как и государств постсоветского пространства. Во-вторых, необходимо отметить, что именно вовлеченность в современные региональные интеграционные проекты способствует успешному и поступательному экономическому развитию государств Северной Америки и постсоветского пространства. В-третьих, пример интеграционного проекта НАФТА доказывает, что даже такое высокоразвитое государство, как США, стремящееся к глобальному лидерству, развивает интеграционные процессы с Канадой и Мексикой, а также стремится подписать

трансатлантическое соглашение с ЕС. В-четвертых, что история развития интеграционных процессов на Североамериканском континенте и на постсоветском пространстве отличается общими закономерностями. Как и в НАФТА, в ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение

единой политики в отраслях экономики, обозначенных интеграционными договоренностями. Это опирается и на сам непосредственный вектор интеграционных процессов – от начальной стадии интеграции к всестороннему сотрудничеству и взаимодействию.

Статья поступила в редакцию 26.12.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия [сайт]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 24.01.2018).
2. Комаров А.Н. Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. 250 с.
3. Комаров А.Н. Канадские консерваторы: от оппозиции к власти: 1990–2010-е гг. М.: РГГУ, 2014. 240 с.
4. Коленеко В.А. НАФТА – мания или метаморфозы интеграционных процессов в Северной Америке. М.: ИВИ РАН, 1998. 150 с.
5. Bliss M. Right Honourable Men. The Descent of Canadian Politics from Macdonald to Mulroney. Toronto: Harper Collins, 1994. 352 pp.
6. Frizzell A., Pammet J.H., Westell A. The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton University Press, 1989. 171 pp.
7. Morton D. A Short History of Canada. Toronto: McClelland&Stewart, 1994. 351 pp.
8. North American Free Trade Agreement // NAFTA Secretariat [website]. – URL: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement> (дата обращения: 23.01.2018).
9. Saywell J. Canada: Pathways to the Present. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited, 1996. 152 pp.
10. Wearing J. Strained Relations: Parties and Voters. Toronto: McClelland&Stewart, 1988. 318 pp.

REFERENCES

1. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [The treaty on the Eurasian Economic Union]. In: *Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya* [The Eurasian Economic Commission [website]. Available at: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (accessed: 24.01.2018).
2. Komarov A.N. Kanadskii konservatizm v epokhu B. Malruni v 1984–1993 godakh [Canadian conservatism in the era of B. Mulroney in 1984–1993 years]. Moscow, RUDN Publ., 2010. 250 p.
3. Komarov A.N. Kanadskie konservatory: ot oppozitsii k vlasti, 1990–2010-e gg [Canadian conservatives: from opposition to power, 1990–2010 years]. Moscow, RGGU Publ., 2014. 240 p.
4. Koleneko V.A. NAFTA – maniya ili metamorfozy integratsionnykh protsessov v Severnoi Amerike [NAFTA – mania or metamorphosis of the integration processes in North America]. Moscow, IVI RAN Publ., 1998. 150 p.
5. Bliss M. Right Honourable Men. The descent of Canadian POLITICS from Macdonald to Mulroney. Toronto, Harper Collins, 1994. 352 pp.

6. Frizzell A., Pammet J.H., Westell A. The Canadian general elections of 1988. Ottawa: Carleton University Press, 1989. 171 pp.
7. Morton D. A Short History of Canada. Toronto: McClelland&Stewart, 1994. 351 pp.
8. North American Free Trade Agreement. In: *NAFTA Secretariat* [website]. Available at: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement> (accessed: 23.01.2018).
9. Saywell J. Canada: Pathways to the Present. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited, 1996. 152 pp.
10. Wearing J. Strained Relations: Parties and Voters. Toronto, McClelland&Stewart, 1988. 318 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: ruslan10@inbox.ru

Оразбаева Жанбота Абдолдакызы – аспирант кафедры всеобщей истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: abdoldakyzy_zhanbota@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey N. Komarov – Doctor in Historical Sciences, Professor of the Department of World History of School of Actual Humanitarian Research, the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities;
e-mail: ruslan10@inbox.ru

Zhanbota A. Orazbayeva – postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: abdoldakyzy_zhanbota@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комаров А.Н., Оразбаева Ж.А. Интеграционные процессы в Северной Америке и на постсоветском пространстве: история развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 83–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-83-88

FOR CITATION

A. Komarov, Zh. Orazbayeva. Integration Processes in North America and the Former Soviet Union: the History of Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 83–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-83-88

Отечественная история

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-89-96

ТШИНЕЦКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ В ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

Лучинский Н.Д.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время по проблеме происхождения праславян и локализации их прародины существуют несколько концепций. Согласно одной из них, праславяне как этническая и языковая общность выделились из среды поздних индоевропейцев Подунавья и инкорпорировались в древнеевропейскую общность на севере Центральной Европы в виде лужицкой культуры, смешавшись там с постшнуровыми культурами комаровского тшинецкого культурного круга, и вытеснив тшинецкую на территорию Среднего Поднепровья в XII–XI вв. до н. э. Вторая волна переселения праславян в союзе с готами шла с Вислы в Поднепровье во II в. до н.э. Использована методика соотнесения данных археологии и лингвистики. Вывод статьи заключается в том, что согласно новым исследованиям прародина славян локализуется на Среднем Днепре.

Ключевые слова: праславяне, тшинецко-комаровская культура, бронзовый век, праиндоевропейцы, Среднее Поднепровье.

TRZCINIEC CULTURAL CIRCLE AND THE PROBLEM OF THE ETNOGENESIS OF THE SLAVS

N. Luchinsky

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. At present there are several hypotheses on the origin of the Proto-Slavs and the localization of their homeland. According to one of them the Proto-Slavs as an ethnic and linguistic community were separated from the late Indo-Europeans in the Danube region and were incorporated into the Ancient European community in the north of Central Europe in the form of the Luzhits culture, mixing there with post-Corded Ware cultures of the Komarovo Tshinec cultural circle, and dislodging the Tshinets culture to the Middle Dnieper in the XIIth-XIth centuries BC. The second wave of resettlement of the Proto-Slavs in alliance with the Goths from the Vistula to the Dnieper region occurred in the 2nd century AD. The author uses the method of correlating

some data of archeology with the linguistic ones. The conclusion is made that according to the new research the Slavic homeland is localized in the Middle Dnieper.

Key words: the Proto-Slavs, Trczinieć-Komarov culture, the Bronze Age, the Proto-Indo-Europeans, the Middle Dnieper.

Проблема славянского этногенеза лежит в междисциплинарном поле, включающем разные ветви лингвистики, археологию, естественные науки, антропологию, историю, филологию, фольклор, а в последнее время – популяционную генетику. Однако корреляция данных этих научных дисциплин не сокращает числа взаимоисключающих гипотез о локализации славянской прародины [16], что связано не только с разной трактовкой одних и тех же данных, но и с неясностью предмета исследования. Действительно, праславянский период охватывает почти две тысячи лет от выделения праславянского языка из праиндоевропейского и до распада праславянского языка. Но для этого временного интервала нет однородной археологической культуры. В отличие от индоевропейской проблемы, к происхождению славян можно подойти в диахронии и «сверху» (от исторических славян), и «снизу» (от праиндоевропейцев к историческим славянам). Усилия археологов были сосредоточены на идентификации праславянской культуры перед распадом в V/VI вв. и на поисках исходной для праславянской культуры накануне распада. Более древние ступени праславянской культуры определялись типологически; надежная методика определения праславянской атрибуции отсутствовала. Без каких-либо обоснований определяли как праславянскую и культуру шаровидных амфор (III тыс. до н.э.), и тшинецко-комаровскую (XV–XIII вв. до н.э.).

Целью данной статьи является обоснование на основе новых междисциплинарных исследований локализации ранней праславянской прародины в Среднем Поднепровье и этническая атрибуция тшинецкой культуры. В связи с этим, нашими задачами являются: дать этническую атрибуцию тшинецкой культуры с помощью метода соотнесения данных археологии и лингвистики; определить раннюю праславянскую прародину по методу корреляции данных лингвистики, археологии и естественных наук (палеоклиматологии, данных о ландшафте, составе флоры и фауны).

Очевидно, начало праславянской истории связано с определением времени выделения праславянского языка и общности из праиндоевропейской. Второй вопрос состоит в том, на каком этапе развития индоевропейской общности отделились праславяне.

Многие авторы неоднократно указывали на архаичность праславянского языка [18; 19; 11, с. 12–13; 2, с. 41; 6, илл. 27]. В настоящее время Грей и Эткинсон модернизировали метод глоттохронологии Сводеша [3, с. 83–89], и предложили новую схему происхождения и выделения индоевропейских языков [6, илл. 27], согласно которой праславянский язык начал самостоятельное развитие около 1450 г. до н.э., [6, илл. 27; 4, с. 116]¹. Некоторые исследова-

¹ Следует заметить, что Х. Бирнбаум в своей книге приводит ссылки на авторов, которые датируют начало праславянского языка серединой II тыс. до н.э., и считают его одним из самых архаичных индоевропейских языков, мало

дователи считают, что праславянский выделился достаточно поздно, лишь в течение первой половины I тыс. н. э. из общего балто-славянского языка. Более обоснованным выглядит датировка начала праславянского языка временем около XV в. до н. э. Но в этот период праиндоевропейской общности уже не было. Она распалась в IV тыс. до н.э., дав начало таким вторичным общностям, как древнеевропейская на севере Центральной Европы (предки кельтов, италиков, германцев, иллирийцев, славян, балтов), греко-фригийско-арийская – в Среднем Подунавье и другим. От какой части дезинтегрированной индоевропейской общности отделился праславянский, остается неясным.

Уточнить этот вопрос можно, обратившись к исторической ситуации II тыс. до н.э., точнее, ко второй его половине. По данным археологии, в первой половине II тыс. до н.э. среди археологических культур Европы [1; 15, с. 36.] этого времени, мы не наблюдаем каких-либо серьезных дезинтеграционных процессов, которые могли бы привести к выделению праславян [13]. Эти процессы начинаются в Центральной Европе с появления там иранцев в процессе Великого переселения народов XIII в. до н. э., вызвавших войну под Троей, приведшей к формированию миграционных потоков из Европы в Малую Азию и далее в Восточное Средиземноморье [14, с. 136]. Таким образом, реконструкция исторических процессов по материалам археологии позволяет скорректировать датировки лингвистов, относя выделение праславянского языка и праславянской общности к XIII в. до н. э. [13].

подвергшийся изменениям в течение долгого времени. [2, с. 41, 240-249, 320-340].

Локализовать территорию, из которой вышли праславяне, возможно с помощью косвенных данных популяционной генетики по генофонду древних и современных славян. В 2007 году западные исследователи для локализации праславянской прародины по данным генетики применили такой показатель, как короткие tandemные повторы (Y-STR) [20, с. 406–414]. Итогом исследования стал вывод о том, что славяноязычная популяция локализовалась на территории бассейна Среднего Днепра [20, р. 406–414]. Лингвисты также рассматривали среднеднепровский бассейн как возможную территорию прародины праславян накануне распада. Именно в данном регионе они выделяли область архаичной славянской гидронимии [2, с. 330]. Таким образом, принимая дату начала праславянской общности временем около XIII в. до н. э., по данным археологии и соответствующей исторической ситуации, можно локализовать их первоначальную прародину также в Среднем Поднепровье, хотя данные генетики имеют косвенное и спорное значение [10].

В эту эпоху значительные территории Центральной и Восточной Европы занимали племена тшиньского культурного круга (ТКК), который включал три основные культуры: комаровскую в Правобережной лесостепи и Прикарпатье, сосницкую культуру в лесной зоне на востоке ареала ТКК и собственно тшиньскую культуру на западе этого ареала [9]. В интересующий нас временной интервал, в XIII в. до нашей эры, начинается масштабная миграция значительных этнических групп населения степной зоны Евразии, вызвавших подвижки населения

в области Северных Балкан, Приальпийской зоны и Среднего Подунавья [13]. В Подунавье из Северного Причерноморья вторгаются носители сабастиновской культуры. В ходе контактов культур многоваликовой керамики ираноязычных и фракоязычных племен Юго-Восточной Европы формируется фрако-киммерийский ареальный союз, представленный культурами ноа-сабастиновская-козлоджени, которые продолжили дальнейшее совместное вторжение на Пелопоннес с разрушением ряда центров Ахейской Греции. Это движение всколыхнуло весь европейский мир, вызвав образование таких культурных групп южных индоевропейцев, как культура полей погребальных урн.

Древнеевропейцы севера Центральной Европы, представленные общеевропейским горизонтом культур шнуровых керамик и боевых топоров, также испытали давление с запада культуры колоколовидных кубков, что привело к возникновению комаровско-тшинецкого культурного круга, расширившегося на восток и юго-восток [1, с. 428, 437]. Имело место краткое вторжение «курганной культуры» в область культуры полей погребений (КПП) Подунавья, что стало, вероятно, импульсом, который и вызвал частичную дезинтеграцию этой общности КПП и уход на север, в Повисленье, лужицкой культуры, которая расширилась там в широтном направлении с XII по VI/IV вв. до н.э. На территории Северной Украины при взаимодействии лужицкой с тшинецкой культурой на западе ареала ТКК [9] сформировались последовательно новые культуры: белогрудовская на востоке ареала ТКК, сменяемая чернолесской, доживающей до скифов

[1, с. 350]. Идет нарастание фракийского доминирования не только в степи, но и в лесостепи [12, с. 82–89].

ТКК в самом начале своего формирования демонстрировал различия в локальных группах, например в керамике, но на средней стадии развития ТКК все более в археологических материалах отражаются интеграционные процессы, которые как раз к XIII–XII вв. до н. э. сменяются нарастающими различиями по регионам ТКК [9]. С.Д. Лысенко видел причину дезинтеграции ТКК в палеоклиматических изменениях, так как XIII–XII вв. до н. э. совпадают с ксеротермической депрессией в конце суббореального периода, нарастанием континентальности климата, что стимулировало интенсивный приток инноваций в среду ТКК и привело к культурной эволюции. На мой взгляд, это лишь одна из причин, и более существенной причиной изменений в структуре и дальнейшей эволюции культур ТКК стали как раз масштабные миграции XIII–XII вв. до н. э., от Волго-Уралья до Подунавья, которые привели и к выделению праславян из массива позднеиндоевропейских (древнеевропейских) групп населения [13].

Какая же из культурных групп тшинецкого культурного круга (ТКК) могла являться археологическим эквивалентом праславянской общности в бассейне среднего Днепра? Для ответа на этот вопрос необходимо выявить экологическую нишу праславянской общности по данным праславянского лексического фонда. Ландшафт, согласно этим данным, характеризуется отсутствием общей лексики для обозначения степей, гор и морей; лексемы, характеризующие горный ландшафт, а также такие, как остров, залив,

мыс – все позднего происхождения и различны в разных славянских языках [19]. Для состава фауны характерно отсутствие общих лексем для обозначения рыб и морских млекопитающих, населяющих Балтийское море, которые также представляют заимствования или поздние образования [19]. Для состава флоры характерно отсутствие лексем для обозначения таких деревьев, как бук, тис, явор, модрев.

По данным собственно праславянской лексики, экологическая ниша праславянской прародины находилась в зоне смешанных и широколиственных лесов, вдали от европейских горных систем и морей, в том числе вдали от Балтийского моря, и, вероятно, на равнине и даже низменной местности, учитывая наличие таких лексем, как болото, озеро. Как пишет С.Д. Лысенко, леса могли доходить в эпоху бронзы до киевского Поднепровья (1500–1200 гг. до н. э.), однако впоследствии шел процесс аридизации и нарастания континентальности климата, и соответственно наступления степей [7, с. 128–130; 8, с. 38–43].

Раньше исследователи часто отождествляли праславянскую общность целиком с тшинецко-комаровской культурой [1, с. 445], что представляется малообоснованным. В настоящее время выделяют в тшинецком культурном круге (ТКК) две линии развития: лесную (собственно тшинецкую), и прикарпатско-лесостепную (комаровскую), причем последнюю, учитывая мощное влияние региона Карпат, относят к прафракийцам [7; 8; 9].

О соседстве праславян с фракийцами упоминал еще Л. Нидерле [11, с. 19], затем О.Н.Трубачев [18]. К тому же для ранних славян и для славянских

археологических культур V–VII вв. н. э. характерно широкое распространение обряда кремации как одного из их этнических атрибутов. Для комаровской (лесостепной) линии развития ТКК обряд кремации являлся скорее исключением, тогда как в лесной линии развития ТКК этот обряд представлен достаточно широко, что, по мнению С.Д. Лысенко, позволяет отождествлять с праславянами не весь массив ТКК, а только группы тшинецкой (лесной) линии развития, и в первую очередь Припятскую и Киево-Житомирскую группы [7, с. 128–130].

Как указывалось выше, этому соответствуют и лингвистические данные, так как ареал распространения кремаций ТКК совпадает с ареалом древнейшей славянской гидронимии [7, с. 128–130] а также согласуется с фактом взаимодействия праславян с фракийцами (если учесть, что последние – прафракийцы – могли быть представлены комаровской линией развития). В археологических же материалах обращает на себя внимание появление в керамике тюльпановидных сосудов, характерных впоследствии и для раннеславянских археологических культур [9, с. 269–270].

Все эти факты заставляют обратить внимание на локальные группы лесной зоны тшинецкого культурного круга (особенно на Припяти, в Полесье, и в среднем Поднепровье) как на возможные археологические эквиваленты праславянской общности, начиная с XIII в. до н. э., и дают основания вести поиски праславянской прародины в этом направлении, более детально исследуя как особенности славянских культур V–VII вв. н. э., так и группы тшинецкого культурного круга. Нали-

чие возможных археологических атрибутов праславян в виде комаровско-тшинецких памятников и на западном направлении, во всяком случае, в Повисленье, делает равновозможным локализацию прародины праславян и в Юго-Восточной Польше.

Вывод на основе изложенных результатов новых исследований состоит в том, что представляется вероятной та локализация праславянской прародины, а точнее, прародин, которую обозначил еще Л. Нидерле: от Вислы (вероятнее всего, ее верховья) до среднего Поднепровья, включая Припятское Полесье [11, с. 29], причем и современные данные междисциплинарных исследований заставляют предполагать, что расселение праславян после выделения из массива дунайских индоевропейцев в XIII в. до н. э. шло в район Среднего Днестра, с запада на восток, одним из направлений

было через Полесье на Припяти, другим – расселение по Висле.

Вероятно, более позднее расселение праславян в этом же направлении относится уже ко времени формирования на основе лужицкой и поморской культуры подклешевых погребений (IV – II вв. до н.э.), этничность которой определяют как гото-славянскую и часть которой уходит в Среднее Поднепровье, где известна в виде зарубинецкой культуры [15, с. 57–58; 4], а часть остается на Висле, в составе которой, возможно, уже находились западные группы праславян в виде пшеворской культуры [16, с. 95, 166]. «Праславянские» группы в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье, в лесной зоне, частично вошли в гото-славянский союз [15], а частично ушли на Десну.

Статья поступила в редакцию 19.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 569 с.
2. Бирнбаум Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1987. 512 с.
3. Болтер М. Языковые войны // В мире науки. 2016. № 7. С. 82–89.
4. Гуров С.Д., Шемченко Н.А. Введение в древнеевропейскую историю и археологию славян // Актуальные проблемы истории, политологии и права. М.: МГОУ, 2016. С. 116–117.
5. Жих М.И. Ранние славяне на Висле и Одере (реплика по поводу статьи...) // Исторический формат. 2015. № 1. С. 124–133.
6. Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
7. Лысенко С.Д. К вопросу о пространственно-временной структуре тшинецкого культурного круга // Сучасні проблеми археології. Київ: Інститут археології НАНУ, 2002. С. 128–130.
8. Лысенко С. Д. Палеоландшафты Киевского Поднепровья в эпоху бронзы – начале раннего железного века // Интеграція археологічних та палеогеографічних досліджень: матеріали науково-практичного семінару (Сторожове, 10-12 серпня 2010 р.). Полтава: ПНПУ, 2011. С. 38–43.
9. Лысенко С. Д. Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 263–275.
10. Малярчук Б.А., Деренко М.В. Структура русского генфонда // Природа. 2007. № 4. 2007. С. 21–28.

11. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2010. 744 с.
12. Николаева Н.А. К начальной истории киммерийцев // Этнокультурное развитие Востока в IV–I тыс. до н.э.: материалы конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 82–89.
13. Сафронов А.В. Проблема датировки Троянской войны в контексте великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н. э. // Сборник Русского исторического общества. 2000. Вып. 2. С. 56–73.
14. Сафронов А.В. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н.э. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 174 с.
15. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию. М.: МПУ, 1999. 67 с.
16. Седов В. В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.
17. Спенсер У. Генетическая одиссея человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 276 с.
18. Трубаев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 489 с.
19. Филин Ф.П. К проблеме происхождения славянских языков // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 3–11.
20. Rębała K., Mikulich A.I., Tsybovsky I.S., Siváková D., Džupinková Z., Szczerkowska-Dobosz A., Szczerkowska Z.. Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin // Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 52. Iss. 5. Pp. 406–414.

REFERENCES

1. Arkheologiya Ukrainsoi SSR. T. 1 [Archaeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985. 569 p.
2. Birnbaum KH. Praslavjanskii yazyk. Dostizheniya i problemy v ego rekonstruktsii [The Proto-Slavic language. Achievements and problems in its reconstruction]. Moscow, Progress Publ., 1987. 512 p.
3. Bolter M. [The language of war]. In: *V mire nauki*, 2016, no. 7, pp. 82–89.
4. Gurov S.D., Shemchenok N.A. Vvedenie v drevneevropeiskuyu istoriyu i arkheologiyu slavyan [Introduction to the aincient Jewish history and archaeology of the Slavs]. In: *Aktual'nye problemy istorii, politologii i prava* [Actual problems of history, political science and law]. Moscow, MGOU Publ., 2016, pp. 116–117.
5. Zhikh M.I. [The Early Slavs in the Vistula and Oder (Comment on the article...)]. In: *Istoricheskii format*, 2015, no. 1, pp. 124–133.
6. Klein L.S. Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev [The time of the centaurs. The steppe homeland of the Greeks and the Aryans] SPb., Evraziya Publ., 2010. 496 p.
7. Lysenko S.D. K voprosu o prostranstvenno-vremennoi strukture tshinetskogo kul'turnogo kruga [On the question of the spatial and temporal structure of Trczinieć cultural circle]. In: *Suchasni problemi arkheologii*. Kyiv, Institut arkheologii NANU Publ., 2002, pp. 128–130.
8. Lysenko S. D. Paleolandschafty Kievskogo Podneprov'ya v epokhu bronzy - nachale rannego zhelezного века [Paleolandscapes of the Kiev Dnieper in the bronze age – the beginning of the early iron age]. In: *Integratsiya arkheologichnikh ta paleogeografichnikh doslidzhen': materialy naukovy-praktychnogo seminaru* (Storozhove, 10–12 serpnia 2010 r.) [Integration of archeological and paleogeographic research: materials of science-practical seminar (Storozheva, 10–12 August 2010)]. Poltava, PNPU Publ., 2011, pp. 38–43.
9. Lysenko S. D. [Trczinieć cultural circle and the problems of transition to the early iron age in the Northern Ukraine]. In: *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, 2012, no. 2, pp. 263–275.
10. Malyarchuk B.A., Derenko M.V. [Structure of the Russian genofond]. In: *Priroda*, 2007, no. 4. 2007, pp. 21–28.

11. Niderle L. Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. Moscow, Novyi Akropol' Publ., 2010. 744 p.
12. Nikolaeva N.A. K nachal'noi istorii kimmeriitsev [To the early history of the Cimmerians]. In: *Etnokul'turnoe razvitie Vostoka v IV–I tys. do n.e.: materialy konferentsii* [Ethno-cultural development of the East in the IV–I Millennium BC: proceedings of the conference]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2017, pp. 82–89.
13. Safronov A.V. [The problem of dating the Trojan War in the context of the great migration in the last quarter of the II Millennium BC.]. In: *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, 2000, no. 2, pp. 56–73.
14. Safronov A.V. Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor'ya v XIV–XII vv. do n.e. [Essays on the history of the Eastern Mediterranean region in the XIV–XII centuries BC]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2018. 174 p.
15. Safronov V.A., Nikolaeva N.A. Osnovy arkheologii. Vvedenie v indoevropeiskuyu praistoriyu [Fundamentals of archaeology. Introduction to Indo-European prehistory]. Moscow, MPU Publ., 1999. 67 p.
16. Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in antiquity]. Moscow, Fond arkheologii Publ., 1994. 344 p.
17. Spenser U. Geneticheskaya odisseya cheloveka [Human genetic Odyssey]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2013. 276 p.
18. Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 489 p.
19. Filin F.P. [The problem of the origin of Slavic languages]. In: *Voprosy yazykoznaviya*, 1972, no. 5, pp. 3–11.
20. Rębała K., Mikulich A.I., Tsybovsky I.S., Siváková D., Džupinková Z., Szczerkowska-Dobosz A., Szczerkowska Z.. Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin. In: *Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 52, iss. 5, pp. 406–414.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинский Николай Дмитриевич – аспирант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков, Московского государственного областного университета;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nicholas D. Luchinsky – post-graduate student of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лучинский Н.Д. Тшинецкий культурный круг в проблеме этногенеза славян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 89–96.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-89-96

FOR CITATION

N. Luchinsky. Trzciniec Cultural Circle and the Problem of the Etnogenesis of the Slavs. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 89–96.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-89-96

УДК 93/347.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-97-105

КАТЕГОРИЯ «ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ» КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ И.П. ПНИНА

Иванова А.А.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья рассматривает социально-экономический аспект сочинения выдающегося русского просветителя конца XVIII – начала XIX вв. Ивана Петровича Пнина (1773–1805) «Опыт о просвещении относительно к России» (1804). Особое внимание уделяется историческому контексту, предшествовавшему написанию этого произведения. Научную новизну статьи определяет анализ авторской позиции по крестьянскому вопросу, на основе которого исследователь делает вывод о том, что Пнин, являясь сторонником предоставления крепостным крестьянам возможности владения движимым имуществом, рассматривал собственность именно как категорию, то есть в качестве гаранта социально-экономических и юридических прав земледельца. Автор приходит к заключению, что историческая значимость сочинения заключается в реформаторской инициативе, а высказанная в нем программа преобразований отличалась большей прагматичностью по сравнению с протестным заявлением Радищева.

Ключевые слова: Крестьянская собственность, движимое имущество, Иван Петрович Пнин, император Александр I, крепостное право.

THE CATEGORY OF SERFS' "MOVABLE PROPERTY" IN I. PNIN'S SOCIAL PROGRAM

A. Ivanova*Moscow State University of Education**1/1, M. Pirogovskaya ul., Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the socio-economic aspect of the work "Experience of education with respect to Russia" (1804) written by an outstanding Russian enlightener of the late XVIII – early XIX centuries Ivan Pnin (1773–1805). Special attention is paid to the historical context that preceded the writing of this work. Analyzing the author's position on the peasants' question, the researcher concludes that Pnin was a supporter of the idea to provide serfs with the right of owning movable property. Besides, Pnin considered the property as a category, i.e. as a guarantor of socio-economic and legal rights of the serfs. The historical significance of Pnin's essay is in his reform initiative, and the reform was more pragmatic compared to Radishchev's protest statement.

Key words: Peasant ownership, movable property, Ivan Pnin, Emperor Alexander I, serfdom.

В контексте исследований по истории крепостного права в России и дискуссии о том, какие меры должны были предвзяты его отмену, – дарование личной свободы или прав собственности, – большую ценность представляет попытка разрешения данного вопроса, предпринятая Иваном Петровичем Пниным (1773–1805). Выступив в печати с протестом против рабства, он отстаивал в своем трактате «Опыт о просвещении относительно к России» (1804) идею необходимости законодательного закрепления прав собственности для земледельческого сословия. Особый вес имеет то обстоятельство, что по инициативе императора Александра I расширенную версию этого сочинения было предложено переиздать за счет казны¹. В этой связи необходимо рассмотреть проект Пнина с точки зрения авторской мотивации, содержания, а также исторического контекста, предшествовавшего написанию «Опыта о просвещении...», определив историческую значимость этого произведения.

Стоит сказать, что к моменту издания Пниным своей книги русская литература уже имела прецеденты подобных рассуждений. Императорское Вольное экономическое общество в 1766 г. объявило конкурс сочинений на тему: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь его права на то или другое имение простираются должны?». Среди пяти одобренных и удостоенных награды произведений наше внимание

привлекла работа А.Я. Поленова². В ней находим: «...каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать...» [6, с. 22]. Весьма прогрессивные убеждения, которые при первом рассмотрении дают повод говорить о вызревании идеи неотчуждаемости крестьянской собственности уже во второй половине XVIII в. Однако видим далее условие: «...пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности; ибо иначе можно его в наказание лишить сих выгод как недостойного...» (курсив наш. – А.И.) [Там же]. Впрочем, автор уточняет, что помещик это не иначе может осуществить, кроме как после «рассмотрения в приличном суде» [Там же]. Данное добавление демонстрирует одностороннюю суть предложения Поленова, сохраняющего дворянские привилегии. С тем же замечанием писал он о возможности наследования таких «арендуемых» крестьянами земель, которое не должно вести «к невозвратному владельцев вреду и великому их разорению». А потому «не дозволяется [крестьянам] продавать свою землю, дарить или закладывать, или разделять между многими детьми, но по смерти отца один из сынов будет оною владеть; таким образом помещик всегда удержит свое право» (курсив наш. – А.И.) [Там же]. Несмотря на всю умеренность рассуждений, данное сочинение не было опубликовано по итогам конкурса, а появилось в печати лишь спустя век.

¹ Прошение [И.П. Пнина] в Главное училищ Правление. Б.д. // Российский государственный исторический архив. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 118. Д. 50. Л. 5–8.

² Поленов Алексей Яковлевич (1738–1816) – юрист, правовед.

Наиболее радикальный взгляд на разрешение крестьянского вопроса выразил, как известно, А.Н. Радищев. «Ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно» [9, с. 135], он изложил в двух положениях путь к постепенному освобождению земледельцев. Первое: разделить сельское рабство и рабство домашнее, при этом последнее уничтожить, запретив «поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома; дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия помещика, запретить выводные деньги» [Там же]. Второе: обрабатываемую крестьянами землю сделать их собственностью, дозволить также приобретать недвижимое имущество; запретить произвольное наказание без суда; и, наконец, «дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму» [9, с. 135–136]. «Засим, – по мнению Радищева, – следует совершенное уничтожение рабства» [9, с. 136].

Возвращаясь к Пнину, укажем, что в исторической литературе оценки его мировоззрения весьма разнятся. В.И. Семевский заметил, что Пнин в отличие от «всех крайних консерваторов настаивал на совершенно правильной мысли, что освобождение крестьян должно предшествовать их образованию» [16, с. 284]. «В своем решении крестьянского вопроса, – писал В.Н. Орлов, – Пнин не только оказался на десять голов выше либеральных краснобаев, но и поднялся над ограниченностью западно-европейских просветителей, игнорировавших реальные, насущные интересы народных масс» [15, с. 156]. М.В. Нечкина пола-

гала, что Пнин «решительно отстаивал ликвидацию крепостного права и право свободы и собственности для крестьян» [14, с. 93]. Противоположное мнение выразил И.З. Деркачев, убежденный, что «Пнин только то и делал, что отстаивал крепостное право, доказывал его необходимость и неизбежность» [12, с. 76]. В.М. Бокова также считает, что его практическая программа отличалась большой скромностью [11, с. 196].

Сам проект Пнина изложен был, как выше уже упоминалось, в книге «Опыт о просвещении...», частью замысла по реформированию образовательной системы в России. Освобождение и законодательное закрепление прав собственности крестьянства отстаивались автором как первый и неотъемлемый шаг на пути к просвещению. Собственность Пнин считал основанием общественного здания и правосудия, а вопрос о крестьянской собственности рассматривал в контексте преобразований, осуществляемых правительством Александра I, не отодвигая его решение на далекую историческую перспективу.

Предваряют конкретные предложения Пнина его рассуждения о том, «как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей?» [7, с. 132]. Он отмечает, что уже Екатерина II «не могла не чувствовать нужды в исправлении сего злоупотребления», ссылаясь на ее мнение из Наказа, в котором императрица констатирует, что «земледелие не может процветать там, где никто не имеет ничего собственного». Комментируя это высказыва-

ние, Пнин добавлял: «...там, где нет собственности, никто не может безопасно наслаждаться плодами своих трудов» (курсив авторский). Не сомневаясь в том, что Александр I «конечно найдет способы и к искоренению злоупотреблений власти помещиков над их крестьянами и к утверждению и охранению собственности сих последних» [7, с. 134], Пнин заявлял, что цель законодателя теперь в том, «чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий, словом: сделать оную неприкосновенною» (курсив авторский) [7, с. 132–133].

Объясняя, что он подразумевает под собственностью и правами на нее, Пнин делал экскурс в историю положения земледельческого состояния в России, приводя обширный отрывок книги И.Н. Болтина¹ «Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка» (1788). Подробности включения Пниным отрывка этого сочинения и само его содержание исчерпывающе описал Орлов [15, с. 287]. Надо полагать, что, аргументируя свое требование наделения крестьян правом собственности, Пнин пользовался данной книгой не случайно: во-первых, обращаясь к истории, он показывал, что его предложения зиждутся на более древних российских законах, во-вторых, по велению Екатерины II книга Болтина была напечатана за казенный счет. Таким образом Пнин демонстрировал читателю, что его инициатива не беспочвенна, подкрепляя свои доводы тем, что правительство не только выразило свою солидар-

ность (печатая книгу, содержащую тезис о более справедливом положении российских крестьян в прошлом), но и уже двигалось в пропагандируемом направлении (в случае с предприятиями Александра I). Также и сам император, как указывает Ю.Э. Арискина, при подготовке указа о запрете продажи крестьян без земли опирался на историческое прошлое в виде Соборного Уложения 1649 г. и указа от 5 августа 1771 г. [10, с. 11–12].

Интересно также, что Пнин обращался напрямую к помещикам: «Владельцы! справедливо ли предавать труды, попечения, судьбу крестьян ужасной неизвестности, повсеместному страху лишения своих приобретений?» [7, с. 139]. Он призывал представителей дворянства признать принадлежность обеих сторон к человеческому роду: «Взгляните на себя; и вы увидите, что они такие же люди, как и вы» [Там же]. С этой же целью он ставил в пример указ Александра I от 27 мая 1801 г. [3]: «Встревожилась чувствительность внимательного ко всему монарха нашего, увидя, что наряду с животными и люди публиковались в продажу. Мгновенно истребил он сей гнусный обычай» [7, с. 139].

Переходя непосредственно к решению вопроса о крестьянском имуществе, Пнин обращает внимание на существование различных его форм: «Собственность, будучи двух родов, движимая и недвижимая ... какую следовало бы дать крестьянам, не имеющим никакой?» [7, с. 140]. В этом месте Пнин делает сноску на сочинение Беарде де Лабеля, одержавшее победу в уже упомянутом нами конкурсе Императорского Вольного экономического общества 1766 г. В этом труде, наряду с

¹ Болтин Иван Никитич (1745–1792) – русский историк, государственный деятель.

размышлениями о надобности дарования свободы крестьянам, отстаивался тезис о необходимости наделения их землей [8, с. 24]. Однако явным недостатком этого сочинения, в отличие от трактата Пнина, является то, что автор его считал целесообразным прежде просветить крестьян, нежели их освободить. На значении этой ремарки мы еще остановимся.

«Я желал бы, – продолжал Пнин, – *соображаясь с настоящими обстоятельствами*, чтобы господские крестьяне имели *хотя [бы] движимую собственность* на таком основании, дабы, платя помещикам на них положенное, могли они уже совершенно по своей воле, без страха, располагать ею и были уверены, что уже никто у них оной отнять не может» (курсив авторский) [7, с. 140]. Под «данными обстоятельствами» Пнин, очевидно, подразумевал, с одной стороны, правительственные предприятия по изменению положения крестьянства [2; 4; 5]. А с другой стороны, видя не столь масштабные успехи, в частности, указа «О вольных хлебопашцах» и отсутствие массового энтузиазма в дворянской среде расставаться со своей классовой привилегией, Пнин потому только и желал «хотя бы движимым» имуществом наделить крестьян. «Сия собственность, – читаем далее, – не только должна быть наследственна и неприкосновенна, но помещик не должен нисколько притеснять крестьян своих в тех приобретениях, которые они вновь сделать пожелают» [7, с. 140]. Эта мера означала бы для крестьян перспективу сбережения и приумножения собственности. Пнин перечислял, в чем она должна заключаться: «скот, птицы, изделия, ремесленные произведения, орудия

для различных работ, ими употребляемых и другие хозяйственные вещи; также принадлежать сюда должны хвороменные, гуменные и прочие строения, имения, то средства к приобретению одного означены в высочайшем манифесте от марта 5-го 1803 года» [Там же]. Здесь, очевидно, подразумевается указ «О вольных хлебопашцах». В перечне имущества, указанного Пниным, отсутствует лишь земельный надел. Но главное, – неприкосновенность, законодательное закрепление которой он требовал, призвана была стать гарантом защищенности. «Нужно *непрерывно* дать крестьянам *возможность* к сбережению сей своей собственности, и сия *возможность* есть то *право*, посредством которого крестьянин *не только в случае насилия, делаемого ему его господином в его имении, может прибегнуть к законам и требовать их защиты, но которое простирается должно и на все то, чего требуют от них помещики противно законам, и также на все бесчеловечные поступки, которые они от некоторых несправедливым образом претерпевают*» (курсив авторский) [Там же]. Будучи введенным, этот закон не оставлял маневра для помещика.

Из приведенных фрагментов текста «Опыта о просвещении...» следует, во-первых, что собственность, по мнению Пнина, не совместима с рабством. Во-вторых, следуя истории законодательства, а также принимая во внимание «настоящие обстоятельства», он правомерно и небезосновательно призывал к закреплению прав земледельцев на одну из форм собственности – движимую. Таким образом, Пнин рассматривал имущество как гарант защищенности от любого произвола –

в этой связи мы говорим не просто о праве собственности, а именно о категории собственности в экономическом и юридическом аспектах.

По окончании рассуждений Пнин дал оценку предлагаемым мерам, выразив надежду на продолжение этого курса: «Положивши таким образом начало оной, сколь, *впрочем, оно ни недостаточно и ограничено*, со всем тем впоследствии произведет великую пользу. *За первым шагом последует другой*» (курсив наш. – А.И.) [Там же]. Мы обращаем особое внимание на последнюю фразу, поскольку многие исследователи искажали ее значение или попросту игнорировали, как, например, это делал И.З. Деркачев. Оппозиционную точку зрения, отдавая должное этой фразе Пнина, отстаивал З.А. Каменский: «В чем же должен состоять дальнейший шаг, если все имущество крестьянина, кроме земли, уже было передано ему в собственность? Только в передаче земли!» [13, с. 41]. Также на основании включения Пниным статьи Беарде де Лабя З.А. Каменский констатировал, что первый был «за отмену крепостного права с передачей, хотя и постепенной, крестьянину не только движимого, но и всего недвижимого имущества, включая землю» [13, с. 43]. Мы добавим к этому доводу, что изложив свою программу, Пнин в примечаниях писал следующее: «Вся невозможность к изданию должных для сего учреждений исчезнет, ... когда прочтем прекраснейшие распоряжения, сделанные недавно для крестьян лифляндских, в обеспечение их собственности, их прав и их благосостояния» [7, с. 141]. Несомненно, что «прекрасными распоряжениями» Положения для поселян Лифляндской

губернии Пнин называл личную свободу и право крестьян владеть недвижимым имуществом [2, с. 105–106]. Таким образом, в контексте крестьянской программы автора «Опыта о просвещении...» речь идет о втором этапе преобразований. У нас нет оснований говорить именно о наделении крестьян землей, но очевидным становится законодательное закрепление прав на ее владение.

Оценивая программу Пнина в целом, В.М. Бокова пишет, что она «почти не выходила за рамки тех реформ, которые обсуждались в это время в правительственных кругах, а представления о крестьянской “вольности” совпадали с воззрениями на этот вопрос Александра I» [11, с. 202]. Прежде всего, как мы уже продемонстрировали выше, предложения Пнина отличает решительность в изменении крепостнических порядков, непримиримая борьба с рабством и бескомпромиссное требование законодательного закрепления прав собственности. Во-вторых, Ю.Э. Арискина в своем исследовании доказывает наличие у императора замысла введения права приобретения не дворянами населенных земель, а также цели создания лично свободных собственников земли [10, с. 14–15]. Следовательно, ценность программы Пнина тем выше, что она идет в унисон с замыслами как самого императора, так и «молодых друзей». Впрочем, «Опыт о просвещении относительно к России» постиг цензурный запрет, который, как и охлаждение реформаторских замыслов императора, объясняет настроенное восприятие чиновничьим аппаратом (в случае с книгой), а также другими представителями общества, консервативно настроенными, идей об

освобождении и наделении крепостных крестьян собственностью.

Подчеркнем в заключение, что Пнин рассматривал законодательное закрепление права крепостных крестьян владеть движимой собственностью как наиболее реальный шаг на пути к изменению их правового статуса. Вслед за этим будет осуществлен второй этап – предоставление права владеть недвижимым имуществом, то есть землей. Важнейшее достоинство этой программы заключается в рассмотрении Пни-

ным «движимой собственности» (в перечне которой, напомним, содержатся и строения) в качестве гаранта экономических и юридических прав, иначе говоря, именно как категории. Историческая значимость сочинения Пнина, таким образом, заключается в реформаторской инициативе. А сама программа преобразований отличалась большей прагматичностью по сравнению с протестным заявлением Радищева.

Статья поступила в редакцию 01.11.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка: в 2-х т. Т. 2. СПб: Тип. Горного училища, 1788. 558 с.
2. Высочайше утвержденное Положение для поселян Лифляндской Губернии и Инструкции Ревизионным Комиссиям для определения их повинностей // Полное собрание законов Российской империи [Собрание I] (далее – ПСЗРИ-I). Т. XXVIII. СПб: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 100–137. № 21162.
3. О непринимании для печатания в ведомостях объявлений о продаже людей без земли // ПСЗРИ-I. Т. XXVI. СПб: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 662. № 19892.
4. О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать по купкою земли // ПСЗРИ-I. Т. XXVI. СПб: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 862–863. № 20075.
5. Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных // ПСЗРИ-I. Т. XXVII. СПб: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 462–463. № 20620.
6. Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 тт. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1952. С. 7–29.
7. Пнин И.П. Сочинения. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 312 с.
8. Перевод сочинения [Беарде де Лабея], присланного в Вольное Экономическое Общество в ответ на заданный в 1766 году вопрос ... // Труды Вольного экономического общества, к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1768. Часть VIII. С. 1–59.
9. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Сов. Россия, 1987. 240 с.
10. Арискина Ю.Э. «Постыдное рубище неволи»: крестьянский вопрос в России в начале царствования Александра I // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2 (5). С. 11–17.
11. Бокова В.М. Либерально-конституционные идеи в России начала XIX века (1801–1812 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 261 с.
12. Деркачев И.З. Был ли Пнин радищевцем? // Вопросы философии. 1958. № 8. С. 74–78.
13. Каменский З.А. Философские идеи русского просвещения. М.: Мысль, 1971. 396 с.

14. Нечкина М.В. Движение декабристов: в 2-х т. Т. 1. М.: АН СССР, 1955. 483 с.
15. Орлов В.Н. Русские просветители 1790-1800-х годов. Л.: Гослитиздат, 1950. 477 с.
16. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2-х т. Т. 1. СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1888. 517 с.

REFERENCE

1. Boltin I.N. Primechaniya na istoriyu drevnei i nyneshnei Rossii g. Leklerka: v 2-kh t. T. 2. [Notes on the history of ancient and present-day Russia G. Leclerc: in 2 vol. Vol. 2.]. SPb., Tip. Gornogo uchilishcha Publ., 1788. 558 p.
2. [The approved by His Majesty Disposition for the peasants of Livland and Instructions to the audit committees to determine their duties]. In: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Sobranie I] (dalee – PSZRI-I). T. XXVIII. SPb: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. P. 10 [Complete collection of laws of the Russian Empire [Collection I] (further CCLRE-I). T. XXVIII. St. Petersburg: Typography of II Department SEUK, 1830. P. 10], no. 21162.
3. [On prohibition to publish the ads about selling given by people without land]. In: PSZRI-I. T. XXVI. SPb: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. P.662 [CCLRE-I. T. XXVI. St. Petersburg: Typography of II Department SEUK, 1830. P. 662], no. 19892.
4. [On giving the merchant class, petty bourgeoisie and state peasants the right to buy land] In: PSZRI-I. T. XXVI. SPb: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. P. 86, no. 20075.
5. [On enfranchising peasants by a landowner according to their wish and basing on mutual consent]. In: PSZRI-I, T. XXVII. SPb: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. P. 46, no. 20620.
6. Polenov A.YA. O krestostnom sostoyanii krest'yan v Rossii [On serfdom of peasants in Russia]. In: *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelei vtoroi poloviny XVIII veka: v 2 tt. T. 2* [Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, pp. 7–29.
7. Pnin I.P. Sochineniya [Works]. Moscow, Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934. 312 p.
8. Perevod sochineniya [Bearde de Labeya], prislannogo v Vol'noe Ekonomicheskoe Obshchestvo v otvet na zadannyi v 1766 godu vopros ... [The translation of the work [by Bearde de Labay] sent to the Free Economic Society in response to the question asked in 1766...]. In: *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva, k pooshchreniyu v Rossii zemledeliya i domostroitel'stva* [The works of the Free Economic Society, for the promotion of Russia]. 1768, Part VIII, pp. 1–59.
9. Radishchev A.N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [Journey from St. Petersburg to Moscow]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1987. 240 p.
10. Ariskina Yu.E. ["Shameful rags of bondage": the peasant question in Russia at the beginning of the reign of Alexander I]. In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, 2017, no. 2 (5), pp. 11–17.
11. Bokova V.M. Liberal'no-konstitutsionnye idei v Rossii nachala XIX veka (1801–1812 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [The liberal constitutional ideas in Russia in the early XIX century (1801–1812). Thesis cand. hist. sciences]. Moscow, 1990. 261 p.
12. Derkachev I.Z. [Was Pnin Radishev's follower?]. In: *Voprosy filosofii*, 1958, no. 8, pp. 74–78.
13. Kamenskii Z.A. Filosofskie idei russkogo prosveshcheniya [Philosophical ideas of the Russian enlightenment]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 396 p.
14. Nечкина М.В. Движение декабристов: в 2-х т. Т. 1 [The Decembrist movement: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 483 p.
15. Орлов В.Н. Русские просветители 1790–1800-х годов [Russian educators 1790–1800 years]. L., Goslitizdat Publ., 1950. 477 p.

16. Semevskii V.I. Krest'yanskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX veka: v 2-kh t. T. 1 [The peasant question in Russia in the XVIII and the first half of the XIX century: in 2 vols. Vol. 1]. SPb., Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1888. 517 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Анна Александровна – аспирант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета;
e-mail: avonavi.anie@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Ivanova – the post-graduate student of the Department of the History of Russia, Moscow State University of Education;
e-mail: avonavi.anie@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванова А.А. Категория «движимой собственности» крепостных крестьян в социальной программе И.П. Пнина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 97–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-97-105

FOR CITATION

A. Ivanova. The Category of Serfs' "Movable Property" in I. Pnin's Social Program. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 97–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-97-105

УДК 94(47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-106-114

МОСКОВСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ермаков А.М.*Государственный социально-гуманитарный университет**140411, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и проблемы взаимодействия московских генерал-губернаторов и губернаторов на рубеже XIX–XX веков. Исследуются правовые и личностные факторы взаимоотношений высших должностных лиц губернии. Автор анализирует изменения распределения полномочий в административном аппарате на время «исключительного положения» в губернии и период, когда должность генерал-губернатора была вакантной. Делается вывод, что юридически полномочия губернатора и генерал-губернатора были не до конца разграничены, что являлось препятствием к их эффективному взаимодействию в рамках системы губернского административного аппарата. Отношения между представителями власти определялись не только их официальным статусом, но и их личными качествами.

Ключевые слова: генерал-губернатор, губернатор, губернская администрация, высшее управление, Московская губерния.

MOSCOW GOVERNORS AND GOVERNOR-GENERALS: PROBLEMS OF INTERRELATIONSHIPS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

A. Ermakov*State University of Humanities and Social Studies**30, Zelyonaya ul., Kolomna, Moscow Region, 140411, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the peculiarities and problems of interaction between the Moscow governor-generals and the governors at the turn of the XIXth and XXth centuries. The legal and personal factors of mutual relations of the higher officials of the province are investigated in the article. The author analyzes the changes in the distribution of powers in the administrative staff at the time of the «exceptional position» in the province and the period when the post of governor-general was vacant. It is concluded that legally the powers of the governor and the governor-general were not completely delimited, as it was an obstacle to their effective interaction within the system of the provincial administrative staff. Relations between the authorities were determined not only by their official status, but also by their personal qualities.

Key words: governor-general, governor, provincial administration, higher management, Moscow province.

На рубеже XIX–XX вв. одной из важнейших проблем внутренней политики Российской империи являлось укрепление вертикали власти, повышение эффективности системы местного управления. Динамично развивавшиеся Москва и Московская губерния требовали особого внимания со стороны властных структур. Успешное развитие губернии напрямую зависело от слаженного взаимодействия структур региональной администрации. Власть в Московской губернии была разделена между генерал-губернатором и губернатором, особенности формальных и неформальных отношений которых оказывали серьезное влияние на осуществление их полномочий.

В отечественной историографии проблема взаимоотношений высших губернских чиновников рассматривалась дореволюционными исследователями И.М. Страховским [15] и И.А. Блиновым [1]. В советской историографии особенности взаимодействия руководства губернии затрагивались в трудах Н.П. Ерошкина [6] и П.А. Зайончковского [7]. Отношения губернаторов рассматривались в работах современных авторов Л.М. Лысенко [9], Л.В. Климовой [8], Г.А. Семина [14].

Несмотря на наличие целого ряда исследований, напрямую затрагивающих проблему взаимодействия глав губернии, их отношения на рубеже XIX–XX вв. остаются недостаточно изученными. В данной статье предпринята попытка рассмотреть характер взаимоотношений между московским губернатором и генерал-губернатором в указанный период, заполнив этот пробел.

Московская губерния имела «особенное положение» среди губерний, управляемых по общему губернскому учреждению. Это проявлялось, в частности, в структуре её управления. Кроме губернатора, существовала должность т.н. «главного начальника губернии» под именем генерал-губернатора, назначавшегося по «непосредственному избранию и особому личному доверию» императора, которому генерал-губернатор имел право личного обращения и представления «по предметам особенной важности». Генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы Государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства», местным «высшим блюстителем порядка...непрестанно ревизующим все действия мест и лиц» [13, с. 18–21].

Полномочия и территориальные границы власти московского генерал-губернатора приходилось неоднократно уточнять, а сами «главные начальники губернии» зачастую находили объем чрезвычайной власти недостаточным, ходатайствуя о его расширении. Так, неоднократно поступали просьбы о предоставлении в рамках особых полномочий права высылки неудобных лиц за пределы губернии по решению генерал-губернатора, исключительной власти по утверждению в должности служащих всех учреждений, применения военного суда к гражданским лицам, обвиняемым в политических преступлениях¹.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 58. Оп. 7. Д. 228. Л. 226; Оп. 10. Д. 27. Л. 45; Ф. 102. Оп. 41. Д. 483. Л. 1–21; Оп. 62. Д. 42. Ч. 2. Л. 1–10.

Московский губернатор имел подчиненное по отношению к генерал-губернатору положение, исполняя все его «законные требования, предложения и предписания» [13, с. 21]. Губернатор, как «непосредственный начальник... губернии» и «представитель высшей правительственной в губернии власти», в то же время являлся «только исполнителем» и «оберегателем законов», не имея «права делать новых установлений» [13, с. 24]. Он осуществлял административную власть на территории губернии, возглавлял губернское правление и больше десятка различных совещательных учреждений – присутствий, комитетов, комиссий, с помощью которых осуществлялся надзор за фабрично-заводской промышленностью и рабочими, за губернской полицией, поступлением податей... за крестьянскими, земскими и городскими органами самоуправления [5, с. 9].

Функции губернатора и генерал-губернатора часто дублировались, что приводило к возрастанию бюрократической волокиты и противоречиям между ведомствами. Примером такой ситуации являются разногласия, возникшие по поводу Московского статистического комитета, находившегося под руководством генерал-губернатора «вне всякого контроля» губернатора, что делало для последнего «фактически невозможным получение необходимых статистических данных по губернии» для регулярных отчетов императору. Губернатор вынужден был «каждый раз ходатайствовать разрешение генерал-губернатора»¹. В

результате ведомственной дискуссии губернатор получил право замещать генерал-губернатора на должности председателя комитета, за исключением случаев, когда непосредственно «главный начальник губернии» желал личного председательства в комитете.

Роли генерал-губернатора и губернатора в системе управления Московской губернией определялись не только официальными полномочиями, но и их личными качествами. Губернаторы Д.С. Сипягин, А.Г. Булыгин и Г.И. Кристи, исполнявшие свои обязанности при генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче, оставались на втором плане, в тени. Однако, как сообщал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, великий князь «сам управлять московским генерал-губернаторством не мог», а за него «всегда управляли его подчиненные», которые «ему потакать... входили в его фавор и затем держали его вполне в руках» [3, с. 173]. По словам великого князя Александра Михайловича, Сергей Александрович был весьма жестким, и, несмотря на свой высокий пост, «совершенно невежественным в вопросах внутреннего управления», при этом «он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов...» [2, с. 67]. Генерал-губернатор затмевал собой губернских чиновников, но не обладал большой популярностью, будучи, по словам С.Ю. Витте, «ультраретроградом», «крайне ограниченным и узким», «недалеким», но, в то же время «честным, мужественным и прямым» человеком [4, с. 132; 3, с. 173].

Распространение в обществе революционных идей привело к тому, что, по словам адъютанта Сергея Александровича, а впоследствии – московского

¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 17. Оп. 80. Д. 52. Л. 7.

губернатора В.Ф. Джунковского, великого князя «систематически травили», сыпались «угрозы со стороны революционных комитетов», да и сам он «очень тяготился генерал-губернаторством» [5, с. 28]. По мнению Ф.В. Дубасова, одного из следующих генерал-губернаторов, именно великий князь и его подчиненный обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов «революционировали всю Москву и довели её до такого состояния» [3, с. 174]. С ним соглашались в воспоминаниях и С.Ю. Витте [4, с. 132–133]. Все это привело к тому, что в высших правительственных сферах «нашли неудобным и опасным» оставлять великого князя на посту московского генерал-губернатора и 1 января 1905 г. высочайшим указом Сергей Александрович был уволен от должности генерал-губернатора с сохранением поста главнокомандующего войсками Московского военного округа.

Должность московского генерал-губернатора временно не замещалась, а в Москве было введено градоначальство по примеру Петербурга. Полномочия генерал-губернатора были распределены между градоначальником генерал-майором Е.Н. Волковым и губернатором Г.И. Кристи. По мнению В.Ф. Джунковского, назначение Волкова «было каким-то недоразумением», так как «за время своего градоначальства он ничем себя не проявил» и «подчиненные так и не узнали его требований» [5, с. 38]. Помощник и заместитель градоначальника И.Н. Руднев был «слабоволен» и «нераспорядителен», а с началом беспорядков он оказался «растерян и затерроризирован». По словам Джунковского, эта ситуация «производила впечатление, что власти в Москве нет» [5, с. 29].

На фоне нараставших революционных событий на пост генерал-губернатора был назначен бывший московский обер-полицмейстер генерал А.А. Козлов, обладавший значительным авторитетом среди горожан. Решающей при назначении стала рекомендация министра внутренних дел А.Г. Булыгина. По воспоминаниям В.Ф. Джунковского, А.А. Козлов был «чудной души человек, честнейший и благороднейший», но «будучи 68 лет от роду... давно отошел от дел», у него «не было должной энергии и любви к тому делу, на которое его призвали». Он работал «добросовестно, но без одушевления... из чувства долга», поначалу противясь назначению, и лишь согласившись занять пост не более чем на три месяца. Градоначальником был назначен близкий друг А.А. Козлова, генерал-майор П.П. Шувалов, который «... все свое время отдавал службе», однако «мало интересовался всем тем, что не было чисто полицейским делом» [5, с. 48]. 28 июня 1905 г. П.П. Шувалов был убит, а 15 июля А.А. Козлов был уволен с поста. В должность генерал-губернатора вступил генерал П.П. Дурново, а градоначальником стал барон Г.П. фон Медем, характеризовавшийся в воспоминаниях С.Ю. Витте как «самый обыкновенный жандармский генерал», отличившийся лишь тем, что «был женат на певице» [4, с. 136].

Осуществлявший в этот период обязанности губернатора Г.И. Кристи был уже немолод и часто болел, перепоручая деятельность подчиненным. По словам Джунковского, Кристи «не особенно любил заниматься делами» и «упорно со дня начала беспорядков не хотел путаться в происходящем ха-

осе» [5, с. 99], поэтому в ноябре 1905 г. он оставил губернаторскую должность, передав дела вице-губернатору В.Ф. Джунковскому, позже утвержденному на посту губернатора.

Отношения внутри триумvirата генерал-губернатор – градоначальник – губернатор не складывались. Градоначальник барон фон Медем, согласно мнению В.Ф. Джунковского, был «недурным» и «весьма доброжелательным», но «не отдававшим себе отчета в том, что происходило вокруг», и поэтому «все его распоряжения не соответствовали переживаемой эпохе». Во время волнений и беспорядков он не выезжал из дому, и полиция не получала должных директив. Генерал-губернатор П.П. Дурново «его всячески третировал... и мешал ему заниматься делом», рассматривая градоначальника не иначе, как своего непосредственного слугу, и отдавая распоряжения, не имевшие ничего общего со службой. Например, по телефону он приказал Медему «поехать на вокзал встретить знакомую балерину и устроить ее в гостинице», после чего градоначальник не желал даже с ним разговаривать. В качестве посыльного генерал-губернатор пытался использовать и В.Ф. Джунковского, но последний заявил, чтобы Дурново в случае необходимости «командировал... управляющего своей канцелярией или чиновника особых поручений» [5, с. 65]. Данный пример демонстрирует неопределенность отношений высших должностных лиц местного управления, и отсутствие четкого представления о роде и границах их полномочий, что отрицательно сказывалось на эффективности управления, особенно в разгар политической нестабильности.

В своих воспоминаниях В.Ф. Джунковский отмечал одиозность генерал-губернатора, с которым выстроить должные отношения было не просто, и называл его пребывание на посту «анекдотичным и печальным»: пожилой П.П. Дурново «физически был довольно бодр» и не глуп, но, «страдая самодурством», не был «приспособлен к делу». К счастью для губернатора, в его дела он не вмешивался, «предоставляя... полную самостоятельность», и при этом заявляя: «Вы можете быть спокойны, я в ваши дела вмешиваться не буду, так как помню, как мне всегда было неприятно, когда в бытность мою губернатором тогдашний московский генерал-губернатор князь Долгорукий вмешивался в мои распоряжения». Дурново всегда старался подчеркнуть, что должность губернатора почетнее градоначальнической, «так как в свое время был губернатором в Москве» [5, с. 66–67]. Мемуары В.Ф. Джунковского перекликаются с воспоминаниями С.Ю. Витте, отзывавшимся о генерал-губернаторе как о «неглупом» человеке, но действовавшем больше «на словах, чем на деле», который «любил говорить, спорить», но «никаким делом серьезно заниматься не мог». При П.П. Дурново, который совершенно «растерялся», говорил «невпопад речи», снимал «шапку чуть ли не перед красными флагами» и не мог «ни своей личностью, ни своим характером, ни своими знаниями... внушить какой бы то ни было престиж», Москва «находилась в полном расстройстве», а войска и администрация «были деморализованы и испуганы» [4, с. 136–137].

Экстраординарное поведение П.П. Дурново подтолкнуло высшую власть утвердить на посту генерал-губерна-

тора Ф.В. Дубасова, человека «с железной волей», как определял его В.Ф. Джунковский. Именно Дубасов руководил подавлением городских восстаний, объявив Москву и губернию на положении «чрезвычайной охраны», во время которой вся власть сосредоточилась в руках генерал-губернатора. Ученый и общественный деятель И.И. Толстой характеризовал Ф.В. Дубасова как человека «бездарного и недалекого», убежденного «ретрограда» и энергичного «защитника своих печальных убеждений», готового «уничтожить все, что могло вести к умственному и политическому развитию России» [16, с. 405]. По словам С.Ю. Витте, активного сторонника назначения Дубасова на должность генерал-губернатора, тот был человеком «такого твердого характера», на которого «вполне можно положиться», а к своему предшественнику, П.П. Дурново, он относился «недоверчиво», «несимпатично» и даже «гадливо» [4, с. 137, 139]. В.Ф. Джунковский характеризовал Ф.В. Дубасова как «честного, благородного солдата», который «не был администратором», дела «не знал», но у него «был здравый смысл» и умение «различать честное от нечестного».

В свою очередь, Дубасов относился к губернатору «с исключительным доверием» и в период революционных беспорядков, «когда ему времени не было заниматься текущими делами по генерал-губернаторскому управлению», передал все вопросы на разрешение В.Ф. Джунковскому, дав «полномочие подписывать бумаги за него», что, очевидно, было «не совсем законно, но оправдывалось обстоятельствами» [5, с. 110]. Однако уже в мае 1906 г. по состоянию здоровья, усугубленно-

му покушениями, Ф.В. Дубасов подал прошение и был уволен с должности генерал-губернатора, а в начале июля его сменил генерал С.К. Гершельман, которого рекомендовал В.Ф. Джунковский.

Нового генерал-губернатора В.Ф. Джунковский считал «очень честным, скромным, отлично знающим военное дело», чьими недостатками были «упрямство и сухость». Губернатор признавался в воспоминаниях, что впоследствии пожалел о рекомендации Гершельмана, т.к. «он оказался не на должной высоте», с ним «было очень трудно служить», и по многим поводам у них возникали серьезные противоречия. В частности, разногласия возникли по поводу места приведения в исполнение приговоров военно-полевых судов. Генерал-губернатор приказал использовать для этого губернскую тюрьму, а Джунковский «протестовал против этого, находя, что тюремный двор не создан для производства казни». Отстаивая свою правоту, В.Ф. Джунковский подал представление на имя министра юстиции с протестом о незаконности требования генерал-губернатора, и в результате добился того, чтобы в подведомственных ему тюрьмах казни не производились [5, с. 189].

Противостояние губернатора и генерал-губернатора завершилось весной 1909 г., когда высочайшим приказом С.К. Гершельман был переведен в Виленский край, и должность генерал-губернатора осталась вновь незанятой. Министр внутренних дел во Всеподданнейшем докладе рекомендовал должность временно не замещать, а все дела по управлению генерал-губернатора временно были возложены

на губернатора В.Ф. Джунковского [11, с. 1].

В сентябре 1909 г. согласно высочайшему повелению полномочия московского генерал-губернатора были разделены между министром внутренних дел, на которого были возложены обязанности по контролю за чиновниками управления генерал-губернатора, градоначальником, занимавшегося выдачей заграничных паспортов и видов на жительство иностранцам по Москве и губернии, и губернатором, обеспечивавшим надзор за расходованием кредитов по генерал-губернаторскому управлению [12, с. 1].

Как полагал В.Ф. Джунковский, премьер-министр П.А. Столыпин «изменил налаженный порядок... под чьим-нибудь влиянием», так как «для дела это было хуже» и «внесло больше осложнений»: управления «завопили», т.к. «им приходилось по всяким мелочным вопросам обращаться в Петербург» к министру, а тот, «не будучи в курсе дела», запрашивал градоначальника или губернатора. Таким образом, «получалась совершенно излишняя переписка и проволочка», однако для губернатора это «было облегчение», поскольку он «перестал быть ответственным лицом за какие-либо непорядки в учреждениях, подведомственных генерал-губернатору», и его роль «ограничивалась только председательствованием в комитетах и учреждениях и разрешением кредитов» [5, с. 384]. Вскоре «абсурд

нового порядка» выяснился, и полномочия генерал-губернатора были вновь перераспределены: личный состав управления был разделен между губернатором и градоначальником, а распоряжения в отношении учреждений генерал-губернатора полностью отошли к губернатору. Последнее обстоятельство было положительно воспринято чиновниками генерал-губернаторского управления, которые написали об этом в адресе, направленном В.Ф. Джунковскому по случаю его перевода на должность товарища министра внутренних дел. В документе выражалась благодарность за «сердечное участие», которое «значительно облегчило тяжелое неопределенное положение» в годы незамещения должности генерал-губернатора [10, с. 34]. Такой порядок дел сохранялся вплоть до 1917 г., когда были упразднены все прежние органы местного управления.

Подводя итог, отметим, что к началу XX в. должность генерал-губернатора носила в большей степени чрезвычайный характер, а назначение на нее стало производиться лишь в период общественных волнений. Попытки разграничения власти губернатора и генерал-губернатора в большинстве случаев оказывались неудачными, а исполнение служебных обязанностей часто зависело от характера личных взаимоотношений.

Статья поступила в редакцию 05.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. 366 с.
2. Вел. Кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 166 с.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 3-х т. Т. 1. Л.: ГИЗ, 1924. 471 с.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 3-х т. Т. 2. Л.: ГИЗ, 1924. 518 с.

5. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 736 с.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
7. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
8. Климова Л.В. Проблемы взаимодействия местных органов власти в Москве во второй половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 116–124.
9. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Прометей, 2001. 357 с.
10. Сборник в честь оставления В.Ф. Джунковским должности московского губернатора: Москва, 1891–1913. Петроград: [б/и], 1915. 145 с.
11. Московские губернские ведомости. 1909. 18 апр.
12. Московские губернские ведомости. 1909. 11 нояб.
13. Свод законов Российской империи. Издание неофициальное / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. 2. СПб.: Русское книжное т-во «Деятель», 1912. 737 с.
14. Семин Г.А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 339 с.
15. Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 7. С. 28–92; № 8. С. 70–120; № 9. С. 122–171.
16. Толстой И.И. Дневник, 1906–1916. СПб.: Европейский ун-т, 1997. 729 с.

REFERENCES

1. Blinov I.A. Gubernatory: istoriko-yuridicheskii ocherk [Governors: historical and legal essay]. SPb., Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo Publ., 1905. 366 p.
2. Velikii Knyaz' Aleksandr Mikhailovich. Kniga vospominanii [Book of memories]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 166 p.
3. Vitte S.Yu. Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II: v 3-kh t. T. 1 [Memories. The reign of Nicholas II: in 3 v. Vol. 1]. L., GIZ Publ., 1924. 471 p.
4. Vitte S.Yu. Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II: v 3-kh t. T. 2 [Memories. The reign of Nicholas II: in 3 v. Vol. 2]. L., GIZ Publ., 1924. 518 p.
5. Dzhunkovskii V.F. Vospominaniya: v 2-kh t. T. 1 [Memoirs: in 2 v. Vol.1]. Moscow, imeni Sabashnikovykh Publ., 1997. 736 p.
6. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 368 p.
7. Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke [Government of autocratic Russia in XIX century] Government of autocratic Russia in XIX century]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 288 p.
8. Klimova L.V. [Problems of interaction of local authorities in Moscow in the second half of the XIX century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, 2015, no. 3, pp. 116–124.
9. Lysenko L.M. Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.). [Governors and governor-generals of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow, Prometei Publ., 2001. 357 p.
10. Sbornik v chest' ostavleniya V.F. Dzhunkovskim dolzhnosti moskovskogo gubernatora: Moskva, 1891–1913 [A collection in honor of V.F. Jankowski's quitting the office of the Gov-

- ernor of Moscow: Moscow, 1891–1913]. Petrograd, unkn. Publ., 1915. 145 p.
11. Moskovskie gubernskie vedomosti, 1909, 18 Apr.
 12. Moskovskie gubernskie vedomosti, 1909, 11 Nov.
 13. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie neofitsial'noe. Kn. 1. T. 2 [Code of laws of the Russian Empire. Unofficial edition. Book 1. Vol. 2]. SPb., Russkoe knizhnoe t-vo «Deyatel'» Publ., 1912. 737 p.
 14. Semin G.A. Chinovnichestvo Moskovskoi gubernii v nachale XX v.: sotsial'nyi aspekt : dis. ... kand. ist. nauk [Officialdom of Moscow province in the early XX century: the social aspect : thesis of cand. hist. sci.], Moscow, 2016. 339 p.
 15. Strakhovskii I.M. [Organization of a province]. In: Zhurnal Ministerstva Yustitsii [Journal of the Ministry of Justice], 1913, no. 7–9, pp. 28–92, 70–120, 122–171.
 16. Tolstoi I.I. Dnevnik, 1906–1916 [Journal, 1906–1916]. SPb., Evropeiskii un-t Publ., 1997. 729 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермаков Александр Михайлович – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна);
e-mail: alejandro1992@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr M. Ermakov – postgraduate student of the Department of Russian and World History, State University of Humanities and Social Studies (Kolomna);
e-mail: alejandro1992@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ермаков А.М. Московские губернаторы и генерал-губернаторы: проблемы взаимоотношений в конце XIX – начале XX веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-106-114

FOR CITATION

A. Ermakov. Moscow Governors and Governor-Generals: Problems of Interrelationships in the Late XIX – Early XX Centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-106-114

УДК 94(47).084. 3

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-115-125

В.И. ГРИНЕВЕЦКИЙ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В 1918 ГОДУ (К СТОЛЕТИЮ НАПИСАНИЯ КНИГИ «ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ»)

Щербакова О.М.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

(Национальный исследовательский университет)

105005, Москва, улица 2-я Бауманская, д.5, стр.1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена книге В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», написанной в 1918 г. Автор проанализирована изложенная ученым концепция, оказавшая влияние на деятельность комиссии по электрификации России, и ряд источников, позволяющих выявить степень этого воздействия. Обосновывается мысль о том, что текст Гриневецкого – не только научная монография, но и гражданский манифест, реально объединивший советскую власть и техническую интеллигенцию. На основе изучения книги сделан вывод, что работа ректора МВТУ принадлежит к числу тех исторических явлений, которые делали возможным альтернативное развитие и осуществление новой экономической политики в СССР.

Ключевые слова: В.И. Гриневецкий, русская промышленность, революция, План электрификации РСФСР, гражданственность, альтернативное развитие, новая экономическая политика.

V.I. GRINEVETSKY ABOUT THE WAYS OF DEVELOPING THE COUNTRY IN 1918 (ON THE OCCASION OF THE CENTENARY OF THE BOOK «POST-WAR PERSPECTIVES OF RUSSIAN INDUSTRY»)

O. Shcherbakova

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman

(National Research University)

5, building 1, 2nd Baumanskaya ul., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to V.I. Grinevetsky's book "Post-War Perspectives of Russian Industry", written in 1918. The author analyzes the concept outlined by the scientist, which influenced the activities of the electrification commission in Russia. A number of sources to reveal the degree of its impact are also analysed. The author substantiates the idea that Grinevetsky's text is not only a scientific monograph, but also a civil manifesto that really united the Soviet power and technical intelligentsia. On the basis of the study, it is concluded that the work of the MVTU rector belongs to those historical phenomena that made possible the alternative development of the USSR, as well as the realization of the new economic policy in the country.

Key words: V.I. Grinevetsky, Russian industry, the revolution, the plan of electrification in the RSFSR, citizenship, alternative development, the new economic policy.

Сто лет назад ученый, первый ректор Московского технического училища Василий Игнатьевич Гринецкий (2.06.1871–31.03.1919) написал книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности». Труд был создан экономистом, инженером, знатоком отечественной и зарубежной промышленности, человеком, имевшим опыт мирного и военного времени. Известно, что на публикацию обратили внимание советские руководители, прежде всего В.И. Ленин [1, с. 266]. Текст Гринецкого стал основой «Плана электрификации РСФСР» (План ГОЭЛРО) [10, с. 43–44].

В научной исторической литературе это имя появилось в конце 1940-х гг., когда стали разрабатывать тематику электрификации. Э.Б. Генкина, Д.А. Баевский, И.А. Гладков, А.Д. Педосов упоминали работу, но подчеркивали слабость концепции автора и противопоставляли ее замыслам комиссии ГОЭЛРО. Должное «Послевоенным перспективам...» было отдано в монографии В.С. Лельчука [12, с. 76]. Он акцентировал внимание на том, что книга стала источником данных для сотрудников Г.М. Кржижановского благодаря содержащемуся в ней достоверному материалу. Современные исследователи А.А. Захаров и В.В. Курносов упоминают Гринецкого в своих публикациях в связи с его вкладом в планирование народного хозяйства [9, с. 94–95; 11, с. 114]. Присутствует имя ученого в ряде сборников и очерков Московского государственного университета им. Н.Э. Баумана. В 2010 г. вуз выпустил репринтное из-

дание «Послевоенных перспектив...» [8, с. 2–4]. Однако следует признать: в исторической литературе о книге высказаны самые общие впечатления, суть предложений ученого не разъясняется.

Цель данной статьи – показать значение работы В.И. Гринецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности» не только как научного исследования высокого уровня, но и как своего рода гражданского манифеста, призванного объединить всех, кто стремился к послереволюционному возрождению страны. На основе анализа текстов книги, «Плана электрификации РСФСР», «Трудов комиссии ГОЭЛРО» возможно выявить взаимосвязь концепции Гринецкого и первого советского перспективного плана развития народного хозяйства.

В письме к сыну из Праги в 18.10.1936 г. академик В.И. Вернадский так высказался об ученом: «Фактически он инициатор идейный... Исторически факт влияния его идеи существовал. Его, мне кажется, историк должен выставить – как выставляют имена и мысли людей, которые дали линии нового поведения» [19]. Думается, что сегодня интеллектуальный подвиг Гринецкого заслуживает внимания. Вековой юбилей написания его труда – подходящий повод вспомнить об этом человеке, его научных взглядах и времени, в которое они были столь востребованы.

Книга родилась в революционную эпоху. Шла Гражданская война, а ученый Гринецкий с января по июнь 1918 г. пишет о том, какой должна

стать промышленность его страны в ближайший период. Автор выражал твердую уверенность в том, что вопреки всему, его родина «способна окрепнуть, возродиться и развиваться». Своими размышлениями он пытался отвлечь соотечественников от громких лозунгов и привлечь «к скромному, но жизненному делу» [6, с. 4]. Человек его жизненного и научного опыта имел полное право на подобное высказывание.

Судьба Гриневецкого была связана с Императорским Московским техническим училищем (ИМТУ). Он принадлежал к кругу российской профессуры, которая со второй половины XIX в. демонстрировала стремление к гражданской идентичности, к формированию в стране гражданского общества. Через научно-педагогическую деятельность, широкий спектр культурно-просветительских начинаний профессора продвигали те ценности и проекты, которых не хватало в позднеимперской России: научную систему взглядов, стремление к прогрессу, личную свободу, индивидуальную инициативу, автономию, самосовершенствование, трудолюбие [16, с. 56–58]. В.И. Гриневецкий стал частью этого процесса. Он плодотворно занимался техническим образованием, стремился к созданию политехнического вуза [18, с. 27–28]. Состоялся как ученый, став основателем отечественной школы тепловозостроения. В 1921 г. коллеги настояли на присвоении его имени «Теплотехническому институту». Гриневецкий был востребованным, творческим человеком. Оставил заметный след в развитии отечественного инженерного образования, промышленности, энергетики, экономики [17, с. 121–127]. Его

оказывали ученики и сотрудники: механики Н. Е. Жуковский, П. К. Худяков, И. А. Калинин, электротехник К. А. Круг, гидродинамик А. И. Астров, теплотехники Н. Р. Брилинг, Е. К. Мазинг, химики Н. А. Шилов, А. Е. Чичибабин и другие. Этим личностям были присущи основные черты гражданственности. Профессура была готова к коллективным действиям, к сотрудничеству.

В период Первой мировой войны деятельность ИМТУ была направлена на нужды обороны. Уже в 1914 г. Гриневецкий призывал к решению двух взаимосвязанных задач: приспособить промышленность к условиям военного времени и параллельно подготовить производство к послевоенным изменениям [5, с. 8, 14–15]. Участвуя в создании обороны, он понимал: необходимо учитывать пути выхода страны, ее промышленности из мобилизационного состояния. Он всегда делом отвечал на возникающие проблемы. Именно поэтому В. И. Гриневецкий и его коллеги работали в общественных организациях: в Московском военном-промышленном комитете, в Городском и Земском союзе, в Московском Заводском совещании по обороне. Это дало ему организационный опыт, знание экономики военного времени, понимание производственных трудностей. Общественная деятельность профессоров определялась тем, что они были патриотами, осознавали острый кризис, который привнесла в жизнь Отечества мировая война. Можно утверждать, что профессорско-преподавательское сообщество в канун революции 1917 г. являло собой зрелый элемент гражданского общества.

Царская власть не справлялась с ситуацией военного времени. Пора-

жения армии в 1915–1916 гг. способствовали резкому обострению недовольства всех слоев общества. Стихия народного протеста захлестнула страну, в России началась революция, в феврале-марте 1917 г. трехсотлетняя монархия Романовых пала. Большинство населения восторженно восприняло перемены, надеялось на осуществление кардинальных преобразований во всех сферах жизни. Октябрьские события сначала восприняли лишь как очередную смену правительства. Несколько позже стали осознавать, что власть круто изменилась.

В мемуарах меньшевика Н.В. Валентинова (Н. Вольского) есть воспоминания о В.И. Гриневецком. Писатель утверждал, что ученый, с авторитетом которого считалось все инженерно-техническое сообщество, «не выносил марксизма», а к Октябрьской революции, ее вождю Ленину «относился с нескрываемой враждебностью» [2, с. 256–257]. Но мы знаем, что деятельность Гриневецкого никогда не была направлена на разрушение, только на созидание. Техническую интеллигенцию заботило состояние отечественной индустрии. Всероссийский союз инженеров провел в январе-октябре 1918 г. ряд мероприятий, в которых ректор МВТУ В.И. Гриневецкий был одним из активных участников. Необходимо отметить, что ни в одной из произнесенных им речей не было призывов к бойкоту. Он говорил о важности совместной работы специалистов и власти [3, с. 148–160]. Эти собрания расширили видение ученого на происходящие в стране революционные процессы.

В течение первого полугодия 1918 г. Гриневецкий, используя основательные

правительственные статистические данные 1900, 1908, 1910, 1911, 1912 гг., сведения о российской промышленности за 1914–1918 гг., ставшие доступными ему по профессиональным каналам, опираясь на солидный профессиональный опыт, написал свою последнюю книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности». Летом ректор ушел в отставку и уехал из Москвы в Харьков. Именно в этом городе в 1919 г. его работу опубликовали. Н.В. Валентинов констатировал: «Ничего подобного в русской экономической литературе до тех пор не существовало» [2, с. 259], и сказанное не является преувеличением.

Главный посыл произведения дан во вступлении «От автора»: надо приступить к возрождению России, она должна развиваться как промышленная страна [6, с. 4]. В книге – 13 глав, 14 диаграмм, 20 таблиц. Все выводы подкреплены цифрами, фактами, обоснованными научными выкладками. Прежде всего, это высокопрофессиональный текст. Во введении автор настаивал, что «оценка послевоенных перспектив русской промышленности может обосновываться лишь *реальными данными экономики всей страны*» [6, с. 5].

По мнению Гриневецкого, прошлое – тот фундамент, зная который можно дать оценку будущего промышленности. Экскурсу в историю российской индустрии посвящены 2-я, 3-я и 4-я главы. Автор пришел к обоснованному выводу: «настоящее состояние промышленности является состоянием разрушения» [6, с. 54]. Глава 5-я содержала интересные наблюдения: Гриневецкий выделил ряд положительных моментов, привнесенных войной и ре-

волюцией, среди которых: возможное изменение положения России на внешнем рынке как поставщика сырья, леса, хлеба и т.д.; пробуждение буржуазной психики народных масс, их стремление к просвещению и организованности. Он полагал, что нельзя упустить эти шансы, надо использовать их для восстановления экономики [6, с. 58–68]. Эти разделы книги – весьма информативный исторический источник по индустриальному состоянию России в начале XX в. и в годы войны (1914–1918).

В 6-й главе ученый вывел триаду, на которой может зиждиться возрождение России: восстановление промышленности, сельского хозяйства и финансов [6, с. 81]. Не кто иной, как Гринецкий, наметил основные задачи для российской промышленности. Он настаивал на строжайшей последовательности их выполнения. В 7–11 главах книги автор подробно проанализировал свои предложения. По сути, он обозначил ступени, которые должны преодолеть государственная власть и народ, для восстановления страны.

Первая ступень – восстановление и подъем снабжения топливом и сырьем. Вторая – восстановление и развитие транспорта. Третья – изменение технической оснащенности промышленности. Четвертая – повышение качества и интенсивности труда, что станет основой возрастания ее производительности. Пятая – защита внутреннего рынка от иностранного ввоза. Шестая – изменение емкости рынка за счет изменения структуры промышленности на более современную. Седьмая – привлечение иностранного капитала [6, с. 82–83]. Автор не только всесторонне рассмотрел перечисленные проблемы,

но и представил проекции их разрешения, подкрепив расчетами.

Предпринятый анализ текстов книги Гринецкого и «Плана электрификации РСФСР» показывает, что «вторая программа партии» не только опиралась на его статистические данные, подсчеты и выводы, но и развивала его подход к восстановлению российской экономики. Не менее важный источник – «Труды комиссии ГОЭЛРО». Так, «Протокол заседания государственной комиссии по электрификации России от 28 марта 1920 г.» фиксирует принятие программы – минимум восстановления хозяйства в следующем виде: восстановление транспорта, образование запасов топлива, сырья, продовольствия в определенных базах. Затем – производство машин для обслуживания транспорта, добычи топлива, заготовки сырья и продовольствия. В третью очередь – развитие машиностроения для производства продуктов массового потребления и, наконец, в четвертую – производство продуктов массового потребления [21, с. 121–12].

В плане ГОЭЛРО ставилась задача выхода из хозяйственной разрухи, подъем производительности труда при одновременной работе в трех направлениях: интенсификация, механизация и рационализация труда. «Наиболее важным орудием в этом деле» признавалась электрификация [20, с. 43]. Гринецкий также уделил серьезное внимание этому научному достижению XX в. В 7-й главе «Восстановление и подъем снабжения топливом и сырьем» шла речь об электрификации промышленности, о создании для этого районных электростанций, работающих на дешевом топливе, во-

дяной силе. Профессор констатировал, что Россия отстала, использовала только от 4 до 7% располагаемой мощности. Тогда как Германия – более 30%, США – 15%. Предлагал выход: за 6–10 лет, за счет внедрения районных тепловых и гидравлических электростанций достигнуть экономии 8 млрд. пудов угля, капитальные затраты при этом составят 300–500 млн. руб. золотом. Гриневецкий напрямую связывал прогресс техники с электрификацией страны, считая поставленную задачу технически разрешимой [6, с. 93–94].

В работе Гриневецкого есть наброски конкретных преобразований. Они вошли в «План ГОЭЛРО» и были реализованы. Вот некоторые его соображения, представленные в «Послевоенных перспективах...» и воплощенные в жизнь в СССР. К 1928–1929 гг. построили дешевые электростанции – Шатурскую, Нижегородскую, Волховскую, Земо-Авчальскую, Свирскую и др. В 1932–1939 гг. вступил в строй Днепрогэс. Себестоимость киловатт-часа электроэнергии, вырабатывавшейся на Днепровской ГЭС, оказалась самой низкой в мире [4]. Подходы Гриневецкого учитывались в период советской индустриализации и по другим направлениям.

Представляется важным, что книга ученого сочетала технический и социальный подход. Он не мыслил развитие российской промышленности без решения социальных вопросов. Посчитал своим долгом опровергнуть распространенное мнение, что механизация производства уничтожает потребность в квалифицированном труде, обращает рабочего в придаток автоматической машины. Считал его глубоко ошибочным. Правильным же, по убеждению

Гриневецкого, было бы повышение культурного и профессионального уровня всех занятых в производстве.

Он был уверен: «Когда рабочий наблюдает за быстроходной машиной, когда он должен улавливать слухом, зрением или комбинированным ощущением недочеты ее работы, ориентироваться в их месте и причине и возможно быстро исправлять – труд физический приближается к умственному и граница между ними сглаживается» [6, с. 155]. Таким образом, инженер поставил вопрос о постепенном преодолении различий между физическим и умственным трудом. О необходимости изменить обстановку труда, облегчить его напряженность говорилось и в плане ГОЭЛРО. Выступая за повышение качества и интенсивности труда, сотрудники комиссии, вслед за Гриневецким, определенно высказались в пользу роста технической оснащенности народного хозяйства и отметили личную напряженность рабочего, когда падают у станка [20, с. 35].

Профессор МВТУ, сторонник политехнического образования, не мог не затронуть тему повышения квалификации рабочих, причем квалификации интеллектуально-технической. Он считал, что индустрия потребует от участников производства той интеллигентности, которая вырабатывается практикой. Он был уверен, что образование – звено в цепи промышленного производства. Надо создавать учебные заведения низшего и среднего звена для рабочих и административно-технического персонала, совершенствовать технические вузы [6, с. 152–156]. Следует признать, что В.И. Ленин внимательно читал Гриневецкого. По вопросам образования их подходы со-

впали. Председатель СНК также выделил проблему постепенного введения политехнического образования и напрямую связал ее с осуществлением плана ГОЭЛРО [14, с. 228–230].

Разумеется, у В.И. Гриневецкого были несогласия с большевистской властью. Его концепция шла вразрез с политикой «военного коммунизма». В частности, он не признавал необходимость национализации фабрик и заводов, так как полагал, что почвы для таких решений нет [6, с. 147]. Знал, что введенный советской властью 8-часовой рабочий день не совпадает с потребностями производства [6, с. 159–160]. Однако предлагал дискутировать на эту тему. Большую роль в решении рабочего вопроса он отводил профессиональным союзам [6, с. 204]. Как экономист, Гриневецкий видел решение многих российских проблем в привлечении иностранного капитала, однако предупреждал о необходимости защиты внутреннего рынка от иностранного ввоза [6, с. 82–83]. Он высказывался в пользу финансирования проектов за счет частного капитала и концессий. Но предостерегал, что концессии следует готовить очень тщательно, иначе грозит закабаление целых областей [6, с. 132–133]. В этой связи его беспокоила неустойчивость государственной власти, из-за чего Россия могла подвергнуться западной эксплуатации как Турция и Персия, что, по его представлениям, нельзя допустить. Он, конечно, был за многоукладную экономику, не отрицал, а подчеркивал частный интерес [6, с. 181–182].

Автор не абсолютизировал свои подходы и выводы. Он признавал, что попытался установить *«направления изменения и самые общие задания*

для подхода к конкретным задачам экономической политики в области возникновения промышленности» [6, с. 208]. Безусловно, в тексте Гриневецкого подкупает открытость автора, готовность к обсуждению проблем. Не вызывает удивления, что его монография стала интеллектуальной платформой создания комиссии ГОЭЛРО [20, с. 94]. План электрификации стал дальнейшим развитием замыслов В.И. Гриневецкого. Особенно хорошо его концепция ложилась в русло Новой экономической политики, которую в 1921 г. провозгласил X съезд РКП(б).

В современной историографии советский период оценивается по-разному. Неоднократно высказывалось мнение, что НЭП являлся альтернативным вариантом развития страны. Одним из аргументов в пользу данного тезиса является книга Гриневецкого. В ней содержалась конкретная программа, сочетавшая два компонента: восстановление и модернизация промышленности. Ученый объяснил, как и почему это надо делать одномоментно. Труд ученого был высокопрофессиональным и появился удивительно вовремя. Формулировки были не только экономически выверены, но и точно попадали в цель.

Власть услышала ученого, книгу прочитал Председатель Совнаркома [13, с. 380–381]. Была создана комиссия ГОЭЛРО. Г.М. Кржижановский сумел привлечь к созданию «Плана электрификации РСФСР» большое количество технических специалистов, многих товарищей и коллег автора «Послевоенных перспектив...». Не ленинская формула «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», а призыв Гри-

невцекого: «...надо, чтобы *вся политика и все классовые интересы были бы подчинены до конца одной цели – экономическому воссозданию России и развитию ее производительных сил*», сплотила техническую интеллигенцию [15, с. 381; 6, с. 181]. Ученый просто и ясно объяснил, как можно преодолеть голод и разруху, уберечь страну от развала, предоставить людям работу, позволить получить образование. В его словах была такая убежденность, такая твердая вера в национальные силы страны, что его коллеги откликнулись делом на этот патриотический манифест [6, с. 209]. Недаром Гриневецкий верил в гражданственность своих единомышленников: «От сохранения энергии русской интеллигенции, от самостоятельности русской техники и науки будет в большей мере зависеть – сумеет ли Россия восстановить и развить свои духовные силы быстрее, чем свои материальные средства». С этим он связывал прогресс российской промышленности [6, с. 138].

Во втором издании книги предисловие, написанное экономистом В.Н. Сарабьяновым, заканчивалось так: «Что же касается тех, кто из книги проф. Гриневецкого запомнит лишь ее полемические с «социалистической

властью» места, так книга не для них переиздается, а для желающих не за страх, а за совесть осмысленно строить российскую экономику» [7, с. V]. После того, когда НЭП отменили, индустриализация СССР в технической сфере по-прежнему строилась на предложениях первого ректора МВТУ и его последователей – сотрудников ГОЭЛРО. Программно-целевое планирование, предложенное Гриневецким, стало важной составляющей советского народного хозяйства. Однако, отбросив его экономические идеи, власть не избежала серьезных ошибок в период сталинской модернизации.

Сравнительный анализ текстов «Послевоенных перспектив» и «Плана ГОЭЛРО», «Трудов Государственной комиссии по электрификации России» позволяет понять, что идея экономического перспективного планирования выросла в недрах МВТУ, в сообществе российской профессуры, одним из представителей которого был В.И. Гриневецкий. Книга ученого – пример гражданственности, преданности своему Отечеству и высокого профессионализма. Она и сегодня воспринимается современно и актуально.

Статья поступила в редакцию 19.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1961. 764 с.
2. Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. 367 с.
3. Волчkevич И.Л. Очерки истории Московского высшего технического училища / 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. 326 с.
4. Гвоздецкий В.Л. Генезис советской индустриализации / Слово: образовательный портал [сайт]. – URL: https://www.portal-slovo.ru/impressionism/36300.php?ELEMENT_ID=36300&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 05.02.2018).
5. Гриневецкий В. И. Техничко-общественные задачи в сфере промышленности и техники в связи с войной. М.: Тип. Рус. о-ва, 1914. 16 с.

6. Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков: Всероссийский Союз Потребительских обществ, 1919. 210 с.
7. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности / 2-е изд. М.: Всероссийский Центральный союз потребительских обществ, 1922. 103 с.
8. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности (репринт изд. 1922 г.). М.: ООО НИЦ «Инженер» (Союз НИО), ООО «Онико-М», 2010. 124 с.
9. Захаров А.А. Буржуазия и власть: опыт экономического взаимодействия в условиях Первой мировой войны // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 4. С. 88–96.
10. Кржижановский Г.М. К десятилетию плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 39–62.
11. Курносков В.В. Как начиналось советское планирование // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2010. № 6. С. 113–117.
12. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
13. Ленин В.И. Письмо Г.М. Кржижановскому // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Политиздат, 1977. С. 62.
14. Ленин В.И. О политехническом образовании: заметки на тезисы Надежды Константиновны // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат, 1977. С. 228–230.
15. Ленин В.И. План доклада на VIII съезде Советов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат, 1977. С. 378–381.
16. Никс Н. Н. К вопросу о формировании гражданской идентичности московской профессуры второй половины XIX – начала XX в. // Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начала XX в. М.: Новый хронограф, 2013. С. 59–100.
17. Основатели научных школ Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана: краткие очерки. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. 632 с.
18. Общие соображения о развитии Императорского Московского Технического училища в школу политехнического типа / сост. Гриневецкий В.И. М.: Типография М. Александровой, 1915. 31 с.
19. Письма академика В.И. Вернадского сыну (1922-1936) / Архивы Академии наук [сайт]. – URL: <http://arran.ru/?q=ru/vernad3> (дата обращения: 30.01.2018).
20. План электрификации РСФСР: доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.
21. Труды Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Документы и материалы. М.: Соцэкгиз, 1960. 308 с.

REFERENCES

1. Biblioteka V.I.Lenina v Kremlе. Katalog [Library of V.I. Lenin in the Kremlin. Directory]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty Publ., 1961. 764 p.
2. Valentinov N. (Vol'skii N.) Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina [The new economic policy and the crisis of the party after Lenin's death]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 367 p.
3. Volchkevich I. L. Ocherki istorii Moskovskogo vysshego tekhnicheskogo uchilishcha / 2-e izd., ispr. i dop. [Essays on the history of Moscow higher technical school / 2-e ed., rev. and ext.]. Moscow, MGTU im. N.E. Bauman Publ., 2016. 326 p.
4. Gvozdet'skii V.L. Genezis sovetskoi industrializatsii [The genesis of Soviet industrialization].

- In: *Slovo: obrazovatel'nyi portal* [Word: educational portal [website]. Available at: https://www.portal-slovo.ru/impressionism/36300.php?ELEMENT_ID=36300&SHOWALL_1=1 (accessed: 05.02.2018).
5. Grinevetskii V.I. Tekhniko-obshchestvennye zadachi v sfere promyshlennosti i tekhniki v svyazi s voinoi [Technical and social challenges in the field of industry and technology in connection with the war]. Moscow, Tip. Russkogo ob-va Publ., 1914. 16 p.
 6. Grinevetskii V. I. Poslevoennye perspektivy russkoi promyshlennosti [Postwar prospects of Russian industry]. Kharkiv, Vserossiiskii Soyuz Potrebitel'skikh obshchestv Publ., 1919. 210 p.
 7. Grinevetskii V.I. Poslevoennye perspektivy russkoi promyshlennosti / 2-e izd [Postwar prospects of Russian industry / 2nd edition]. Moscow, Vserossiiskii Tsentral'nyi soyuz potrebitel'skikh obshchestv Publ., 1922. 103 p.
 8. Grinevetskii V.I. Poslevoennye perspektivy russkoi promyshlennosti (reprint izd. 1922 g.) [Postwar prospects of Russian industry (reprint ed. 1922)]. Moscow, OOO NITS «Inzhener» (Soyuz NIO), OOO «Oniko-M» Publ., 2010. 124 p.
 9. Zakharov A.A. [The bourgeoisie and the power: the experience of economic cooperation in the First World War]. In: *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 88–96.
 10. Krzhizhanovskii G.M. [The decade of the GOELRO plan]. In: *Planovoe khozyaistvo*, 1930, no. 12, pp. 39–62.
 11. Kurnosov V.V. [How Soviet planning started]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2010, no. 6, pp. 113–117.
 12. Le'chuk V. S. Sotsialisticheskaya industrializatsiya SSSR i ee osveshchenie v sovetskoi istoriografii [The socialist industrialization of the Soviet Union and its coverage in the Soviet historiography]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 312 p.
 13. Lenin V.I. Pis'mo G.M. Krzhizhanovskomu [Letter to G. M. Krzhizhanovsky]. In: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*. T. 40 [Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 40]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, pp. 62.
 14. Lenin V.I. O politekhnicheskom obrazovanii: zametki na tezisы Nadezhdy Konstantinovny [On polytechnic education: notes on the theses of Nadezhdy Konstantinovny]. In: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*. T. 42 [Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 42]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, pp. 228–230.
 15. Lenin V.I. Plan doklada na VIII s"ezde Sovetov [Outline of the report at the VIII Congress of the Soviets]. In: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*. T. 42 [Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 42]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, pp. 378–381.
 16. Niks N. N. K voprosu o formirovanii grazhdanskoi identichnosti moskovskoi professury vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [On the question of formation of civil identity of Moscow professors in the second half of XIX – early XX century]. In: *Grazhdanskaya identichnost' rossiiskoi intelligentsii v kontse XIX – nachale XX v. [Civil identity of the Russian intelligentsia in the late XIX – early XX century]*. M., Novyi khronograf Publ., 2013. pp. 59–100.
 17. Osnovateli nauchnykh shkol Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni N.E. Baumana: kratkie ocherki [The founders of scientific schools of Moscow state technical university named after N.E. Bauman: short essays]. Moscow, MGTU im. N.E. Bauman Publ., 2005. 632 p.
 18. Obshchie soobrazheniya o razvitii Imperatorskogo Moskovskogo Tekhnicheskogo uchilishcha v shkolu politekhnicheskogo tipa / sost. Grinevetskii V.I. [General considerations on the development of the Imperial Moscow Technical school school of the polytechnic type / comp. V.I. Grinevetsky]. Moscow, Tip. M. Aleksandrovoi Publ., 1915. 31 p.

19. Pis'ma akademika V. I. Vernadskogo synu (1922-1936) [Letters to academician V.I. Vernadsky]. In: Arkhivy Akademii nauk [The archives of the Academy of Sciences [website]]. Available at: <http://arran.ru/?q=ru/vernad3> (accessed: 30.01.2018).
20. Plan elektrifikatsii RSFSR: doklad VIII s"ezdu Sovetov Gosudarstvennoi komissii po elektrifikatsii Rossii [Plan of electrification of the RSFSR: report of the state commission for electrification of Russia to the VIII Congress of the Soviets]. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 660 p.
21. Trudy Gosudarstvennoi komissii po elektrifikatsii Rossii (GOELRO). Dokumenty i materialy [Proceedings of the state commission for electrification of Russia (GOELRO). Documents and materials]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербакова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (МГТУ им. Н.Э. Баумана);
e-mail: infobox900@mail.ru

Olga M. Scherbakova – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the department of the History, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University)
e-mail: infobox900@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербакова О.М. В.И. Гриневецкий о путях развития страны в 1918 году (к столетию написания книги «Послевоенные перспективы русской промышленности») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 115–125.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-115-125

FOR CITATION

O. Shcherbakova, V.I. Grinevetsky About the Ways of Developing the Country in 1918 (on the Occasion of the Centenary of the Book «Post-War Perspectives of Russian Industry»). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 115–125.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-115-125

УДК 94(470)1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-126-131

РЕЧЬ Н.С. ХРУЩЁВА НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТРОИТЕЛЕЙ В ДЕКАБРЕ 1954 г. КАК ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ШАГОВ В НАПРАВЛЕНИИ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Горлов В.Н.*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д.2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль архитектуры в жилищном строительстве в СССР. Автор анализирует речь Н.С. Хрущева на Всесоюзном совещании строителей в 1954 г. Автор рассматривает тот период, когда в практике проектирования и строительства возникло то явление, которое получило название «украшательство». Автор рассматривает перестройку жилищной политики в СССР после смерти И.В. Сталина, когда помпезность сталинской архитектуры вступила в противоречие с задачами разрешения острейшего жилищного кризиса.

Ключевые слова: излишества, украшательство, индустриализация строительства.

N.S. KHRUSHCHEV'S SPEECH AT THE ALL-UNION CONFERENCE OF BUILDERS IN DECEMBER 1954 AS ONE OF THE FIRST STEPS IN THE DIRECTION OF DE-STALINIZATION OF SOVIET SOCIETY

V. Gorlov*Moscow State University of Management
2, Sadovniki ul., Moscow, 115487, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the role of architecture in housing construction in the USSR. The author analyzes the speech of N.S. Khrushchev at the all-Union conference of builders in 1954. The author examines the period when in the practice of design and construction emerged the phenomenon of "embellishment". The author examines the restructuring of the housing policy in the Soviet Union after I.V. Stalin's death, when the pomp of the Stalinist architecture came into conflict with the objectives of an acute housing crisis solution.

Key words: excessiveness, embellishment, industrialization, construction.

До 1954 г. в Советском Союзе были архитекторы-классики. Они легко встают в один ряд с лучшими мастерами Европы, возвращавшимися к классической традиции с XV по XIX вв. Сталинская архитектура в профессиональном смысле считается одним из высших достижений русской классики в архитектуре. Новому этапу развития советской архитектуры, и в первую очередь, архитектуры массового жилья, положило начало подготовленное строительным отделом ЦК КПСС Всесоюзное совещание строителей, которое состоялось 7 декабря 1954 г.

© CC BY Горлов В.Н., 2018.

Выступая на этом совещании, глава партии Н.С. Хрущёв проанализировал недостатки советской архитектуры: «В нашем строительстве нередко наблюдается расточительство средств и в этом большая вина многих архитекторов, которые допускают излишества в отделке зданий, строящихся по индивидуальным проектам. Такие архитекторы стали камнем преткновения на пути индустриализации строительства». Разгневанный Н.С. Хрущёв с возмущением указывал: «Мы не против красоты, но против излишеств... Некоторые архитекторы увлекаются устройством на зданиях шпилей, и поэтому эти здания становятся похожими на церкви. Вам нравится силуэт церкви? Я не хочу спорить о вкусах, но для жилых домов такой облик зданий не нужен. Нельзя современный жилой дом превращать архитектурным оформлением в подобие церкви или музея. ...людям нужны квартиры. Им не любоваться силуэтами, а жить в домах нужно! (Аплодисменты)» [1, с. 402]. Беспроигрышным аргументом было тогда сравнение с церковью.

Советский лидер довольно грубо одёргивал на этом совещании президента Академии архитектуры А. Мордвинова, обвинив его в том, что он слишком увлекается строительством уникальных зданий. Выступление Н.С. Хрущёва произвело на советских архитекторов самое гнетущее впечатление. Всем стало ясно, что серьезная перетряска в архитектурном деле неизбежна. Н.С. Хрущёв подверг критике одностороннее понимание архитектуры как искусства. В своей речи он постоянно приводил примеры расточительства и материального ущерба «эстетского формализма». Н.С. Хру-

щёв сделал акцент на экономичных решениях утилитарных проблем устройства предметно-пространственной среды и однозначно определил сущность и общественные функции советской архитектуры. Индустриализация строительства становится движущей силой прогресса. Советский лидер на этом совещании возложил вину в провалах жилищной политики на архитекторов, обвинив их в разорении государства своими архитектурными «излишествами». Тем самым он подразумевал, что архитекторы полностью утратили право на участие в решениях, определяющих судьбу их профессии. В результате архитектура утратила свое лицо и свои качества. Архитекторы теряли свои профессиональные навыки, так как их доля участия в строительном деле практически **сводилась к нулю**. Речь Н.С. Хрущёва надолго построила систему отношений, в которой строителю-технологу подчинялась архитектура.

В своей знаменитой речи на совещании строителей 1954 г. Н.С. Хрущёв на многие годы предопределил направление развития и характер всей советской архитектуры. Таким образом, в середине 50-х гг. поворот направленности советской архитектуры был стимулирован в первую очередь непрофессиональными обстоятельствами, которые последовали за разоблачением культа личности И.В. Сталина. Речь Н.С. Хрущёва способствовала тому, что на смену старой модели приходит новая модель, решительной непохожестью подчеркивавшая смену исторических вех. Поэтому очень важно подчеркнуть, что речь Н.С. Хрущёва 7 декабря 1954 г. стала одним из первых шагов в направлении десталинизации

советского общества, потому что он подверг уничтожающей критике одну из главных составляющих сталинского наследия – социалистический реализм в советской архитектуре.

Строительное совещание 7 декабря 1954 г. показало, что жилищная политика становится полем борьбы за политическое лидерство. Н.С. Хрущев, сменив курс в жилищной политике, тем самым отрицал опыт решения жилищной проблемы при И.В. Сталине (в своей речи Н.С. Хрущев доказывал необходимость «десталинизации архитектуры»). Для него смена курса в жилищной политике была важна как «акт символического насилия». Н.С. Хрущёв утверждал в своей речи, что избыточная большими излишествами архитектура, характерная для сталинской эпохи, больше не соответствует линии партии в архитектурно-строительном деле. В отличие от сталинской эпохи, архитектуре должна была быть свойственна строгость форм, простота и экономичность решений, забота о бытовых удобствах. Так Н.С. Хрущёв определил ведущие черты советской архитектуры. Он утверждал, что «эстетский формализм» тормозит улучшение жилищных условий советских граждан. Он критиковал архитекторов за то, что они главным образом занимались украшением фасадов зданий, не работая над улучшением внутренней планировки жилых домов. Он подчеркивал, что оформление фасадов портиками и колоннадами, лепка и барельефы заимствованы из прошлого и архаичны.

Критика направлялась не только на внешнее оформление зданий. Высокие потолки, «неэкономичные» кухни, коридоры, большие комнаты, лифты вос-

принимались теперь как излишества, так как делали строительство чрезмерно дорогим. Н.С. Хрущев, высказав в своей речи взгляд на «излишества» сталинского строительства, видел выход из создавшегося жилищного кризиса в индустриализации, экономичности строительства, ведения строительства по типовым проектам. После этого совещания началась проверка состояния строительства, обнаружившая, что перестройка в строительстве протекает неудовлетворительно, а излишества в архитектуре медленно изживаются.

Н.С. Хрущев взялся за дело более решительно. Архитекторов, которые допускали «излишества» при строительстве, стали лишать Сталинских премий. Так, например, у архитекторов гостиницы «Ленинградская» с позором отобрали Сталинскую премию за излишнее богатство внутреннего оформления. Было принято решение ликвидировать Академию архитектуры СССР и вместо неё создать Академию строительства и архитектуры СССР, что свело на нет разработку художественных проблем. В новой Академии крамольными становятся такие термины, как «архитектурный ансамбль», «доминанта», «силуэт», «художественная композиция» и т.п. Срочно свертывались научные исследования по художественным проблемам зодчества.

В своей речи Н.С. Хрущёв в одночасье отменил стиль, объявив войну с украшательством в архитектуре. После речи Н.С. Хрущева советскую архитектурную науку начали с нуля создавать. После знаменитой речи Н.С. Хрущева были сформулированы в партийных документах основные задачи советских архитекторов. В 1955 г. было при-

нято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О преодолении излишеств в архитектуре и строительстве», которое связало деятельность архитекторов, резко ограничив возможность оригинальных решений. В соответствии с этим постановлением архитектор обязан был свои замыслы подчинять диктату строителей, которые были заинтересованы в реализации только предельно упрощенных решений. Инженерно-строительные специальности начали вытеснять в архитектуре творческие профессии, а искусство архитектуры стало практически беспомощно перед строительным производством жилища. Социальный статус высших архитектурных чиновников в государственной иерархии был снижен.

Под флагом борьбы с архитектурными излишествами пересматривались проекты зданий, несущие в себе воспоминания о классической архитектурной традиции, из них безжалостно убирались арки, колоннады, пилястры, портики, башенные надстройки, лепнина и т.п., с уже построенных зданий сбивали колонны и наличники. Они объявлялись «несоответствующими линии партии и правительства в архитектурно-строительном деле, направленной, прежде всего, на удовлетворение нужд широких масс трудящихся» [2]. Архитектуру, которую сейчас определяют как архитектуру сталинской эпохи, тогда окрестили «украшательством», с которым повели самую решительную борьбу. Выходом из жилищного кризиса считались отсутствие мусоропроводов, лифтов, упрощенная обработка стен и т.п. Н.С. Хрущёв считал, что в первую очередь надо думать о насущных человеческих

потребностях. Для него отказ от помпезной парадности и переход к массовому жилищному строительству был, бесспорно, положительным сдвигом в архитектуре.

Можно утверждать, что Всесоюзное совещание в Кремле 7 декабря 1954 г., резко изменившее направленность в архитектуре, нельзя рассматривать как непредвиденное и неожиданное. В сознании огромной армии строителей этот поворот в архитектуре и строительстве в середине 50-х годов был, в сущности, закономерен и своевременен, так как было необходимо удешевить и ускорить массовое жилищное строительство. Постановление об излишествах в архитектуре изменило судьбу советских архитекторов самым коренным образом. Постановление отменило сталинскую классику, которая стала излишеством, а с излишеством призвали бороться. Архитектурный стиль, который всеми единодушно восхвалялся, совершенно неожиданно совсем исчез из строительства. Любое украшение объявлялось «излишеством», а декор в духе классицизма вообще отвергался. Благодаря речи лидера государства господствующая творческая направленность стала объективным тормозом для типизации и индустриализации массового жилищного строительства. С индустриализацией строительства сталинская архитектура, естественно, не была непосредственно связана. На определенном этапе развития советского общества эта кризисная ситуация, глубоко внутреннее противоречие архитектуры привели к изменению её направленности, резкому осуждению и широкой критике практики украшательства на Всесоюзном совещании

строителей 1954 г. Украшательство, по мнению Хрущева, противоречило прогрессивному развитию архитектурно-строительного дела. Игнорировать объективную необходимость изменить организацию архитектурно-строительной деятельности в середине 50-х гг. уже было нельзя из-за острейшего жилищного кризиса.

Речь Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей была поистине историческая, так как она определила курс на массовое жилищное строительство, на решительную замену долгого индивидуального проектирования молниеносным типовым. За решительной борьбой Н.С. Хрущева с излишествами в архитектуре стояли очень серьезные расчеты. Почти через 10 лет после Победы положение с жилищным кризисом становилось совершенно нетерпимым. Н.С. Хрущев совершенно искренне желал, чтобы советские граждане как можно быстрее выбрались из бараков, подвалов, перенаселенных коммуналок.

Задача Н.С. Хрущёва была в том, чтобы избавиться от эксцессов культуры личности, чтобы наконец-то заработала социалистическая модель. Он ставил грандиозные задачи по возведению ежегодно миллионов квадратных метров жилья. Советский лидер в своей речи главными виновниками острой жилищной проблемы объявил архитекторов. Н.С. Хрущев оценил художественную направленность советской архитектуры как вредную и архаичную. Таким образом, речь лидера государства произвела переворот в градостроительстве. Именно с его речи началась коренная перестройка архитектуры и всего строительного дела, незамедлительно последовало из-

менение творческой направленности в советской архитектуре. Хотя следует отметить, что после такой разгромной речи Н.С. Хрущева многие советские архитекторы, даже очень известные, пребывали в шоке и не сразу справились с растерянностью. Они были вынуждены подчиниться новым правилам, которые определила власть, и смириться с такими изменениями в профессии. Крупнейшие архитекторы того времени (И. Жолтовский, А. Власов, А. Буров, А. Душкин, Г. Захаров и др.) фактически лишались права на профессию. Фактически архитекторов отменили как класс. Претензии архитекторов сводились к тому, что была неоправданно сужена их творческая палитра. Архитекторы превратились в инженеров и чертёжников, которые делали типовые дома и привязывали их к местности, фактически не занимаясь индивидуальным проектированием.

Ярко выраженный стилиевой характер классической архитектуры сталинской эпохи вошел в противоречие с указанными партией новыми методами строительства. Поэтому необходимо было преодолеть, прежде всего, традиционный сталинский подход к архитектуре массового жилья. Неудивительно, что в такой политической обстановке творческий труд архитекторов стал делом неблагодарным и определяющая роль архитектора в строительстве отошла на второстепенные позиции. Все усилия Н.С. Хрущева были направлены на обеспечение быстрого развертывания индустриальных методов строительства. Глава партии всё решил одним махом. В результате нетерпимость и радикализм власти в лице Н.С. Хрущева привели

к отмене сталинской классики, которая стала синонимом излишества. Н.С. Хрущев изгнал из архитектуры понятие красоты и саму архитектуру превратил в излишество. Это была

крупнейшая победа архитектурного модернизма, которому удалось использовать для себя аппарат государства.

Статья поступила в редакцию 27.10.2016

ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций. М.: Госполитиздат, 1955. 432 с.
2. Об устранении излишеств в проектировании и строительстве // Правда. 1955. 10 нояб.

REFERENCES

1. Vsesoyuznoe soveshchanie stroitelei, arkhitektorov i rabotnikov promyshlennosti stroitel'nykh materialov, stroitel'nogo i dorozhnogo mashinostroeniya, proektnykh i nauchno-issledovatel'skikh organizatsii [All-Union conference of builders, architects and workers in the industry of building materials, construction and road machinery, design and research organizations]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 432 p.
2. Ob ustranении izlishestv v proektirovanii i stroitel'stve [On elimination of excesses in design and construction]. In: Pravda, 1955, 10 Nov.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Речь Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. как один из первых шагов в направлении десталинизации советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 126–131.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-126-131

FOR CITATION

V. Gorlov. N.S. Khrushchev's Speech at the All-Union Conference of Builders in December 1954 As One Of The First Steps in the Direction of De-Stalinization of Soviet Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 126–131.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-126-131

УДК 323(470.661) “1990/1991”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-132-142

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 1990–1991 ГГ.

Шайхаев Т.И.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена хронике политических событий в Чеченской республике в период 1990–1991 гг., в т.ч. формированию политических групп и партий, приходу к власти Джохара Дудаева. Автор использовал публикации, интервью непосредственных участников и свидетелей событий, а так же мнения экспертов по данной теме. По итогам исследования сделан вывод о том, что руководство России не смогло на ранних этапах оценить новую политическую конъюнктуру, сложившуюся в Чечне после распада СССР, что и послужило в значительной степени поводом эскалации событий в регионе.

Ключевые слова: Чеченская республика, сепаратизм, политический конфликт, Д. Дудаев, г. Грозный.

POLITICAL SITUATION OF 1990–1991 IN THE CHECHEN REPUBLIC ‘THE WAY TO THE CHECHEN REVOLUTION’

T. Shaykhaev*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the chronicle of the political events that took place in the Chechen Republic in the period of 1990–1991: the formation of political groups and parties, Johar Dudayev's coming to power. In his work, the author uses publications, interviews of direct participants and witnesses of events, as well as expert opinions on this topic. According to the results of the research, the author concluded that the leadership of Russia could not evaluate the new political situation in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic at an early stage thus provoking the escalation of the situation in the region.

Key words: Chechen Republic, separatism, conflict, D. Dudayev, city Grozny.

В конце 1980-х гг. широким слоям населения в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике (ЧИАССР) становится ясно, что наступают перемены. Осознание этого обстоятельства привело в движение общество, дало толчок выбросу мощнейшего импульса социальной энергии – надежд, устремлений, интересов тысяч людей, прежде подавляемых авторитарной системой. Многое в данных условиях должно было зависеть от политического опыта правящей элиты, от ее маневренности, способности обеспечить консенсус всех частей социума.

Между тем национальная элита Чечено-Ингушетии, сложившаяся в рамках партийно-номенклатурной структуры, только приступила к осуществлению властных функций. 1 июля 1989 г. первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС, «хозяйном» республики становится Дока Завгаев, ранее работавшим вторым секретарем обкома КПСС. До этого времени ни один чеченец, ни в царское время, ни в годы советской власти не руководил системой государственного управления в Чечне. Руководство всегда осуществлялось ставленниками, делегированными из Москвы: Апрыткин, Власов, Фотеев, готовился «властвовать» Н.И. Семенов, переведённый на пост секретаря ЦК Компартии Киргизии. Но только теперь пленум республиканского обкома, не без одобрения ЦК КПСС, решил доверить высший пост «чеченцу».

Такое решение было встречено большей частью чеченцев с ликованием, дело было не столько в самой личности Доки Завгаева, сколько в исторической масштабности события: национальная элита, прежде вынужденная мириться с исключительной ролью исполнителя приказов, взяла на себя полноту власти [7]. В этот период прогрессивная и образованная часть политической номенклатуры республики поняла: пора взять управление республикой в свои руки, – чем и воспользовался Д. Завгаев. Политика перестройки и распад СССР стимулировали движение различных национальных групп и партий в Чечено-Ингушетии. Углубление реформ в центре укрепляло формирование политической оппозиции к действующей власти на местах. Социальной базой «нефор-

мальных групп» стали малообеспеченные слои чеченского населения.

Автономные образования в составе РСФСР начиная с 1990 г. стали также принимать декларации о суверенитете, аналогичные принимаемым союзными республиками. Но политические возможности этих национальных автономий и их формально-правовое положение были иными, чем у союзных республик, следовательно, и реально достижимые цели в ходе «парада суверенитетов» не могли быть аналогичными. Возникшая ситуация наиболее остро, в сравнении с другими территориальными и национально-территориальными образованиями в составе РФ, проявилась в Чечне, хотя на пороге 1990-х гг. это была всего лишь часть одной из самых политически незаметных советских «автономий» – Чечено-Ингушской АССР, а главным источником потенциальной внутрироссийской национально-региональной «фронды» выступал Татарстан.

Во-первых, для чеченцев исторически актуальным и весьма важным оставался вопрос выживания как этнически-территориальной общности. Во-вторых, этому способствовали политические заявления Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Эти заявления провоцировали рост национального движения в различных регионах и создавали угрозу в целом целостности России. Первые годы перестройки не оказали существенного воздействия на социально-политическую ситуацию в Чечено-Ингушетии (ЧИАССР), но начиная с 1990 г. усиливаются позиции национально ориентированных лидеров, прежде всего это «Вайнахская демократическая партия» (ВДП) ли-

дером, которой стал Зелимхан Яндарбиев.

В этот период партия ВДП выступила за проведение чеченского национального съезда. 23–25 ноября 1990 г. в Грозном состоялся I-й Общенациональный съезд чеченского народа (ОСЧН), объединивший большинство умеренных неформалов, группу либеральных представителей партийного и государственного аппарата, а также часть национал-радикалов. Символом съезда и созданных им постоянно действующих органов стала группа очень разных людей, пользовавшихся известностью и авторитетом и производивших в целом солидное и уравновешенное впечатление. На съезде был сформирован исполком чеченского национального съезда – ИК ЧНС. Фактическим руководителем стал избранный заместителем председателя опытный и авторитетный грозненский хозяйственный руководитель, заместитель управляющего трестом «Дорремстрой», народный депутат Чечено-Ингушской Республики Леча Умхаев. Заместителями председателя стали также Юсуп Сосламбеков и Зелимхан Яндарбиев. Роль председателя Исполнительного комитета была отведена генерал-майору авиации ВС СССР, служившему в Эстонии, – Джохару Дудаеву. Данный съезд принял «декларацию о суверенитете Чеченской Республики», и в ней содержался пункт о готовности стать равноправным субъектом Союза Суверенных Республик.

Сразу после съезда организованного ВДП и принятием «Декларации о независимости» активизировалась и действующая администрация во главе с Д. Завгаевым. 27 ноября 1990 г. За-

вгаев в качестве председателя Верховного Совета ЧИАССР подписывает Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики, фактически признающую за республикой все атрибуты независимого государства. В документе не был указан пункт о выходе ЧИР из состава РСФСР, также руководство ВС ЧИР отвергало данную трактовку принятого акта о суверенитете. Каких-либо протестов со стороны российских властных структур после принятия «Акта о независимости» из Москвы тогда не прозвучало [9]. Руководство и сторонники партии ВДП и исполкома ЧНС восприняли декларацию именно в ключе сепаратизма. С этого момента начинается противостояние сторонников Верховного совета ЧИР и исполкома ЧНС [5]. Позже на втором съезде исполком ЧНС будет переименован в ОКЧН (Общенациональный конгресс чеченского народа), и во главе его так же останется Д. Дудаев.

Д. Дудаев на тот момент был больше известен в Прибалтике, чем в Чечне, но он стал заметным, выступая на съездах и собраниях, начал быстро набирать известность в Чечне, хотя риторика генерала и его видение политического курса явно расходились с планами Д. Завгаева. Д. Дудаев переигрывал Д. Завгаева тем, что его политическая линия главным образом была направлена не на элиты и городскую интеллигенцию, а на умы простых чеченцев, на массы, которым на митингах и выступлениях обещали перемены к лучшему. Аналогичные лозунги в тот период звучали со всех сторон от новоиспеченных «демократов» различного толка и в далекой Москве.

Условно чеченское общество в тот период можно было разделить на две группы (первая – чеченцы, работающие в разных областях при советской власти: научные кадры, врачи, преподавательский состав, руководители разного уровня в остальных отраслях; вторая – подавляющее большинство занятых аграрным и сельским хозяйством). Джохар Дудаев становился популярным среди сельских слоев, людей, занятых тяжелым трудом, не утонченных политическими перипетиями, но хранивших память о страшных испытаниях, которые выпали на их долю. Огромное поколение чеченцев родилось и выросло в депортации, в глазах некоторой части простых чеченцев образ Д. Дудаева виделся им как надежда на лучшую жизнь.

В своих интервью и выступлениях на телевидении Джохаром Дудаевым предлагались «грандиозные» экономические программы, которые должны были повысить уровень жизни каждого жителя республики до самых развитых стран Европы, эти слова производили огромное впечатление на простых людей а те, кто подвергал сомнению и экономической обоснованности утверждения генерала, немедленно подвергались критике. В республике была развита в период СССР промышленность на очень высоком уровне (нефтепереработка, машиностроительный завод и ряд других крупных объектов). Город Грозный был самым развитым в промышленном отношении на Северном Кавказе. Основой экономики Чечни является нефтяная промышленность. Грозненский район, наряду с Баку – один из самых старых нефтедобывающих регионов бывшего СССР. В 80-е гг. в ЧИАССР

добывалось свыше 4 млн. тонн нефти ежегодно. Примечательно, но добыча, переработка и дальнейший экспорт нефтепродуктов из Чечни продолжался вплоть до начала конфликта 1994 г.

После раскола между национал-радикальным крылом и либерально-демократическим, Д. Дудаев добился преимущества, поддержав национал-радикалов, он обеспечил им моральную и организационную победу над представителями реформаторских хозяйственных кругов и носителями общедемократических убеждений и при этом сразу превратился в лидера оппозиции. В своем обращении к населению Д. Дудаев стал призывать к роспуску в 1990 г. Верховного Совета Чечено-Ингушетии как выполнившего принятием Декларации о суверенитете свою политическую задачу и не соответствующего статусу парламента нового «суверенного государства». В марте 1991 г. Д. Дудаев вышел в отставку с военной службы и поселился с семьей в Грозном [5].

Тем временем ситуация в Грозном начинает накаляться и столкновение противоборствующих сторон грозит быть неизбежным. Прибывшие в Грозный члены Президиума Верховного Совета А. Аслаханов и Инга Гребешева сразу дали понять Завгаеву о недопустимости силового решения политического кризиса. Оценка личности самого Д. Завгаева крайне нелестна. По мнению Э.Ф. Кисриева, «первый секретарь комитета партии Д. Завгаев делал все на волне горбачёвской перестройки, чтобы получить как можно больше власти и полномочий». Завгаева часто начали обвинять в превышении должностных полномочий и коррупции, возможно, и не без оснований. Среди чеченского населения Завгаев не обла-

дал авторитетом и стремительно терял рычаги управления в республике.

Одновременно в Грозном с декабря 1990 г. по март 1991 г. началась волна митингов и демонстраций. Участники массовых акций требовали отставки правительства Д. Завгаева и проведения новых выборов в ЧИР. Инициатором этих акций чаще всего выступала ВДП (Вайнахская демократическая партия), возглавляемая З. Яндарбиевым, влияние которой к тому времени усилилось. Начала разворачиваться борьба за передел сфер влияния. Теряющая под ногами опору республиканская верхушка шаг за шагом удовлетворяла требования практически каждого митинга. Так произошло в ряде крупных райцентров, – сместили первых секретарей райкомов, их места заняли выдвиженцы толпы [4, с. 15]. В сложнейший в истории ЧИАССР период из Москвы направили только советника президента СССР Сергея Станкевича, который не смог предпринять никаких шагов по оздоровлению обстановки.

С весны 1991 г. главным политическим оппонентом власти Д. Завгаева стал Общенациональный конгресс чеченского народа – ОКЧН [1]. В дни путча ГКЧП 19–21 августа Исполком ОКЧН стал центром консолидации антипутчистских и оппозиционных сил в ЧИР. После подавления путча Исполком ОКЧН возглавил движение против партийно-советского руководства Чечено-Ингушетии [8]. Москва явно дала понять, что ее симпатии на стороне оппозиции. Причина была в том, что центр не устраивала фигура Д. Завгаева, поддержавшего ГКЧП, и дальнейший политический путь Завгаева был обречен.

В отличие от других столиц и административных центров, радикальные претенденты на власть в Грозном никак не относились к числу проверенных «своих» людей для Москвы. Коллеbanия Д. Завгаева и его поддержка ГКЧП подрывали на тот момент доверие к нему со стороны новых властей в Москве. Телеграмму с требованием распустить ВС ЧИР направил и Р. Хасбулатов, а структуры МВД и КГБ получили указания из Москвы не вмешиваться в происходящие события в Грозном. Возможно, поэтому лидеры ОКЧН, зная о том, что дана команда силовым структурам республики не препятствовать, действовали открыто и дерзко. Последующие события в республике начали развиваться стремительно. В Грозном 4 сентября сторонники ОКЧН захватывают здание телевидения и радио, утром 5 сентября захвачен Дом профсоюзов; следующими объектами захвата стали здание КГБ и прокуратуры, а также следственный изолятор, из которого выпустили всех заключенных. Все эти события происходили с нарушением закона РСФСР и уголовного кодекса, но при полном молчании Москвы.

Верховный Совет РСФСР отреагировал только 9 сентября и потребовал от «гвардейцев» сдать оружие и освободить захваченные здания, но Москва ситуацию в Грозном уже никак не контролировала. Дудаев объявил требование ВС РСФСР «провокацией международного масштаба, направленной на увековечивание колониального господства» [6]. В это же время из Москвы доносились команды от разных политических деятелей «не вмешиваться в демократические процессы». То, что носители «демо-

кратических идей» готовы свергнуть республику в хаос и анархию, в расчет не бралось. Захваченный сторонниками Исполкома ОКЧН Д. Завгаев вынужден был подписать “акт об отречении” от власти и укрыться в родном Надтеречном районе республики. С этого момента власть по существу перешла в руки Исполкома ОКЧН. Сделав ставку на Горбачева, Д. Завгаев проиграл.

14 сентября в Грозный прибывает Р. Хасбулатов – и. о. Председателя Верховного Совета РСФСР. 15 сентября была собрана и под его руководством прошла последняя сессия Верховного Совета Чечено-Ингушетии. Под давлением Р. Хасбулатова депутаты, пренебрегая отсутствием необходимого кворума, приняли решение об отставке Д. Завгаева с поста Председателя Верховного Совета и самороспуске парламента [1]. 27 октября 1991 г. проходят выборы президента и парламента Чечни, на которых президентом был избран Д. Дудаев. Точные цифры принявших участия в выборах неизвестны, но из 14 участков для голосования выборы прошли только на 6. Также известно, что не все районы Чечни приняли участия в выборах, в частности, Надтеречный район и ингушское население в выборах участия не принимало. За день до этого в грозненской прессе публикуется постановление Верховного совета СССР, согласно которому выборы в высшие органы Чеченской республики считаются незаконными, а их результаты — не имеющими силы. Если раньше в руководстве России рассматривали действия ОКЧН как борьбу с коммунистами, то позже ситуация по отношению к ним стала меняться.

Москва предпринимает попытку взять под контроль ситуацию и направляет в Грозный на военно-транспортном самолете спецназ ВДВ. Это было необходимо для обеспечения режима чрезвычайного положения (ЧП), объявленного указом президента Б.Н. Ельцина 7 ноября 1991 г. «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике». Сторонники генерала Дудаева блокируют еще не успевших выйти из самолета бойцов ВДВ, предложив им «по-хорошему» вернуться обратно [2]. Вместе тем власти Чечни достигают соглашения с военными об отправке десантированных солдат с территории Чечни на автобусах во Владикавказ. 10 ноября состоялась пресс-конференция Д. Дудаева, на которой он заявил, что «Чеченская республика является независимым государством и ее народ готов отстаивать суверенитет с оружием в руках».

В один день генерал Дудаев становится полновластным хозяином в республике, благодаря бездарным и непродуманным действиям команды Ельцина. Начиная с этого инцидента с полным провалом режима ЧП, российская власть показала свою политическую недалекость и неспособность в политическом регулировании ситуации в республике, что послужило консолидации определенной части общества вокруг Д. Дудаева. Руководство России приняло выжидательную тактику, ожидая, что режим Д. Дудаева со временем дискредитирует себя. Наблюдается неспособность, а главное – отсутствие желания тогдашней власти трезво оценить и проанализировать нарастающие сепаратистские настроения.

До определенного времени сторонники независимости, как и близкие им по убеждениям движения в других субъектах федерации, рассматривались московскими политиками «демократами» в качестве союзников в борьбе с прокоммунистически настроенными руководителями в регионах. Для части окружения Ельцина Чечня рассматривалась, как полигон для практической отработки методов отстранения от власти своих политических оппонентов. Однако вовремя взять ситуацию под контроль, переиграть сепаратистов они не смогли.

Могли ли за этот промежуток времени состояться переговоры? Да, могли, в том числе и с юридическим сохранением Чечни в рамках Российской Федерации, но, как выяснится позже, не все хотели мирного разрешения ситуации [11, с. 116]. У Москвы были подписаны договора с Татарстаном об экспорте их продукции, в частности нефти, на паритетных условиях. Примерно того же позже просил Джохар Дудаев [3, с. 136]. С момента своего избрания на пост президента Чеченской республики, Джохар Дудаев искал возможности встречи с Б.Н. Ельциным, тому есть многочисленные свидетельства и телеграммы, которые были адресованы президенту России. После своего избрания Д. Дудаев очень осторожно высказывался о суверенитете Чечни и говорил о том, что становление республики в новом правовом формате видит в сотрудничестве и совместной работе с российским руководством и лично с президентом Б. Ельциным.

Окружение Бориса Ельцина, по крайней мере его определенная часть, посчитала, что такая встреча невоз-

можна и более того, «унизительна» для Президента России. Возможно, что такая точка зрения в отношении встречи с Д. Дудаевым была близка и самому Б. Ельцину. Сложно сказать, как дальше стала бы развиваться ситуация, случись переговоры между Ельциным и Дудаевым, но инструментов, ресурсов и возможностей для недопущения политической и военной эскалации между Москвой и Грозным у тогдашнего руководства России было больше, чем у республики с численностью населения около одного миллиона человек. Республика экономически зависела от России, даже легальная реализация добываемой в Чечне нефти была невозможной при экономической блокаде со стороны Москвы.

Все эти обстоятельства, в том числе, высокий процент безработицы среди молодых чеченцев, вкупе приводили к социальной напряженности и криминализации внутри республики, а так же родовые и тейповые разногласия внутри чеченского общества не добавляли стабильности. Тейповые разногласия подогревались искусственно заинтересованными в этом лицами в своих корыстных и политических целях. Удержать в рамках правового поля все больше набирающую криминальный характер ситуацию становилось тяжелее. Для этого необходимо было создавать рабочие места и формировать эффективную экономическую политику, а сделать это без поддержки со стороны России было невозможно. Дудаев понимал, что без признания легитимности его власти со стороны Москвы ни о каком суверенитете и помощи, прежде всего экономического характера, со стороны, не могло быть и речи. Арабские государства, чьей

поддержкой, политической и экономической, пытался заручиться Д. Дудаев в своих поездках, не могли себе позволить юридического признания независимости Чечни без консультаций с Москвой, не говоря уже о странах Европы. Осознавая это обстоятельство Джохар Дудаев искал возможности встречи с президентом России, он считал, что сможет донести до Б. Ельцина свою точку зрения о политическом будущем Чечни.

Также Дудаев выражал готовность стать союзником России в построении нового демократического государства, о чем он неоднократно указывал в своих интервью в СМИ и в телеграммах, направляемых Б.Н. Ельцину. Наивно полагать, что Москва приняла бы решение о признании суверенитета Чечни, так как это могло бы усилить сепаратистские настроения в ряде национальных республик, например, в Татарстане. Пойти на такой шаг Центр не мог, но и решить чеченский вопрос на ранних этапах кризиса путем конкретных мер или договоренностей с Дудаевым руководству России не удалось. Можно рассматривать множество различных причин, в том числе из «теорий заговора», но нельзя забывать, в какой ситуации находилась страна в целом, после распада СССР. Сепаратистские настроения можно было наблюдать в различных регионах страны, а не только на Северном Кавказа. Но более остро данный вопрос возник именно в Чеченской Республике.

Истоки возникновения сепаратизма в Чечне в период 1991 г. также тесно связаны с историческим прошлым чеченцев. Из комплекса причин можно выделить два фактора: социально-экономический и истори-

ко-политический. В течение десятилетий сельскохозяйственные районы Чечено-Ингушетии оставались аграрным придатком нефтедобывающей и нефтехимической промышленности города Грозного. Кадровая политика советской администрации поощряла приток в грозненский нефтепромышленный район квалифицированной рабочей силы из центральной России, но фактически препятствовала в этом чеченцам и ингушам. В результате такой пагубной политики, выстроенной в СССР по отношению к чеченцам, в сельских районах Чечни образовалось большое количество безработных молодых людей, которые вынуждены были выезжать на так называемые «шабашные» сезонные работы практически по всему СССР. К 1991 г. количество «сельского населения» в Чечено-Ингушетии превысило более 100 тыс. человек, т.е. приблизительно 20% трудоспособного населения.

Часть этих людей вскоре станут сторонниками выхода из состава России и «ударной» силой развернувшегося «народного движения». Кроме национальных чувств, они рассчитывали и на социальное благополучие, чем и воспользовались сторонники независимости. Социальная инфраструктура оставалась неразвитой, прежде всего в сельских районах Чечни, многие села были без больниц, школ, газа, дорог, т.е. без индустрии услуг, которая делает жизнь качественно иной. Настоящей проблемой чеченцев и ингушей была безработица, результатом стало массовое отходничество, спекуляция и рост преступности.

На протяжении многих поколений Кавказская война в лице царской России против горцев, а затем – массовая

депортация в 1944 г. при советской власти наложили свой отпечаток на формирование чеченского менталитета. Сказанному, разумеется, не противоречит тот факт, что между многими представителями чеченского и русского народов всегда существовали вполне мирные и дружеские связи, они существуют и сегодня, несмотря на то, что определенные силы желают обратного. За несколько веков тесных взаимоотношений русский язык стал для чеченцев, как и других народов бывшего Союза, вторым родным языком, а русская культура способствовала развитию национальной культуры вайнахов. Однако негативный опыт политических отношений с государством на фоне развала СССР и «парада суверенитетов» зародил у определенной части чеченского общества стремление к независимости. У российского и союзного руководства не было единой идеологии, единого правового, политического и социального понимания событий в Чечне. Чечня впитала интересы многих сил, которым конфликт был выгоден по разным причинам, прежде всего сугубо корыстным.

Таким образом, можно сделать вывод, что московские власти не были в состоянии проанализировать и дать правильную оценку процессам политического характера, которые происходили в Чечне в начале 1990–1991 гг., была допущена цепь политических ошибок, которые повлекли за собой трагические последствия. В окружении Ельцина не нашлось человека, который отважился бы открыть ему глаза на истинное положение вещей [10]. Связано это, вероятно, с тем, что в самой столице шла ожесточённая борьба за власть и за места в кабинетах после

распада СССР, старая и новая номенклатура принялась бороться за «место под солнцем». Сторонники Д. Дудаева выбрали наиболее подходящий момент для захвата власти в республике, воспользовавшись политическим кризисом управления в центре, утратой контроля и ослабления рычагов давления со стороны правоохранительной системы.

Нет сомнения в том, что вся оперативная информация о ситуации в республике докладывалась в Москву. Но на тот момент в силу разных причин, прежде всего отсутствия политической воли и способности взять на себя ответственность повлиять на ситуацию, никто не смог воспрепятствовать к приходу к власти людей, далеких от забот о благополучии жителей республики. Политика не терпит эмоций, и успеха в ней добиваются те, кто умеет договариваться и ждать момента для решающих аргументов. Именно этого чеченцы ждали от Джохара Дудаева – что он договорится с Москвой и республика пойдет по самому приемлемому пути развития.

Надо отметить, что в ближайшем окружении Дудаева находились люди крайне недалёковидные в политическом отношении, не способные проявить гибкость и дипломатию в отношениях с Россией, многие решения принимались на эмоциональном уровне, отталкиваясь от событий прошлого. Схожая ситуация была и в команде Б. Ельцина: люди, которые были рядом с ним и принимали решения, ничего не знали о Чечне и чеченцах как об этносе, не было понимания менталитета чеченцев для принятия верных решений. Что касается позиции Б.Н. Ельцина, то порой создавалось впечатление,

что он временами вообще терял связь с внешним миром и не мог адекватно оценить происходящее вокруг, а тем более решать вопросы государственного масштаба.

Конфликт был отчасти инициирован людьми радикальных взглядов под лозунгами национального самоопределения. Аргументацией для мобилизации населения республики послужили главным образом прошлые

исторические травмы. Москва долго закрывала глаза на все происходящее в Чечне – вплоть до конца 1994 г. Дальнейшие попытки вернуть регион в российское правовое поле обернулись большой трагедией для России и Чечни. В этом контексте вспоминаются слова А.А. Громыко: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Статья поступила в редакцию 12.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Гакаев Д.Д. Путь к Чеченской революции // Чечня и Россия: общества и государства. М.: Полиформ-Талбури, 1999. С. 150–177.
2. Галустян А., Мурадов М., Кулагина А., Мироненко П., Бычкова Ю. Первая война / Коммерсантъ [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2630476> (дата обращения: 18.11.2017).
3. Гордон Д.И. Березовский и Коржаков. Кремлевские тайны. М.: Алгоритм, 2013. 190 с.
4. Каримов А.А. Ахмат Кадыров. Киев: ООО «Юнивест Препресс», 2008. 712 с.
5. Коган-Ясный В.В. Политический аспект отношений федеральных органов власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990–1994 гг. / Мемориал [сайт]. – URL: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi/kogan.htm> (дата обращения: 06.11.2017).
6. Крутиков Е. Чеченскую катастрофу можно было предотвратить // Деловая газета «Взгляд», 2016. 6 сент.
7. Кульчик Ю.Г. Некоторые аспекты чеченского кризиса // Политический мониторинг ИГПИ. 1994. № 12.
8. Новиков Ю.Д. Россия и Чечня: 1990–1997 годы: документы свидетельствуют. М.: РАУ-Университет, 1997. 264 с.
9. Орлов О.П., Черкасов А.В. (сост.) Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. М.: Звенья, 1998. 400 с.
10. Потёмкин И.А. По следам «Тяжелых звезд» генерала армии Куликова. Документальный очерк. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2011. 288 с.
11. Усманов Л. Непокоренная Чечня. М.: Парус, 1997. 414 с.

REFERENCES

1. Gakaev D.D. Put' k Chechenskoi revolyutsii [The road to the Chechen revolution]. In: *Chechnya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Chechnya and Russia: society and state]. Moscow, Polinform-Talbuli Publ., 1999, pp. 150–177.
2. Galustyan A., Muradov M., Kulagina A., Mironenko P., Bychkova Yu. Pervaya voyna [The first war]. In: *Kommersant* [website]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2630476> (accessed: 18.11.2017).
3. Gordon D.I. Berezovskii i Korzhakov. Kremlevskie tainy [Berezovsky and Korzhakov. Kremlin secrets]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 190 p.
4. Karimov A.A. Akhmat Kadyrov. Kiev, ООО «Yunivest PrePress» Publ., 2008. 712 p.
5. Kogan-Yasnyi V.V. Politicheskii aspekt otnoshenii federal'nykh organov vlasti Rossiiskoi

- Federatsii s Chechenskoj Respublikoi v 1990–1994 gg. [The political aspect of relations between the Federal authorities of the Russian Federation with the Chechen Republic in 1990–1994]. In: Memorial [website]. Available at: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi/kogan.htm> (accessed: 06.11.2017).
6. Krutikov E. Chechenskuyu katastrofu možno bylo predotvratit' (The Chechen catastrophe could have been prevented). In: *Delovaya gazeta «Vzglyad»*, 2016, 6 Sep.
 7. Kul'chik Yu.G. [Some aspects of the Chechen crisis]. In: *Politicheskii monitoring IGPI*, 1994, no. 12.
 8. Novikov Yu.D. Rossiya i Chechnya: 1990–1997 gody: dokumenty svidetel'stvuyut [Russia and Chechnya: 1990–1997: documents testify]. Moscow, RAU-Universitet Publ., 1997. 264 p.
 9. Orlov O.P., Cherkasov A.V. Rossiya-Chechnya: tsep' oshibok i prestuplenii [Russia-Chechnya: chain of mistakes and crimes]. Moscow, Zven'ya Publ., 1998. 400 p.
 10. Potemkin I.A. Po sledam «Tyazhelykh zvezd» generala armii Kulikova. Dokumental'nyi ocherk [On the tracks of General of the army Kulikov's "Heavy stars". Documentary essay]. Moscow, IPO «U Nikitskikh vorot» Publ., 2011. 288 p.
 11. Usmanov L. Nepokorennaya Chechnya [Unsubdued Chechnya]. Moscow, Parus Publ., 1997. 414 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайхаев Тимур Исмаилович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: inter007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timur I. Shaykhaev – post-graduate student of the Department of Contemporary Russian History, Moscow State Regional University;
e-mail: inter007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шайхаев Т.И. Политическая ситуация в Чеченской республике 1990–1991 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 132–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-132-142

FOR CITATION

T. Shaykhaev. Political Situation of 1990–1991 in the Chechen Republic 'The Way to the Chechen Revolution'. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no 2, pp. 132–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-132-142

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-143-151

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Мартынов Е.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуются проблемы политического функционала социальной рекламы в ракурсе зарубежного опыта. Показано, что социальная реклама имеет во многих странах именно политические функции по определенной причине – основной импульс ей сообщает государство. Либо это происходит при активном сотрудничестве государственного и коммерческого секторов. Среди политических функций социальной рекламы выделяются: функция легитимации власти и существующего общественного порядка; политико-аксиологическая; гражданско-патриотическая; электоральная и лоббистская функции. Автор анализирует, каким образом социальная реклама формирует политическую повестку в США, Китае, Японии, Южной Корее, Германии, Франции и Швейцарии. Делается вывод, что в настоящее время существует серьезный риск целенаправленной политизации социальных рекламных сюжетов, способной закреплять устойчивые негативные политические стереотипы, «образы врага» в обществе.

Ключевые слова: социальная реклама, политические функции, мировой опыт, политика, общественное сознание.

POLITICAL FUNCTIONS OF SOCIAL ADVERTISING: WORLD EXPERIENCE

E. Martynov

*Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of political functionality of social advertising in the perspective of foreign experience. It is shown that social advertising has political functions in many countries for a certain reason – the main impulse is reported by the state. Otherwise it happens with active cooperation of the state and commercial sectors. Among the political functions of social advertising there are: the function of the power and the existing public order legitimization; political-axiological; civil-patriotic; electoral and lobbying functions.

© СС BY Мартынов Е.В., 2018.

The author analyzes the way social advertising shapes the political agenda in the United States, China, Japan, South Korea, Germany, France and Switzerland. It is concluded that at present there is a serious risk of purposeful politicization of social advertising subjects, which can consolidate stable negative political stereotypes, "images of the enemy" in society.

Key words: social advertising, political functions, world experience, politics, public consciousness.

Основная цель социальной рекламы в любой современной стране – убедить адресата изменить его модель общественного поведения. Но достижение данной цели напрямую сопрягается с типично политической сферой и типично политическими явлениями – государством, политической культурой, политической повесткой, политической пропагандой и партийно-электоральной деятельностью. Поэтому настоящая работа будет ориентирована на исследование проблемы политического функционала социальной рекламы в ракурсе зарубежного опыта.

В качестве методологической основы автором избраны принципы сравнительного анализа. Необходимо разобраться, как совершенно неполитическая форма рекламы служит конкретным политическим, властным задачам. Прежде всего, важно определить сами политические функции социальной рекламы.

Среди политических функций социальной рекламы можно, во-первых, выделить функцию легитимации власти и существующего общественного порядка. Эта функция служит для поддержания сложившейся политической системы и политического режима в конкретной стране. Она, прежде всего, нацелена на формирование обратной связи между властью и гражданами и создание между ними доверия традиционными и инновационными

способами – от специальных институциональных учреждений, нормативных механизмов до электронного правительства. Вместе с тем следует помнить, что стратегической задачей любой социальной рекламы, затрагивающей политические струны жизни общества, является формирование конкретной политической повестки [11, с. 44–78]. Определение политической повестки через политизацию государством социально значимых тем происходит через разнообразные программы, медийную политику правительства, коммуникации.

Во-вторых, следует назвать политико-аксиологическую функцию, которая отвечает за распространение в гражданских массах тех политических традиций, политико-сакральных матриц, символов, ценностей и устоев, которые воспроизводят определенную модель общественных и политических отношений [1; 2]. К примеру, в США органичным компонентом социальной рекламы могут являться такие политические символы, как государственный флаг, герб, исторические государственные деятели. Аналогичными задачами занимается коммунистическая партия в КНР.

В-третьих, гражданско-патриотическая функция служит конкретным идентификационным целям. Сама она по себе, без политико-аксиологической составляющей, – бесполезна. Ее миссия – создать эффективный про-

пагандистский механизм на принципах единой воспитательной политики, способной связать на основе общей истории прошлые, настоящие и будущие поколения страны. Итогом является формирование той или иной гражданской идентичности, преодолевающей этнические и религиозные различия. Либо формируется патриотическая повестка, призванная, к примеру, поддержать внешнюю политику государства.

В-четвертых, в тех странах, где есть выборная парламентская система и партийная конкуренция, социальная реклама обладает электоральной функцией, которая означает латентное воздействие скрытой политической рекламы на целевые группы электората. Наконец, в-пятых, лоббистская функция социальной рекламы нацелена на продвижение интересов конкретных групп либо политиков [6, с. 75–84]. Например, когда какая-либо группа населения начинает осознавать связь своего благополучия и состояния окружающей среды, в политической повестке активизируется экологическая повестка.

В различных странах данные политические функции социальной рекламы представлены по-своему, что, в первую очередь, зависит от специфики их общественных процессов и проблем. Примечательно, что социальная реклама как феномен довольно рано зародилась в Соединенных Штатах Америки. Именно там в 1906 г. появилась экологическая повестка, ориентированная на защиту Ниагарского водопада против деятельности энергетических кампаний. Одновременно обозначилась и лоббистская функция. Гражданско-патриотическая функция

американской социальной рекламы хорошо видна уже на примере плакатов столетней давности, времен Первой мировой войны («I want YOU for U.S. Army» – «Ты нужен армии США»), на которых персонаж «дядя Сэм» призывал новобранцев вступить в вооруженные силы. На этом фоне заслуживает интереса тот факт, что созданный в США в 1942 г. для вербовки в армию новобранцев специальный Рекламный совет после окончания войны переориентировался на задачи координации социальной рекламы. Как видно, государство и социальная реклама всегда тесно переплетались в США через политический функционал. Кстати, американская антинаркотическая пропаганда также стала сильно увязываться с политическими ориентирами после 11 сентября 2001 г., когда запущенные рекламные ролики стали включать следующее сообщение: «Покупая наркотики, вы помогаете террористам» [3, с. 34–36].

Даже при первичном знакомстве с научной проблемой становится ясно, что социальная реклама имеет во многих странах именно политические функции по определенной причине – основной импульс ей сообщает не частный сектор, а именно государство. Так, в современной Японии, как пишет А.С. Паначева, государство выполняет функцию стабилизации политической сферы, в том числе через социальную рекламу. В этой стране с 1971 г. работает Совет по рекламе Японии, занятый бесплатным размещением социальной рекламы от имени как государственных, так и некоммерческих организаций в местных массмедиа [9, с. 101–103]. Южная Корея также пошла на государственное регулирование со-

циальной рекламы в стране. Здесь с 1981 г. функционирует Корейская корпорация по размещению рекламы на телевидении и радио (КОВАСО), входящая в систему Министерства культуры, спорта и туризма [5, с. 54–58]. Политико-аксиологическая компонента корейской социальной рекламы сильно менялась от смены вектора государственной демографической политики: если в 1983 г. в стране проводилась кампания «Одного достаточно», направленная на снижение рождаемости, то спустя двадцать лет, в условиях «демографической зимы», с 2013 г. правительством была инициирована кампания «Мы стареем, Корею нужны дети».

Несмотря на то, что социальная реклама пока находится в Китае не на таком уровне, как, например, политическая или коммерческая, она все равно наращивает свое значение путем подключения к типично политическим задачам государства. Так, с 2003 г. Отделом пропаганды ЦК КПК и рядом ведомств был предусмотрен новый медийный порядок, согласно которому во всех средствах массовой коммуникации (в том числе и интернет-ресурсах) должно быть не меньше 3% социальных рекламных сообщений. Подобная политика государства видна на примере актуализации проблемы пенсионного обеспечения китайских пенсионеров. Дело в том, что местные политики обеспокоены угрозой будущей диспропорции между пенсионерами и работающими гражданами. Если правительству не предпринимать никаких шагов, то работающие слои не смогут в необходимом объеме обеспечить финансовые отчисления в пенсионную сферу. Поэтому населению

объясняются специальные проекты по пенсионной реформе (к примеру, распространяется сообщение «Пенсия обеспечивает вашу жизнь, как ваш сын») [13, с. 14–17]. Также китайское правительство запустило рекламные ролики о повседневных заботах и занятиях пенсионеров. Тем самым в обществе формируется образ социально одобряемого поведения, важности семейных ценностей.

Хотя китайская социальная реклама не выделяется какими-либо захватывающими сюжетами, спецэффектами, уступая в этом плане рекламе коммерческой, все же поднимающиеся в ней простые жизненные ситуации, проблемы общества серьезно и неподдельно привлекают внимание аудитории. Мало того, в китайских школах стараются показывать обычные жизненные ситуации, воспитывая семейные ценности. Есть и реклама, нацеленная на молодежь, которая ушла из деревни на заработки в города. Ее сюжеты призывают не забывать свои родные места и вернуться домой, проводить с семьями и родителями больше времени. К примеру, известен ролик «Уход за стареющими родителями». В нем сын, учащий пожилого отца водить автомобиль, проявляет нетерпение и раздражительность. Затем звучит песня, которая вызывает в нем воспоминания о том, как отец учил его кататься на велосипеде, заботился о нем и всячески подбадривал. В итоге сын осознает контраст ситуаций и меняет свое поведение по отношению к отцу. Поднимается и тема детства. Так, в другом ролике обыгрывается проблема загруженности ребенка всевозможными кружками, художественной гимнастикой, танцами. В ролике

уставшая девочка засыпает в машине, и в финальном кадре возникает слоган «Давайте вернем детям воскресенье!».

В ролике «Цивилизованное путешествие от Панды» любимцы китайцев панды изображаются наглыми и хамоватыми туристами, бесконечно толкающимися и раздражающими граждан тех стран, куда они приезжают [10, с. 340–343]. Этим самым актуализируется важная проблема международного политического имиджа Китая через поведение каждого отдельного китайского туриста, который должен осознавать собственную ответственность за репутацию своей страны за рубежом, не создавать негативных, вредящих КНР стереотипов. Поэтому ролики учат китайских путешественников вести себя уважительно, благопристойно в других странах. Политические функции социальной рекламы Китая очевидны по той причине, что ее тематику, сценарии и механизм распространения контролирует коммунистическая партия. Гражданско-патриотическая функция китайской социальной рекламы раскрывается и в приеме связи разных поколений.

Функцию легитимации власти и существования общественного порядка можно отметить на примере работы социальной рекламы в современной Германии. К примеру, здесь в свое время появились плакаты («Heimat bist du grosser Fluechtlinge»), где вместе с немцами изображаются беженцы с Ближнего Востока. Реклама ориентирована на формирование толерантного отношения к мигрантам и единой гражданской идентичности, преодолевающей конфессиональные, этнические и социальные различия [8, с. 108–112]. Схожая повестка муссируется в соци-

альной рекламе Франции, где подчеркивается необходимость расовой терпимости, уважения к иной культуре и ценностям. Что довольно актуально для данной страны, где усилились миграционные потоки с Ближнего Востока и Африки, а также возросла террористическая опасность [4, с. 116–121]. Социальная реклама подобного рода нацелена на смягчение межконфессиональной, межрасовой и межэтнической напряженности между группами населения, особенно в крупных городах. К примеру, известен слоган французской рекламы «Цвет нашей кожи не должен больше определять наше будущее» («Notre couleur de peau ne doit plus déterminer notre avenir»).

Вместе с тем в европейских странах рекламной сферой поднимаются и другие социально важные темы. К примеру, в последнее время немецкая социальная реклама нацелена на освещение проблематики эмансипации женщин, равенства полов. Что видно на фоне актуализации электоральной функции социальной рекламы, ориентированной, во-первых, на формирование новой эмансипированной политической повестки и, во-вторых, на таргетирование прочных целевых аудиторий поддержки для политических партий.

С 1980-х гг. женские образы стали активно использоваться немецкими партиями ФРГ в непривычных до того мужских амплуа. Так, плакат партии Христианско-демократического союза Германии (ХДС) «Выходи из своего левого угла!» («Komm aus deiner linken Ecke!») изображал девушку в боксерских перчатках на ринге со знаком ХДС, вызывающей политических конкурентов на бой. Кстати, в ГДР,

также с того времени, коммунистическая партия стала усиливать женский образ в своей электоральной пропаганде [12, с. 126–129]. Правда, здесь не было агрессивного продвижения темы эмансипации, фактор пола отодвигался на второстепенный план, уступая образу женщины-работницы. Женский облик даже характеризовался определенной аскетичностью. Таким образом, электоральную функцию социальной рекламы в ГДР невозможно рассматривать в отрыве от функции политико-аксиологической (например, доярка изображалась на плакате «Социализму принадлежит будущее!» («Dem Sozialismus gehört die Zukunft!»)).

В 1999 г. (Год женщины) демократические немецкие силы уже объединенной Германии создали специальные коллажи, которые должны были привлечь внимание общественности к теме предрассудков (например, на плакате «Предвзгляд: у женщин ограниченный кругозор» («Vorurteil: Frauen haben einen beschränkten Horizont»)) была изображена женщина с каструлей на голове, что подчеркивало ограниченность возможностей женщин из-за занятости домашним хозяйством). Современными немецкими политиками образ эмансипированной женщины наделяется признаками, типичными для сильного пола – решительностью, независимостью, предприимчивостью. Тем самым политические силы Германии учитывают электоральные тренды своей страны и стараются привлечь внимание новых целевых аудиторий.

Явный политический подтекст имеет современная социальная реклама Швейцарии. Здесь примечателен эффект целенаправленной политизации

социальных рекламных сюжетов для воспроизводства устойчивых на Западе политических стереотипов с одновременной решительной борьбой против стереотипов социальных. С одной стороны, ничего предосудительного в такой рекламе нет. Она направлена против домашнего насилия в семье, особенно против жестокости в отношении женщин. Линейку плакатов со слоганом «Если ваш супруг оказался тираном» запустила местная организация Frauenzentrale Zürich [7]. Акция проходила в рамках кампании 2015 г. «16 дней против насилия» и была приурочена к конкретным датам – Международному дню прав человека, 10 декабря, и Международному дню за ликвидацию насилия в отношении женщин, 25 ноября.

Однако специфика довольно грубой политизации социальной рекламы заключается в том, что здесь в виде «образа врага» и тиранов показываются конкретные политические деятели – Муаммар Каддафи, Саддам Хуссейн и Иосиф Сталин. При этом западные политики в виде тиранов в швейцарской рекламе не фигурируют. Важно подчеркнуть, что такая рекламная технология поддерживает негативные стереотипы среди граждан западных государств по отношению к жителям тех стран, которые ассоциируются с представленными образами тиранов.

Подводя итоги, важно отметить, что социальная реклама имеет во многих странах именно политические функции по определенной причине – основной импульс ей сообщает не частный сектор, а государство. Либо это происходит при активном сотрудничестве государственного и коммерческого акторов. При этом среди

политических функций социальной рекламы можно выявить следующие: легитимацию власти и существующего общественного порядка; политико-аксиологическую; гражданско-патриотическую; электоральную и лоббистскую функцию. Конечно, в разных современных государствах перечисленные политические функции социальной рекламы представлены по-своему, что,

в первую очередь, зависит от специфики их общественных процессов и отношений. Между тем грубая политизация социальных проблем может привести к тому, что социальная реклама станет механизмом по созданию и закреплению негативных стереотипов.

Статья поступила в редакцию 27.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.
2. Багдасарян В.Э. Ценностные основания государственной политики. М.: ИНФРА-М, 2018. 286 с.
3. Базаров А.Б. История развития социальной рекламы в России и США // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности Материалы II Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ. 2013. С. 34–36.
4. Борискина А.Н., Храмова А.Д., Рольгайзер А.А. Особенности французской социальной рекламы // Концепт. 2017. № 1. С. 116–121.
5. Гладких Н.Ю., Вайнер В.Л. Особенности модели функционирования социальной рекламы Южной Кореи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 3-2 (41). С. 54–58.
6. Гомельская В.Ю. Политические функции социальной рекламы в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 75–84.
7. Домашние тираны. Социальная реклама против семейного насилия // 2social [сайт]. – URL: <http://www.2social.info/domashnie-tiranyi-sotsialnaya-reklama-protiv-semejnego-nasilija/> (дата обращения: 07.02.2018).
8. Жердева О.Н., Буряк А.В., Романова М.А., Жердев А.Е. Социальная реклама: психолингвистический аспект (на примере социальной рекламы в Алтайском крае и Германии) // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 3 (11). С. 108–112.
9. Паначева А.С. Проблематика социальной рекламы в Японии // Экономика и менеджмент: от теории к практике. Ростов-на-Дону. 2015. С. 101–103.
10. Троценко Л.А., Хуан М. Социальная реклама на китайском телевидении // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т.7. № 2. С. 340–343.
11. Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 44–78.
12. Филиппова А.В. Стереотипизация образа женщины в политической прессе Германии мирного времени (на примере креолизованных текстов) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 126–129.
13. Чжан Ж. Социальная реклама в Китае как инструмент государственной социальной политики // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 4. С. 14–17.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Vysshie tsennosti rossiiskogo gosudarstva [The highest values of the Russian state]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012. 624 p.
2. Bagdasaryan V.E. Tsennostnye osnovaniya gosudarstvennoi politiki [Normative foundations for the state policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 286 p.
3. Bazarov A.B. Istoriya razvitiya sotsial'noi reklamy v Rossii i SSHA [The history of social advertising development in Russia and the United States]. In: *Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Forms and methods of social work in various spheres of life: Proceedings of the II International scientific-practical conference]. Ulan-Ude, 2013. pp. 34–36.
4. Boriskina A.N., Khrantsova A.D., Rol'gaizer A.A. [The peculiarities of the French social advertising] In: *Kontsept*, 2017, no. 1, pp. 116–121.
5. Gladkikh N.Yu., Vainer V.L. [The model of social advertising functioning in South Korea]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 3–2 (41), pp. 54–58.
6. Gomel'skaya V.Yu. [Political functions of social advertising in Russia today]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 6, pp. 75–84.
7. Domashnie tirany. Sotsial'naya reklama protiv semeinogo nasiliya [Domestic tyrants. Social advertising against family violence]. In: *2social* [website]. Available at: <http://www.2social.info/domashnie-tiranyi-sotsialnaya-reklama-protiv-semejnego-nasiliya/> (accessed: 07.02.2018).
8. Zherdeva O.N., Buryak A.V., Romanova M.A., Zherdev A.E. [Social advertising: a psycholinguistic aspect (on the example of social advertising in the Altai region and Germany)]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2017, no. 3 (11), pp. 108–112.
9. Panacheva A.S. Problematika sotsial'noi reklamy v Yaponii [Perspectives of social advertising in Japan]. In: *Ekonomika i menedzhment: ot teorii k praktike* [Economics and management: from theory to practice]. Rostov-on-don, 2015. pp. 101–103.
10. Trotsenko L.A., Khuan M. [Social advertising on the Chinese TV]. In: *Uchenye zametki TOGU*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 340–343.
11. Fedorchenko S.N. [Political coding: the problem and comparative studies of communication technologies management of mass consciousness]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 44–78.
12. Filippova A.V. [Stereotyping the image of women in the political press of Germany in peacetime (on the example of creolized texts)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, no. 7 (148), pp. 126–129.
13. Chzhan Zh. [Social advertising in China as an instrument of state social policy]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, 2010, no. 4, pp. 14–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынов Евгений Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: 89857745543@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Martynov – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Moscow Region State University;
e-mail: 89857745543@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мартынов Е. В. Политические функции социальной рекламы: мировой опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 143–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-143-151

FOR CITATION

E. Martynov. Political Functions of Social Advertising: World Experience. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 2, pp. 143–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-143-151

УДК 327;325.2:34

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-152-160

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Ревазова М.И.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы обеспечения прав и интересов российских соотечественников за рубежом после распада СССР. Проведен анализ политико-правовых средств, применяемых Россией для урегулирования положения соотечественников за рубежом и их переселения в Россию, дана оценка эффективности данных норм. Отмечены положительные тенденции в решении проблем соотечественников. Рассмотрены профильное законодательство, дипломатическая работа в рамках международных организаций, реализация Программы добровольного переселения соотечественников, усиление интеграционных процессов на евразийском пространстве и проведение мероприятий, направленных на формирование позитивного имиджа России. По заключению автора, всестороннее обеспечения прав и интересов российских соотечественников станет возможным только после отказа Запада от политики «двойных стандартов» в защите прав человека, поскольку главным препятствием формирования и развития «русского мира» являются геополитические интересы Запада.

Ключевые слова: Россия, республики бывшего СССР, международные отношения, «русский мир», законодательство о правах соотечественников.

POLITICAL-LEGAL MEANS OF ENSURING THE RIGHTS AND INTERESTS OF COMPATRIOTS

M. Revazova*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problems of ensuring the rights and interests of Russian compatriots abroad after disintegration of the USSR. The article examines political and legal means used by Russia to resolve the situation of compatriots abroad and their resettlement in Russia. The effectiveness of these norms is also evaluated. The article underlines the positive trends in solving the problems of compatriots. In particular, the improvement and development of relevant legislation is indicated, as well as the diplomatic efforts in the framework of international organizations, and the implementation of the Program of voluntary resettlement of compatriots. The issues of strengthening of integration processes in the Eurasian space and implementation of measures aimed at formation of positive image of Russia within the country and abroad are scrutinized. However, in the opinion of the author, comprehensive securing of

Russian compatriots' rights and interests will be possible only after the failure of the West's policy of double standards in human rights protection as the geopolitical interests of the USA and some countries of Western Europe are the main obstacle to the formation and development of the "Russian world".

Key words: Russia, the republics of the former USSR, the "Russian world", legislation on the rights of compatriots.

Проблема обеспечения прав и интересов соотечественников стала для России особенно актуальной после распада Советского Союза. Президент России В.В. Путин в своем интервью американскому режиссеру О. Стоуну заявил, что считает это событие величайшей геополитической катастрофой XX века, поскольку «25 миллионов русских людей в одну ночь оказались за границей» [10]. Стоит отметить, что при этом были нарушены права и законные интересы соотечественников, восстановить которые Российской Федерации как государству – правопреемнику СССР – в полной мере не удастся и сегодня. Достаточно привести в пример ситуацию с правами русскоязычного населения в Молдавии, Прибалтике или на Украине, чтобы понять, насколько сложной и важной сегодня является рассматриваемая в настоящей статье проблема.

Социально-правовое положение соотечественников неодинаково на постсоветском пространстве. В ряде бывших советских республик представители российской диаспоры лишены гражданских прав и имеют статус не граждан, на территории других республик ущемляются их права, связанные с получением образования на русском языке, трудоустройством, улучшением жилищных условий, получением социальной поддержки от государства и т.д. Целью статьи является изучение политико-правовых средств обеспече-

ния прав и интересов соотечественников.

В своем анализе автор опирается на труды Л.Н. Васильевой [1], В.Г. Егорова, В.В. Колесова [3], Т.В. Удалой [14] и других. Эти авторы выявили и систематизировали многие правовые, социально-экономические и культурные проблемы, с которыми ежедневно сталкиваются соотечественники за рубежом, и предложили пути их решения.

Вскоре после распада СССР обеспечение правового положения русскоязычного населения в бывших советских республиках планировалось обеспечить посредством системы двойного гражданства. Однако данная идея не получила своего развития, поскольку новые независимые государства потребовали, чтобы проживающие в них люди были или гражданами, или иностранцами. В этих условиях русскоязычное население приняло гражданство страны пребывания. Именно поэтому идея российского гражданства близких по духу и родственным связям россиянам соотечественников дезавуировалась. Такая ситуация обусловила необходимость для России выстраивать особую политику в отношении диаспоры ближнего зарубежья.

Выступая на Конгрессе соотечественников в Москве в 2001 г., Президент РФ В.В. Путин отметил [2], что понятие «соотечественник» не являет-

ся исключительно юридической категорией, подразумевающей определенный статус или выплату льгот. Этот термин отображает духовное самоопределение и личный выбор человека, поскольку «русский мир» всегда выходит далеко за пределы территории государства и границы русского этноса.

В соответствии с российским законодательством «соотечественник» представляет собой лицо, проживающее за рубежом, которое не обязательно имеет российское гражданство, но отличается от иностранного гражданина в первую очередь тем, что является носителем русского языка, сохраняет культурную самобытность, почитает обычаи и традиции Российского государства, подтвердившего право соотечественников полагаться на его защиту [1, с. 55]. В целях сохранения самобытности российские соотечественники за рубежом создают свои национально-культурные автономии, поддерживаемые Россией.

В России сегодня действует законы, регулирующие защиту прав и интересов соотечественников. Основными из них являются: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ, Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ, Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 г. № 4528-1-ФЗ, Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19.02.1993 г. № 4530-1. Проблема подтверждения принадлежности к российскому гражданству является весьма острой для России как государства – правопреемника СССР. Государству пришлось заняться обеспечением

правового положения своих этнических соотечественников в республиках на постсоветском пространстве. Федеральный закон о гражданстве предоставил лицам этой категории упрощенный порядок получения российского гражданства, поскольку в большинстве своём бывшие республики СССР взяли курс на моноэтничность. Основной целью упрощенной процедуры получения гражданства стало недопущение ухудшения правового положения людей, которые постоянно проживают в странах постсоветского пространства. В реализации этой социальной задачи заключается современная политика России в отношении соотечественников за рубежом. Это обязательство государства отражено в Конституции РФ. Государственная дума ФС РФ в 1995 г. приняла Декларацию о поддержке российской диаспоры и покровительстве российским соотечественникам (Постановление от 8. 12.1995 г. № 1476-1 ГД). Правительство РФ в 1996 г. утвердило Программу мер по поддержке соотечественников за рубежом (Постановление от 17.05.1996 г. № 590). Позже был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ.

Следует заметить, что благодаря действующей нормативно-правовой базе удалось осуществить на практике много конструктивных программ, направленных на продвижение русской культуры и языка на территории государств СНГ; активизировать поддержку соотечественников; усилить интеграционные процессы на евразийском пространстве, в том числе в гуманитарной сфере. В 2006 г. была

утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента РФ от 14.09.2012 г. № 1289). Для реализации программы и обеспечения соответствующего административно-правового механизма был принят Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ.

По Программе добровольного переселения соотечественников в Россию в период с 2007 по 2016 гг. вернулись 584,9 тыс. человек, которые переселились из Казахстана, Украины, Молдавии, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Киргизии. Только в первой половине 2017 г. в страну въехали 71,4 тыс. соотечественников [12].

В целом следует отметить, что применяемые Россией правовые средства обеспечения прав и интересов соотечественников дают определенные результаты, которые с каждым годом становятся все более заметными. Вместе с тем количество проблем у соотечественников, проживающих за рубежом, также стремительно увеличивается. Это связано с проводимой в бывших республиках СССР политической и общей нестабильностью международных отношений. В этой связи очевидно, что государству следует и дальше совершенствовать свое законодательство в пользу упрощения процедуры добровольного переселения соотечественников и предоставления им необходимой для этого помощи и поддержки. Однако не менее важно концентрировать усилия на повышении эффективности политических ме-

ханизмов решения имеющихся в рассматриваемой области проблем.

На политическом уровне Россия в рамках международных организаций, прежде всего ООН, регулярно обращает внимание мировой общественности на недопустимость ущемления прав и интересов русскоязычного населения за рубежом, ограничения его правового статуса и социально-экономического положения. В 2011–2014 гг. МИД РФ выпустил ряд ежегодных докладов о нарушении прав человека в разных государствах мира. Это ведомство и его структурные подразделения регулярно публикуют на своих информационных ресурсах рекомендации и претензии международных организаций к Латвии [7], Эстонии [8] и другим странам, в связи с нарушением прав национальных меньшинств. В Государственной Думе ФС РФ в мае 2012 г. проходили слушания о правах человека в ЕС [6]. Все современные политические и дипломатические подходы России к урегулированию рассматриваемой проблемы исходят из необходимости как можно скорее наладить с государствами, где происходит нарушение прав и интересов соотечественников, конструктивный диалог по улучшению положения в них русскоязычного населения. Вместе с тем МИД РФ прямо указывает на несоблюдение властями бывших советских республик рекомендаций компетентных международных организаций (ООН, Совета Европы и других) [11]. В связи с этим можно констатировать, что большая часть политических усилий России по защите прав и интересов своих соотечественников за рубежом, к сожалению, не приводит к реальному практическому результату.

Такое положение дел обусловлено нестабильностью системы международных отношений и многополярного мирового порядка. В сущности, страны Запада и Россия находятся в состоянии конфронтации, поскольку первые стараются всеми силами и средствами воспрепятствовать трансформации однополярного мира. Конфликт интересов с каждым годом становится все более очевидным. В такой ситуации (особенно после объявленных в 2014 г. антироссийских санкций) проблема обеспечения прав и интересов русскоязычного населения становится одним из рычагов влияния Запада на Россию. Именно поэтому западные государства в международных организациях попустительствуют притеснению российских соотечественников. В ситуации противостояния России Запад ищет любую удобную возможность, чтобы нанести максимальный урон противостоящей стороне, разобщить ее народ и дестабилизировать политическую обстановку внутри страны [4]. Собственно, это и есть цель современных антироссийских санкций. По мнению главы «Роснефти» И.И. Сечина, санкции против России вводились для того, чтобы оказать воздействие на выборы Президента РФ в марте 2018 г. [9]. Выход из сложившейся ситуации может быть в активизации усилий, направленных на создание региональных союзов, например БРИКС и других объединений, вокруг позиций укрепления формирующегося многополярного мира. Иными словами, до тех пор, пока многополярная система международных отношений не будет официально признана мировым сообществом и не найдет своего прямого закрепления в документах международных органи-

заций, проблему обеспечения прав и интересов своих соотечественников за рубежом останется в актуальной повестке внешней политики России. Отдельные действия могут улучшить положение диаспоры, но системно и надолго это не изменит ситуацию.

В политическом отношении важно в дополнение к тем мерам, которые уже предпринимаются руководством России, исходя из существующих возможностей, продолжить работу по формированию благоприятного образа России за рубежом с привлечением к этой деятельности представителей гражданского общества. При этом следует учитывать то обстоятельство, что против России в ежедневном режиме ведется информационная война, направленная на дискредитацию государства, его граждан и формирование в лице России «образа врага». В настоящее время крайне востребованными становятся новые коммуникационные технологии по противодействию такой недружественной политике ряда стран в отношении нашего государства.

Прежде всего, речь идет о виртуальном пространстве глобальной сети Интернет, именно на работе в нем следует сконцентрировать внимание. Этот подход и соответствующие инициативы соотечественников за рубежом активно поддерживает МИД РФ, указывая на то, что русскоязычные граждане ведут эффективную информационную деятельность по продвижению объективного и благоприятного образа России в мире. По мнению министра иностранных дел С.В. Лаврова, профильная активность журналистов-соотечественников помогает в общем деле сплочения русскоязычных общин, объединения их со своей исторической Родиной и способ-

ствуется отстаиванию интересов русского народа за рубежом [5].

Исследование особенностей формирования позитивного образа российского государства – актуальный и практически значимый вопрос. При этом, как справедливо отмечает российский исследователь А.В. Федякин [13, с. 398], российским политикам и политологам необходимо сконцентрироваться на разработке следующих приоритетных задач:

- алгоритмов управления образом государства, включая изучение специфики разных целевых аудиторий и возможность адаптации к ним конкретных информационных технологий продвижения положительного образа России;

- теоретико-методологических основ создания и проведения информационных кампаний, направленных на продвижение благоприятного имиджа России внутри страны и за рубежом;

- вариантов оптимизации политики формирования благоприятного имиджа страны в кризисных ситуациях и условиях и т.д.

Думается, что практическая реализация этих задач позволит через улучшение образа российского государства решить ряд проблем, связанных с восприятием соотечественников за рубежом.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что в настоящее время Россия использует широкий спектр политико-правовых средств обеспечения прав и интересов соотечественников. К ним относятся: разработка и совершенствование профильного законодательства, дипломатическая работа в рамках международных организаций, реализация Программы добровольного переселения соотечественников, усиление интеграционных процессов на евразийском пространстве, в том числе в гуманитарной сфере, проведение мероприятий, направленных на формирование позитивного имиджа России внутри страны и за рубежом. Вместе с тем России следует активнее привлекать гражданское общество к решению проблем соотечественников за рубежом и продвигать благоприятный имидж страны мире. Однако всестороннее обеспечение прав и интересов российских соотечественников станет возможным только после того, как Запад откажется от политики «двойных стандартов» в вопросах защиты прав человека. В этом случае развитию «русского мира» не будет препятствовать открытая геополитическая конфронтация России и Запада.

Статья поступила в редакцию 18.12.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Л.Н. Проблема сохранения самобытности русскоязычными соотечественниками за рубежом // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 52–59.
2. Выступление Президента России Владимира Путина на Первом Всемирном конгрессе российских соотечественников (11.10.2001) // ВКСРС [сайт]. – URL: [http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-/](http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira/) (дата обращения: 28.03.2018).
3. Егоров В.Г., Колесов В.В. Место и роль программы переселения соотечественников в диаспоральной политике Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 4. С. 128–137.

4. Мажарин С. Для Запада нет задачи важнее, чем уничтожение России (25.09.2017) // Newsland [сайт]. – URL: <https://newsland.com/community/5862/content/dlia-zapada-net-zadachi-vazhnee-chem-unichtozhenie-rossii/6008845> (дата обращения: 28.03.2018).
5. МИД РФ намерен отстаивать права соотечественников за рубежом (23.06.2017) // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/politika/4360937> (дата обращения: 28.03.2018).
6. О парламентских слушаниях на тему «О проблемах с соблюдением прав человека в государствах-членах Европейского союза» (15.05.2012) // Постоянное представительство Российской Федерации в Европейском Союзе [сайт]. – URL: <https://russiaeu.ru/ru/novosti/o-parlamentskikh-slushaniyakh-na-temu-o-problemakh-s-soblyudeniem-prav-cheloveka-v-gosudarst> (дата обращения: 28.03.2018).
7. Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Латвии по правам национальных меньшинств (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/492850 (дата обращения: 28.03.2018).
8. Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Эстонии // Посольство Российской Федерации в Эстонской Республике [сайт]. – URL: <https://estonia.mid.ru/perecen-osnovnyh-pretenzij-i-rekomendacij-mezdunarodnyh-organizacij-i-npo-k-estonii> (дата обращения: 28.03.2018).
9. Плющенко А. Сечин: цель санкций против России – повлиять на выборы (интервью, 05.06.2017) // МК.RU [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/05/sechin-cel-sankciy-protiv-rossii-povliyat-na-vybory.html> (дата обращения: 28.03.2018).
10. Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века (13.06.2017) // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 28.03.2018).
11. Россия и проблематика обеспечения прав человека в государствах мира // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.mid.ru/rossia-i-problematika-obespecenia-prav-celoveka-v-gosudarstvah-mira> (дата обращения: 28.03.2018).
12. Тищенко М. Дорога домой: за десять лет в Россию вернулись 584,9 тысячи соотечественников (20.09.2017) // Русский век: портал для российских соотечественников [сайт]. – URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=10755> (дата обращения: 28.03.2018).
13. Федякин А.В. Политика формирования позитивного образа российского государства (теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа): дис... докт. полит. наук. М., 2010. 400 с.
14. Удалая Т.В. Взаимодействие государственных институтов и неправительственных организаций в вопросах осуществления политики в отношении соотечественников за рубежом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 158–162.

REFERENCES

1. Vasil'eva L.N. [The problem of preserving the identity of Russian compatriots abroad]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 5, pp. 52–59.
2. Vystuplenie Prezidenta Rossii Vladimira Putina na Pervom Vsemirnom kongresse rossiiskikh sootchestvennikov (11.10.2001) [The speech of the President of Russia Vladimir Putin at the First world Congress of Russian compatriots (11.10.2001)]. VKSRS [website]. Available at: <http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira/> (accessed: 28.03.2018).

3. Egorov V.G., Kolesov V.V. [The place and role of the program of resettlement of compatriots in the diaspora politics of the Russian Federation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2014, no. 4, pp. 128–137.
4. Mazharin S. Dlya Zapada net zadachi vazhnee, chem unichtozhenie Rossii (25.09.2017) [The West has no task more important than the destruction of Russia (25.09.2017)]. Newsland [website]. Available at: <https://newsland.com/community/5862/content/dlia-zapada-net-zadachi-vazhnee-chem-unichtozhenie-rossii/6008845> (accessed: 28.03.2018).
5. MID RF nameren otstaivat' prava sootchestvennikov za rubezhom (23.06.2017) [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation intends to defend the rights of compatriots abroad (23.06.2017)]. TASS [website]. Available at: <http://tass.ru/politika/4360937> (accessed: 28.03.2018).
6. O parlamentskikh slushaniyakh na temu «O problemakh s soblyudeniem prav cheloveka v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza» (15.05.2012) [Parliamentary hearing "on problems with human rights in the member states of the European Union" (15.05.2012)]. Postoyannoe predstavitel'stvo Rossiiskoi Federatsii v Evropeiskom Soyuze [Permanent mission of the Russian Federation in the European Union] [website]. Available at: <https://rus-siaeu.ru/ru/novosti/o-parlamentskikh-slushaniyakh-na-temu-o-problemakh-s-soblyudeniem-prav-cheloveka-v-gosudarst> (accessed: 28.03.2018).
7. Perechen' osnovnykh pretenzii i rekomendatsii mezhdunarodnykh organizatsii i NPO k Latvii po pravam natsional'nykh men'shinstv (spravochnaya informatsiya) [List of main claims and recommendations to the international organizations and NGOs to Latvia on the rights of national minorities (reference information)]. Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] [website]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/492850 (accessed: 28.03.2018).
8. Perechen' osnovnykh pretenzii i rekomendatsii mezhdunarodnykh organizatsii i NPO k Estonii [List of main claims and recommendations to the international organizations and NGOs in Estonia]. Posol'stvo Rossiiskoi Federatsii v Estonskoi Respublike [The Embassy of the Russian Federation in the Estonian Republic] [website]. Available at: <https://estonia.mid.ru/perecen-osnovnyh-pretenzij-i-rekomendacij-mezhdunarodnyh-organizacij-i-npo-k-estonii> (accessed: 28.03.2018).
9. Plyushchenko A. Sechin: tsel' sanktsii protiv Rossii – povliyat' na vybory (interv'yū, 05.06.2017) [Sechin: the goal of sanctions against Russia is to affect elections (interview, 05.06.2017)]. MK.RU [website]. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/05/sechin-cel-sankciy-protiv-rossii-povliyat-na-vybory.html> (accessed: 28.03.2018).
10. Putin ob"yasnil, pochemu schitaet raspad SSSR krupneishei katastrofoi XX veka (13.06.2017) [Putin explained why he considers the collapse of the Soviet Union to be the biggest catastrophe of the XX th century (13.06.2017)]. RIA Novosti [website]. Available at: <https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html> (accessed: 28.03.2018).
11. Rossiya i problematika obespecheniya prav cheloveka v gosudarstvakh mira [Russia and the issue of human rights in the countries of the world]. Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] [website]. Available at: <http://www.mid.ru/rossia-i-problematika-obespechenia-prav-celoveka-v-gosudarstvakh-mira> (accessed: 28.03.2018).
12. Tishchenko M. Doroga domoi: za desyat' let v Rossiyu vernulis' 584,9 tysyachi sootchestvennikov (20.09.2017) [The road home: within ten years 584,9 thousands of compatriots returned to Russia (20.09.2017)]. Russkii vek: portal dlya rossiiskikh sootchestvennikov [Russian century: a portal for Russian compatriots] [website]. Available at: <http://>

- www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=10755 (accessed: 28.03.2018).
13. Fedyakin A.V. Politika formirovaniya pozitivnogo obraza rossiiskogo gosudarstva (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty politologicheskogo analiza): dis... dokt. polit. nauk [The policy of formation of a positive image of the Russian state (the theoretical-methodological and applied aspects of politological analysis): Thesis dokt. polit. sciences]. Moscow, 2010. 400 p.
 14. Udalaya T.V. [The interaction of state institutions and non-governmental organizations in the implementation of the policy in respect of compatriots abroad]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 158–162.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ревазова Маргарита Игоревна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaffprava@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita I. Revazova – postgraduate student of the Department of political science and law, Moscow Region State University;
e-mail: kaffprava@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ревазова М.И. Политико-правовые средства обеспечения прав и интересов соотечественников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 152–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-152-160

FOR CITATION

M. Revazova. Political-Legal Means of Ensuring the Rights and Interests of Compatriots. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no 2, pp. 152–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-152-160



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2018. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,25, усл. пл. 10,25.

Подписано в печать: 28.04.2018. Выход в свет: 30.04.2018. Заказ № 2018/04-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А